YEREVAN STATE UNIVERSITY

Foreign Languages in Higher Education

Scientific Journal

VOLUME 30 - Issue 2(41)

Yerevan – 2026

YEREVAN STATE UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE

The scientific journal is published upon the decision of YSU Academic Council.

Editor-in-Chief

Yelena Yerznkyan
Dr of Science (Philology), Professor, Head of the English Language Department,
Faculty of European Languages and Communication, Yerevan State University, Armenia
e-mail: yerznkyan@ysu.am
ORCID: 0000-0002-3930-6176

Editorial Team

Irina Burnazyan, Managing Editor
PhD in Philology, Associate Professor at the English Language Department, Faculty
of European Languages and Communication, Yerevan State University, Armenia
e-mail: burnazyan.irina@ysu.am
ORCID: 0000-0002-1034-470X

Seda Gasparyan
Dr of Science (Philology), Professor at the Chair of English Philology, Faculty of European
Languages and Communication, Yerevan State University, Armenia,
Corresponding Member of NAS RA
e-mail: sedagasparyan@ysu.am
ORCID: 0000-0003-1170-4989

Claude Chastagner
Dr in American Studies, Professor Emeritus, Department of English Studies,
University Paul Valéry Montpellier 3, France
e-mail: claude.chastagner@univ-montp3.fr
ORCID: 0000-0002-6516-3375

Manfred Consten
Dr of Science, Subject Advisor and Lecturer at the Department of German Linguistics,
Faculty of Arts, Friedrich Schiller University Jena, Germany
e-mail: manfred.consten@uni-jena.de
ORCID: 0009-0005-9131-471X

Hadrian Lankiewicz
Dr of Philology, Professor, Director of the Institute of Applied Linguistics,
University of Gdansk, Professor at the Koszalin University of Technology, Poland
e-mail: hadrian.lankiewicz@ug.edu.pl
ORCID: 0000-0001-5124-7861

Arega Akopyants
Dr of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Theory and Methodology
of Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages and International Tourism,
Pyatigorsk State University, Russia
e-mail: imadean@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9506-444X

Veronika Lipp
Dr of Philology, Director General of the ELTE Research Centre for Linguistics,
Budapest, Hungary
e-mail: lipp.veronika@nytud.elte.hu
ORCID: 0000-0001-6957-5863

Gorana Bikić-Carić
Dr of Linguistics, Associate Professor of Romance Linguistics, Department of Romance Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, Croatia
e-mail: gbcaric@ffzg.hr
ORCID: 0000-0002-8325-0122

Armine Simonyan
Dr of Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Russian Armenian University, Armenia
e-mail: simvar@hotmail.com
ORCID: 0000-0001-5837-1988

Garik Galstyan
PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Languages, Cultures, and Societies, University of Lille, France
e-mail: garik.galstyan@univ-lille.fr
ORCID: 0009-0004-0159-4696

Ara Arakelyan
Dr of Science (Philology), Professor, Department of Foreign Literature, Faculty of European Languages and Communication, Yerevan State University, Armenia
e-mail: arakelyan.ara@ysu.am
ORCID: 0000-0002-5360-7602

Hasmik Baghdasaryan
Dr of Science (Philology), Professor, Head of the Department of Romance Philology, Faculty of European Languages and Communication, Yerevan State University, Armenia
e-mail: h.baghdasaryan@ysu.am
ORCID: 0000-0002-8184-2183

Shushanik Paronyan
Dr of Science (Philology), Professor, Head of the Department of English for Cross-Cultural Communication, Faculty of European Languages and Communication, Yerevan State University, Armenia
e-mail: shushanik.paronyan@ysu.am
ORCID: 0000-0001-6997-731X

Angelika Reichmann
PhD (Dr. habil.), College Professor / Senior Lecturer, Department of English Studies, Eszterházy Károly Catholic University, Hungary
e-mail: reichmann.angelika@uni-eszterhazy.hu
ORCID: 0000-0002-7816-5388

Nune Tovmassyan
Associate Professor at the English Language Department, Faculty of European Languages and Communication, Yerevan State University, Armenia
e-mail: tovmassiann@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6741-9293

Elena Orduna Nocito
PhD, Associate Professor, Department of English Studies, Faculty of Philology, Complutense University of Madrid (UCM), Spain
e-mail: eorduna@filol.ucm.es
ORCID: 0000-0003-4296-0045

CONTENTS

Linguistics

Nane Davtyan
Fabulous Toponyms in British and Armenian Literature: A Study of Reference 5

Gevorg Grigoryan, Ning Huichun, Jingjing Shi, Salah Eddine Salmi
Pronominal Innovations on Social Media: Usage Patterns, Development, and Future Prospects on X.....19

Nona Harutyunyan
Hedging in Gendered Discourse: A Qualitative Pragmatic Analysis of Female-Female and Male-Male Dialogues.....40

Ani Simonyan
The Ecological Footprint of Artificial Intelligence: An Ecolinguistic Analysis of Media Multimodality and Political Rhetoric 57

Yelena Yerznkyan
The Role and Significance of Deixis in Media Text 72

Methodology

Naira Dashyan
Phraseologized Syntactic Structures as a Component of Non-Native Speakers' Communicative Competence.....89

Nare Hakobyan
The Implementation of Project-Based Learning Methodology in Social Science Education at V. Brusov University 105

https://doi.org/10.46991/FLHE.2026.30.2.005

FABULOUS TOPONYMS IN BRITISH AND ARMENIAN LITERATURE: A STUDY OF REFERENCE

Nane Davtyan[*]
https://orcid.org/0009-0000-7530-9262
Yerevan State University

Abstract: *Toponyms have long been a central focus of scholarly inquiry. Toponymy, the study of place names, is an interdisciplinary academic field. Several disciplines—including Linguistics, History, Geography, Ethnology, and Archaeology—examine these lexical units, each with its own specific interests. This study explores the linguistic mechanisms of reference employed in British and Armenian fabulous toponyms, namely the invented place names that populate the mythic or fantasy landscapes depicted in British and Armenian literature. By analysing examples such as Hogwarts, Narnia, Neverland, and Camelot, the article investigates how these fictional toponyms derive meaning through multiple referential layers. Three primary dimensions of reference are identified: intra-textual, pertaining to the internal structure of the fictional universe; inter-textual, relating to resonance with antecedent literary traditions and the real world; and real-world, involving references to geographical, cultural, and linguistic realities beyond the textual domain. The fundamental question remains: "How do we refer to something that does not exist in reality?"*

Keywords: *toponymy, imaginary toponyms, reference, inter-textual reference, intra-textual reference, real-world reference*

Introduction

Reference concerns the relation between words and extra-linguistic reality, that is, what words stand for or refer to in the outside world or the universe of discourse. This is how Wales understands reference in philosophy and semantics (Wales, Katie, 1989).

[*] nane.dvtyan@ysu.am

Received: 08/10/2026
Revised: 01/11/2026
Accepted: 07/11/2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2026

The traditional approach to reference in semantics holds that reference is a relationship between expressions in a text and entities in the world, and that co-reference is a relationship between expressions in different parts of a text (Brown & Yule, 1983, p. 204).

Accordingly, the referent of the word 'chair' is the piece of furniture used for sitting. In linguistics, care is usually taken to distinguish knowledge of the world from knowledge of language: the extra-linguistic notion of reference is contrasted with the intra-linguistic idea of sense, a property arising from the meaning relations between lexical items and sentences (Crystal, 1985, p. 391).

In grammar and text linguistics, reference is used in a broader sense to denote any form of designation, both textual and situational. In semantics, it is recognized that not all elements of a language refer to specific objects in the external world. The majority of these elements are grammatical or function words (prepositions, conjunctions, determiners, and pronouns). Pronouns, however, are a class of words whose semantic reference varies from situation to situation. In a text, the terms reference and refer are convenient for describing the function of words such as pronouns and determiners in designating a noun phrase they identify within the immediate co-text (Wales, 1989, p. 397).

Morley (Morley, 1985, p. 76) sees reference as the meaning relationship linking the full lexical expression of an entity or circumstance to the pro-form or substitute to which it refers. Lyons (Lyons, 1968, p. 404) states that "*the relationship which holds between words and things is the relationship of reference: words refer to things*". In a more recent statement on the nature of reference, Lyons points out that *"it is the speaker who refers (by using some appropriate expression); he invites the expression with reference by the act of referring"* (Lyons, 1977, p. 177).

Methodology

The present study adopts a qualitative research approach to investigate the concept of reference in British and Armenian fabulous toponyms. The research material comprises imaginary geographical names identified in selected British and Armenian literary works. The selection of examples is based on their relevance to the study of fictional place naming and their potential to illustrate different dimensions of reference. Particular attention is paid to the distinction between actual geographical names, which denote identifiable geographical entities, and fabulous toponyms, which designate imaginary places within fictional worlds. *Descriptive, semantic, contextual* and *comparative* methods of analysis are applied.

The *descriptive* method is employed to identify and classify fabulous toponyms occurring in the selected literary works, taking into consideration their linguistic and structural characteristics. *Semantic* analysis is applied to examine the lexical meanings, connotations, and associations conveyed by these names. This approach makes it possible to determine the extent to which the linguistic components of fabulous toponyms contribute to the construction and interpretation of imaginary geographical spaces. Together, these methods establish the linguistic and semantic characteristics of the selected material and provide a foundation for further investigation of its referential properties.

Contextual analysis is employed to examine fabulous toponyms within their respective literary and narrative environments. Since imaginary geographical names do not necessarily correspond to locations in the actual world, their interpretation largely depends on the fictional contexts in which they occur. This method helps establish how such names acquire identifiable referents through narrative descriptions, character interactions, and the internal organization of fictional settings. It therefore demonstrates the role of literary context in establishing and maintaining reference within imaginary worlds.

The *comparative* method is applied to identify similarities and differences between fabulous toponyms found in British and Armenian literary traditions. The comparison focuses on their naming patterns, semantic characteristics, cultural and linguistic associations, and referential functions. This approach makes it possible to examine whether the two literary traditions employ comparable mechanisms in the creation and interpretation of imaginary geographical names, while also identifying features shaped by their respective linguistic and cultural backgrounds.

Discussion: Reference and Fiction

Bertrand Russell was the first to propose a descriptive theory of names, which held that a proper name refers not to a referent but to a set of true propositions that uniquely describe it. Rejecting descriptivism, Saul Kripke and Keith Donnellan advanced causal-historical theories of reference, which hold that names are associated with individual referents because societies that give a specific name to its referent in a naming process fix the value of the name to the particular referent within that community.

Today, however, the most widely accepted theory is the direct reference theory, which holds that proper names refer to their referents without conveying any additional information, connotations, or other meanings.

In his "Sense and Reference", Frege states that it is the meaning or concept associated with a word, phrase, or sentence that determines its reference. Reference, in turn, is the actual object or entity in the world that a word, phrase, or sentence refers to. According to Frege, understanding the sense of an expression requires grasping its reference (Frege, 1948).

Russell's theory of descriptions aimed to analyze definite descriptions in a way that avoided the problems associated with Frege's sense-reference distinction. According to him, definite descriptions, and even some proper names, should be understood as shorthand for a set of properties or characteristics. Russell acknowledged Frege's distinction between sense and reference, but he didn't always find it necessary to maintain it. He argued that in some cases, particularly with logically proper names, the sense and reference collapse into one another. In other words, a name directly refers to an object without an intermediary sense.

In essence, Russell's approach was to analyze language in a way that clarified how it refers to the world, while also acknowledging the complexities of meaning and reference that Frege had highlighted.

Kripke, on the other hand, developed his work Naming and Necessity, focusing on the causal theory of reference. He proposes that a proper name's referent is determined by a causal chain of communication, rather than by descriptions associated with the name. This view clearly contradicts the descriptive theory. Proper names, according to Kripke, are rigid designators. This means they refer to the same object across all possible worlds in which that object exists, regardless of whether other objects in those worlds share similar properties. For a name to be successfully transmitted through the causal chain, each speaker in the chain must intend to use the name to refer to the same object as the person from whom they learned it.

Kripke's theory primarily emphasizes the referential aspect of names rather than their semantic content. He maintains that while names possess a referent, they are not invariably linked to a particular meaning or description. This framework is effective when discussing personal names or, occasionally, real place names. However, when the focus shifts to fictional place names—the central subject of our investigation—the theory is fundamentally challenged and operates counter to expectation.

A New Approach to the Act of Referring (Theoretical Framework)

Based on this assumption, one can conclude that a referent is the concrete object or concept designated by a word or expression. A referent is an object, action, state,

relationship or attribute within the referential realm. The referential realm is a conceptual or ontological domain in which signs, symbols or linguistic expressions derive meaning by pointing to entities or ideas beyond themselves. It is the structured space of reference where meaning is established through the relationship between signs and their referents.

In semiotics and the philosophy of language, a referential realm can be understood as a system in which meaning is determined either by external correspondence (e.g., a word referring to an object in the real world) or by internal coherence (e.g., symbols referring to other symbols within a closed system, as in mathematics or in fictional narratives). The referential realm may be treated as an objective reality independent of cognition, as a social construct shaped by discourse, or as a mental framework arising from interpretive acts.

However, our research aims to examine the concept of reference from another perspective: namely, what we call reference in the study of toponymy. The focus is not on actual toponyms, that is, distinct place names designating specific geographical entities, but rather on the concept of reference as applied to imaginary toponyms. It aims to demonstrate that a reference can be indicated even in the absence of an objective referent in objective reality. That is, the speaker refers to something that lacks an existing referent. The fundamental question is "*How can imaginary toponyms refer if their referents don't exist*?"

The role of place names in fiction is crucial for shaping the reader's perception of a fictional world. These names define the cultural and historical background of a setting. They can suggest the geography, climate or political nature of a location. An example of this is Winterfell (A Song of Ice and Fire), which immediately creates an atmosphere of cold and defensiveness. This is what led us to agree with Kripke's theory of proper names, as outlined above. When studying reference in toponymy, Descriptive and Causal Theories are mostly to be supported. Let's not forget that we are speaking about toponyms, that is, place names which can be affected by different factors: location, nature, peculiarities, population, climate, etc. These are all causal factors that can be decisive in the choice of a place name, be it real or unreal.

Although it is out of context, there is relevance of discussing a few words about proper names of individuals. As it has already been mentioned above, Russell holds that a word's referent is the word itself and that it doesn't require any intermediary connotations. In my view, this is true when proper names of people are considered. Suppose a child is born and is given a name. Any associations, resemblance, or other factors are never taken into consideration. There is a bare name and there is a

referent. No any other intermediary is implied. Different individuals can have the same name but each is the bearer of his own name.

In the same context, I would like to quote Kripke's view that a proper name's referent is determined by a causal chain of communication, rather than by descriptions. This is somewhat realistic, in the sense that a proper name can be given according to a family's historical traditions. In Armenia, for example, it is traditional to name a newborn after the grandfather. But this doesn't work in toponymy.

When discussing imaginary toponyms, it is highly relevant to mention Umberto Eco's fascinating book, "The Book of Legendary Lands". From the epic poets of antiquity to contemporary science fiction writers, from the authors of the Holy Scriptures to modern fairy tales, authors have created imaginary and mythical lands that elicit excitement, amusement, fear, and other emotions that provoke curiosity. As Umberto Eco observes, we know everything about the universe of Greek mythology: Olympus, the rivers and lakes, forests, and the sea. Yet the Greek imagination continually transformed every aspect of the world into a legendary place. The examples are many and diverse. It envisages Olympus inhabited by the gods, stretches of water and mountains populated by nymphs. Hence, the entire universe has the potential to inspire research concerning legendary lands. In his publication, Umberto Eco examines the locations visited by Ulysses. Nevertheless, numerous historical, fictional, and legendary geographical sites continue to be topics of debate, particularly regarding their existence and, if existent, their precise locations.

After Ulysses' wanderings in "made-out" reality, there follows another contradictory phenomenon of "legendary reality" origin: the question of the world's seven wonders existence or non-existence. This is what is found particularly timely to consider: the Hanging Gardens of Babylon, the Colossus of Rhodes, the Mausoleum at Halicarnassus, the Temple of Artemis, the Lighthouse of Alexandria, the Statue of Zeus at Olympia, the Work of Phidias, and the Great Pyramids of Giza. The only surviving wonder is the Great Pyramid of Cheops.

Can we be certain that the most famous Temple of Artemis existed and that a certain Herostratus set it on fire to gain eternal fame? No one can state this for sure. Of all these, the only survivor is the Great Pyramid of Cheops, which we all admire today. How else could one speak about mysterious locations without casting a glance at the Orient? From antiquity to the Middle Ages, the wonders of the Orient became a literary genre that endured successive geographical discoveries. Wandering in the Orient, he presents not only the fantastic lands that Alexander the Great had seen but also birds with lettuce-leaf wings, Minotaurs, and flea-archers

the size of twelve elephants. All the various tales about Alexander gave rise to a subgenre of Oriental mirabilia, consisting of lists or descriptions of the monsters that could be encountered there.

One of the mythical lands of the Orient is the Earthly Paradise. According to the Bible, this is the land where Adam and Eve enjoyed their heavenly life and from which they were exiled after committing the original sin. To summarize the idea of Eden, he explains that, since everyday reality is cruel and brutal, Eden brings together the dreams of a happy land to which men once belonged and may one day return. As Arturo Graf (Arturo Graf, 1892-1893) states in his classic study of the Earthly Paradise, some scholars even suggested that the Eden myth echoed "the hazy memory of an ancient social condition, before the establishment of land ownership". Thus, the desire for a new land, superior to the one people were condemned to inhabit, gave rise to another legend: the secular Eden, El Dorado.

Having discussed the book containing thousands of invented or possibly invented toponyms, remarks will be complimented with a wonderful encyclopedia of imaginary things, namely the Codex Seraphinianus. Written by Italian architect and designer Luigi Serafini, it is an elaborate encyclopedia of imaginary objects and creatures. The most interesting aspect is that the book was not written in ordinary language, but rather in an unintelligible alphabet that evolved into a constructed language, or conlang. At first sight, the book appears to be the most incomprehensible edition one could ever encounter, from its language to its illustrations. However, this non-existent universe is remarkably similar to ours. Fictional names that follow consistent linguistic and cultural patterns make the world feel authentic. Even entirely made-up names should feel plausible within their setting. In The Lord of the Rings, Minas Tirith and Minas Morgul share a consistent Elvish-based structure, reinforcing the world's depth.

Names can evoke emotions and set the tone for the story. A notable example is Neverland (from Peter Pan), which conveys a sense of whimsy and eternal childhood. In contrast, specific place names can hold symbolic or thematic significance. For example, *The Shire* (The Lord of the Rings) represents an idyllic, untouched homeland worth protecting.

When analyzing linguistic reference in non-existent toponyms, one should pay attention to how fictional place names are generated from real-world languages, phonetic patterns, and naming conventions. In this regard, etymological analysis should be applied. Let us take the example of Eldorado and break the word into possible affixes and roots, it shows that it resembles words in a real language, suggesting age or legendary status.

Another approach to studying a toponym is to examine its phonetic pattern and sound symbolism. It is a fact that sounds do shape perception. Hard consonants (K, G, T) may evoke feelings of strength, fear, stress, etc., while soft consonants (L, M, N) can create a peaceful tone.

Results: Classification of Toponyms According to the Types of Reference

In this section, imaginary place names will be classified by reference type. We distinguish among *internal (intra-textual) references, inter-textual references*, and *real-world references*.

Internal references concern how toponyms appear and function within the fictional world. Imaginary toponyms (place names in fictional or created settings) that exhibit internal reference are names that refer to aspects of the place itself—such as its characteristics, history, people, geography, or symbolic meaning. These names are not merely decorative; they help world-build by embedding context, culture, or function within the name.

A speaking example of this is Tolkien's Mordor (The Lord of the Rings). In Tolkien's Middle-earth, Mordor is a dark and desolate land ruled by the Dark Lord Sauron. The name "Mordor" is derived from the Black Speech of Mordor, meaning "Black Land", which serves as an internal reference to its ominous and oppressive nature. This internal reference reinforces the land's association with evil and corruption.

The following example, Emerald City (The Wonderful Wizard of Oz), speaks much about the nature of the city. The word "emerald" refers to the green hue in the story, associated with the characters' perception through green glasses. The next descriptive toponym, one that speaks much about itself, is Carland. It is a name with English and Irish roots, generally meaning rocky land, and it appears in the English folk tale The Buried Moon.

This group can also include another toponym that provides information about the place it refers to. That is Neverland in Peter Pan's story. It embodies the magic of remaining forever young, i.e., here, children never grow old. Another example of intra-textual reference is the name of the school founded by J. K. Rowling in the Harry Potter series. According to various sources, Hogwarts, the magic school for young wizards, has an out-of–universe origin. "Hogwarts" is a blend of "hog" and "wart," referencing a plant known as hogwart, which adds a layer of botanical realism to the magical setting. Since we have classified Hogwarts within this group, let us consider another toponym from the Harry Potter universe. Specifically, the name of a magical village called Hogsmeade, which is "factually"

located in the Scottish Highlands. Considering its origin, an analogous explanation can be applied in the analysis of this toponym. According to tradition, it was established in the tenth or eleventh century, coinciding with the founding of Hogwarts University. Instances of this category are numerous and diverse.

An *inter-textual* reference in the study of imaginary toponyms refers to the way fictional place names evoke or directly borrow meaning or connotation from other texts — whether fictional, historical, mythological, or cultural. In this respect, a term particularly notable for its influence is Julia Kristeva's, which posits that texts are not isolated creations but are shaped by a network of other texts (Julia Kristeva, 1966). In the context of imaginary toponyms, *inter-textual references* serve several purposes.

1. They can evoke known narratives or worlds. Sometimes these toponyms are designed to evoke well-known places from other works, subtly linking one fictional world to another. For example, J.K. Rowling's Azkaban phonetically and thematically recalls Alcatraz (a real-world prison island) while hinting at the Persian word "abad" (a suffix meaning place), linking it to older linguistic traditions.

   Another world-evoking toponym is Eldorado, used by Poe, Voltaire, and some other modern fantasy writers. It originally emerged in a Spanish legend, pointing to a mythical city of gold. Later, it appears as a symbolic toponym in literature to denote utopia or illusion. In some other cases, they can be used for *genre signposting*. In other words, a toponym may carry cues that situate it within a particular literary or genre tradition. A name like *"Rohan"* in Tolkien's work may evoke associations with Scandinavian or Anglo-Saxon roots, echoing epic traditions and heroism, and inviting comparison with historical or mythological geographies.
2. Sometimes these references create an *allusive layering*. These toponyms embed references to earlier works, deepening meaning for readers who catch them. In Ursula K. Le Guin's *Earthsea*, names carry etymological weight and magical power, echoing not only the Bible and classical mythology but also linguistic theories from Tolkien or anthropological studies—creating inter-textual resonance.
3. *Parody or Subversion*. Authors might create toponyms that mock, invert, or comment on established fictional or real places. Pratchett's *"Ankh-Morpork"* parodies the classic urban-fantasy city and offers inter-textual nods to London, Rome, and other cultural metropolises.

   Another example of subversion is Camelot, the legendary castle associated with King Arthur. Initially, it appears in the Lancelot-Grail cycles. Later, it

becomes the symbol of the Arthurian kingdom. The origin of the word is unclear. As for its geography, medieval texts place it somewhere in Great Britain.

4. Toponyms can carry inter-textual weight through their linguistic construction alone. Tolkien, a philologist, coined names such as *"Minas Tirith"* and *"Mordor"* using invented languages rooted in authentic linguistic traditions, thereby creating layers of allusion that enrich the mythological depth of Middle-earth.

This category may include the Armenian toponym Չինիմաչին (Chinimachin). Initially, this toponym was used as Չինումաչինա (Chinumachin) in Golden Fish (Ոսկե Ձկնիկ). Afterwards, it appeared in another fairy tale (Խոզապած) as Չինիմաչին (Chinimachin).

In the study of imaginary toponyms, a *real-world reference* is how fictional place names (toponyms) draw on or allude to actual geographical locations, historical events, cultural concepts, or linguistic elements. These references ground the fictional world in a semblance of reality, enhancing its believability and resonance with readers. Imaginary toponyms often draw on the real world to create names that are both plausible and meaningful. One example is *"Gondor"* from J.R.R. Tolkien's *The Lord of the Rings*. The name "Gondor" is derived from Tolkien's constructed Elvish languages but echoes the structure and resonance of real-world place names, lending it a sense of authenticity.

Another example of this is *"Narnia"* in C.S. Lewis's The Chronicles of Narnia. The name "Narnia" is inspired by the ancient city of Narnia in Italy, grounding the fictional world in a real historical context. Another interesting toponym, Shangri-La, can also be classified here. It was used by the British author James Hilton in his novel Lost Horizon. In this novel, the people living there are almost immortal and age very slowly, living for hundreds of years. From this novel, Shangri-La has become synonymous with paradise, a happy land isolated from the world. In addition to its fictional character, Shangri-La is applicable in the real world. It is an existing village in Yunnan, China. What makes it more interesting is that, in this case, it is not fiction that took the toponym from reality. Still, reality itself appropriated the toponym from fiction, as the Chinese city was named after the mythical land. Examples of real-world references in both English and Armenian tales are numerous. Examples include Ուռումը (Urum) – an archaic form of Հռոմ (Rome) that evokes a sense of authenticity and accuracy; Ստամբոլ (Stambol), the transformed version of Istanbul; Սպահան (Spahan), another name for Isfahan (the third-largest city in Iran); Մասսա սար, which refers to Mount Masis;

Իգդիր (Igdir), a city in eastern Turkey, within the territory of Eastern Armenia and many others.

Conclusion

The examination of reference mechanisms in fabulous toponyms demonstrates that invented place names function as complex semiotic devices that enrich fictional worlds.

In conclusion, the analysis demonstrates that the reference of fabulous toponyms cannot be explained solely in terms of their correspondence to geographical entities in the actual world. Although names such as *Wonderland* and *Narnia* lack actual-world geographical referents, they acquire identifiable meanings within their respective fictional universes. Their referential functions can be examined through three interconnected dimensions: intra-textual reference, which establishes the identity of a place within the fictional narrative; inter-textual reference, which connects it with literary traditions, myths, and other narratives; and real-world reference, which reveals its associations with actual geographical, cultural, and linguistic realities. These dimensions demonstrate that fabulous toponyms operate across the boundaries of fiction and reality, enabling readers to identify imaginary places and interpret their significance.

Thus, the answer to the central question of how language refers to something that does not exist in physical reality lies in the distinction between actual-world existence and referential identification within a fictional framework. Fabulous toponyms demonstrate that a name can perform a meaningful referential function without designating an actual geographical location.

The study of reference in fabulous toponyms confirms the central role of naming in the construction of fictional realities. Understanding how these names operate not only illuminates the poetics of world-building but also reveals broader cognitive and cultural processes through which readers interpret and relate to imaginary spaces. To sum up, one more interesting point is to be noted. Since this research is devoted to the analysis of two national folk tales, British and Armenian, an interesting phenomenon has been observed: the English are more inclined to use toponyms than the Armenians. When a British fairy tale opens, it is normally followed by a description of the setting or the toponym itself. Armenian fairy tales are more inclined to use descriptive or associative words rather than naming the location - աղբրի կշտին, ձառի տակին, Սև դևի սահմանը, թագավորի ամարաթները, ուրիշ քաղաք, ջրի ղրաղ, etc.

References

Barrie, J. M. (1911). *Peter and Wendy*. Hodder & Stoughton.
Baum, L. F. (1900). *The wonderful wizard of Oz*. George M. Hill Company.
Brown, G., & Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge University Press.
Chrétien de Troyes. (1997). *Lancelot: The knight of the cart*. New Haven, USA: Yale University Press.
Crystal, D. (1985). *A dictionary of linguistics and phonetics*. Basil Blackwell Ltd.
Eco, U. (2013). *The book of legendary lands*. Rizzoli Ex Libris.
Frege, G. (1948). *Sense and reference*. Duke University Press.
Graf, A. (1848–1913). *Myths, legends, and superstitions of the Middle Ages*. Ermanno Loescher.
Hilton, J. (1933). *Lost horizon*. Macmillan.
Jacobs, J. (1894). *More English fairy tales*. David Nutt.
Kripke, S. A. (1980). *Naming and necessity*. Harvard University Press.
Kripke, S. A. (2013). *Reference and existence: The John Locke lectures*. Oxford University Press.
Kristeva, J. (1966). *Word, dialogue and novel*. Les Éditions de Minuit.
Lewis, C. S. (1950). *The lion, the witch and the wardrobe*. Geoffrey Bles.
Lyons, J. (1968). *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge University Press.
Lyons, J. (1977). *Semantics* (Vol. 1). Cambridge University Press.
Martin, G. R. R. (1996). *A game of thrones*. HarperCollins Voyager.
Morley, G. D. (1985). *An introduction to systemic grammar*. Macmillan.
Pratchett, T. (1983). *The colour of magic*. Colin Smythe.
Rowling, J. K. (1997). *Harry Potter and the philosopher's stone*. Bloomsbury.
Russell, B. (1927). *The analysis of matter*. Allen and Unwin. Reprinted, New York.
Thomasson, A. L. (1999). *Fiction and metaphysics*. Cambridge University Press.
Tolkien, J. R. R. (1954–1955). *The lord of the rings*. George Allen & Unwin.
Voltaire. (1759). *Candide, ou l'optimisme*. Gabriel Cramer.
Wales, K. (1989). *A dictionary of stylistics*. Longman.
https://en.wikipedia.org /wiki/ List_ of_fictional_settlements
hy.wikisource.org/wiki/Հայ_ժողովրդական_հեքիաթներ, _հատոր_2

Ն. Դավթյան – *Մտացածին տեղանունների վերաբերությունը բրիտանական և հայկական գրականության մեջ.* – Տեղանունները վաղուց ի վեր հանդիսանում են գիտական ուսումնասիրության կարևորագույն օբյեկտներից մեկը։ Տեղանվանագիտությունը՝ որպես տեղանունների ուսումնասիրությամբ զբաղվող գիտակարգ,

ունի միջառարկայական բնույթ: Մի շարք գիտություններ, այդ թվում՝ լեզվաբանությունը, պատմությունը, աշխարհագրությունը, ազգագրությունը և հնագիտությունը, ուսումնասիրում են այս բառային միավորները՝ յուրաքանչյուրն իր առանձնահատուկ գիտական հետաքրքրությունների շրջանակում:

Սույն հետազոտությունն ուսումնասիրում է վերաբերության լեզվական մեխանիզմները բրիտանական և հայկական մտացածին տեղանուններում: Խոսքը հորինված տեղանունների մասին է, որոնք բրիտանական, հայկական և առհասարակ առասպելական կամ ֆանտաստիկ աշխարհների անբաժանելի մասն են կազմում գրականության մեջ: Hogwarts, Narnia, Neverland և Camelot տեղանունների օրինակների վերլուծության միջոցով հոդվածում ուսումնասիրվում է, թե ինչպես են այս հորինված տեղանունները իմաստ ձեռք բերում վերաբերության տարբեր շերտերում:

Ուսումնասիրության շրջանակում առանձնացվում են վերաբերության երեք հիմնական տեսակներ՝ ներտեքստային, որը վերաբերում է մտացածին աշխարհի ներքին կառուցվածքին, միջտեքստային, որը կապված է նախորդ գրական ավանդույթների և իրական աշխարհի հետ ունեցած կապերի հետ, և իրական՝ տեքստից դուրս աշխարհագրական, մշակութային և լեզվական իրողությունների վերաբերությունը: Ուսումնասիրության հիմնարար հարցն է՝ «Ինչպե՞ս կարելի է ցույց տալ վերաբերություն մի բանի, որն իրականում գոյություն չունի»:

Բանալի բառեր՝ *տեղանվանագիտություն, երևակայական տեղանուններ, վերաբերություն, միջտեքստային վերաբերություն, ներտեքստային վերաբերություն, վերաբերություն դեպի իրական աշխարհին*

Н. Давтян – *Воображаемые топонимы в британской и армянской литературе: исследование референции*. – Топонимы уже давно являются одним из центральных объектов научного исследования. Топонимия, представляющая собой изучение географических названий, является междисциплинарной научной областью. Несколько дисциплин, включая лингвистику, историю, географию, этнологию и археологию, исследуют эти лексические единицы, каждая в соответствии со своими специфическими научными интересами.

В настоящем исследовании рассматриваются лингвистические механизмы референции, используемые в британских и армянских фантазийных топонимах, то есть вымышленных названиях мест, которые формируют мифические или фантастические пространства, изображённые в британской и армянской литературе. Посредством анализа таких примеров, как Hogwarts, Narnia, Neverland и Camelot, в статье исследуется, каким образом данные фикциональные топонимы приобретают значение посредством нескольких референциальных уровней.

Выделяются три основных измерения референции: интратекстуальное, относящееся к внутренней структуре фикционального мира; интертекстуальное, связанное с отсылками к предшествующим литературным традициям и реальному миру; референция к реальному миру, предполагающая обращение к географическим, культурным и языковым реалиям, находящимся за пределами текста.

Таким образом, принципиальный вопрос заключается в следующем: «Как мы можем ссылаться на то, чего в действительности не существует?»

Ключевые слова: *топонимия, воображаемые топонимы, референция, интертекстуальная референция, интратекстуальная референция, референция к реальному миру*

https://doi.org/10.46991/FLHE.2026.30.2.019

PRONOMINAL INNOVATIONS ON SOCIAL MEDIA: USAGE PATTERNS, DEVELOPMENT, AND FUTURE PROSPECTS ON X

Gevorg Grigoryan[*]
https://orcid.org/0000-0002-1689-8375
Nanchang Polytechnic University

Ning Huichun[**]
https://orcid.org/0000-0002-0798-2006
Mara Teknologi University

Jingjing Shi[***]
https://orcid.org/0000-0002-5948-3591
Taizhou Vocational and Technical College

Salah Eddine Salmi[****]
https://orcid.org/0009-0001-2859-7457
Université Ibn-Tofail

Abstract: *This research paper discusses the formation and development of linguistic innovations on social media platforms. Communication on social media platforms has unquestionably become an essential component of modern communication. As a result of social media communication, many grammatical structures and lexical items have emerged in recent years; hence, linguists need to identify these innovations, study the causes of their formation, and consider their possible integration into the standard language. As new technologies have developed, new language anomalies have appeared on social media sites. The English language has experienced significant modifications due to its widespread use on social media and the Internet. Some language variations may become standard forms over time, although frequency alone does not establish standardization. Therefore,*

[*] gevorg.grigoryan93@gmail.com
[**] ninghuichun@163.com
[***] janejjshi@outlook.com
[****] salaheddinesalmii@gmail.com

Received: 25/08/2026
Revised: 24/10/2026
Accepted: 07/11/2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2026

this research paper examines commonly used linguistic innovations on social media platforms and their potential relationship to language norms. The study focuses on pronominal variants and includes a questionnaire to gather data on the causes and users of linguistic deviations. Time-series analysis is used to examine frequency trends and make tentative projections about the possible future development of these forms.

Keywords: *linguistic innovations, social media, X (formerly Twitter), non-native speakers, language change and variation, online communication*

Introduction

Language is constantly changing to meet the needs of its speakers. Advanced technologies continually encourage the creation of linguistic innovations, which have always been the focus of mainly sociolinguistic studies, historical linguistics, and computational linguistics.

Linguists consistently attempt to record the origin and process through which linguistic innovations are formed and model how they will evolve over time. More recently, sociolinguists have focused on linguistic innovations that occur on different social media platforms. Although linguists have shown a strong interest in the formation and development of linguistic innovations on different social media platforms, their origins and spread have still been largely unexplored. Undoubtedly, the dissemination of linguistic innovations on different social media platforms is actively developing. Over time, linguistic innovations have the potential to turn into language norms. Hence, more studies should be conducted in this field to assess the fate of linguistic innovations and consider their possible integration into the standard language.

> *In this study, linguistic innovation refers not only to newly created forms but also to established informal expressions whose use, circulation, and potential normalization in social-media communication are examined. The manuscript intentionally uses these terms interchangeably to reflect the study's operational framework, in which linguistic innovations are examined through their deviation from established language norms. This terminology is adopted for the purposes of the present analysis rather than to suggest that the concepts are theoretically identical.*

Research Status and Gaps

> *Despite much discussion and prior research on the identification of linguistic anomalies on social media platforms, there are few studies, to our knowledge, that have focused on the use of non-standard pronoun forms and their possible standardization. However, compared to other non-standard variants, pronominal*

variation is particularly prominent, which is mainly related to two factors: common usage and the condensation of emotive and expressive meanings. Identifying pronominal variants and thoroughly studying their formation and dissemination will facilitate better integration of linguistic innovations into the standard language.

Objective of the Study

The current research paper seeks to:

1) explore the effects of social media on linguistic innovations and language change,
2) study the sociolinguistic factors that contribute to the formation of linguistic innovations on social media platforms,
3) forecast the positive and negative tendencies in the integration of non-standard variants into the standard language based on the collected data,
4) explore the main users of linguistic deviations on social media platforms: native or non-native speakers.

Our research paper provides fresh theoretical insights on how sociolinguistic theories apply to online environments. Additionally, the practical significance of this research paper is deeply supported by the applicability of NLP systems to new linguistic units.

Taking all the above into consideration, there is a need to confirm and evaluate the possible developments of linguistic innovations on social media platforms. Hence, the present study attempts to address this gap by asking the following research questions:

RQ1: What are the causes of the formation of linguistic innovations in social media platforms?

RQ2: Are linguistic innovations mainly used by native or non-native English speakers on social media platforms?

RQ3: What are the common linguistic tendencies and how are they going to shape the future of the English language?

By providing answers to the above-mentioned questions, the current study seeks to facilitate better integration of linguistic innovations to the standard language.

The imperative to answer these research questions can ultimately lead to more efficient integration of linguistic innovations into standard language. The outcomes of this research could be a blueprint for sociolinguists.

Literature Review: Social Media

Language is used for communication. Humans need a means of communication to meet social needs (Natsir et al., 2020). Communication is an indispensable part of human activity. Digital technologies have revolutionized the whole process of communication.

Nowadays, social media has become the key medium of mass communication. The term social media describes interactive computer-mediated technologies that facilitate the creation or sharing of information, ideas, career interests, and other forms of expression via virtual communities and networks (Wong et al., 2020).

Social media includes a wide variety of popular online platforms such as Facebook, X (formerly Twitter), LinkedIn, Snapchat, Reddit, YouTube, Instagram, WhatsApp, blogs, vlogs, microblogs, etc. In recent years, social media platforms have become an integral part of our daily lives, reshaping the mode of communication. With social media playing an integral role in our daily lives, the way we communicate has dramatically changed (Wong et al., 2020).

Communication on social media has substantially transformed standard language by adding more expressive and emotive overtones, linguistic novelties, non-standard forms (in this paper, the terms "linguistic innovation," "deviation," and "non-standard form" are used interchangeably), and inclusivity. This transformation reflects how languages evolve in the digital age to meet the needs of their virtual communicators. It is critical to acknowledge and accept how social media affects the future of any language.

It is worth mentioning that although these terms are employed interchangeably for readability purposes, they are distinguished in this study as follows. A non-standard form is any form that deviates from the standard form. A non-standard form is not necessarily an error. A linguistic innovation refers to a non-standard form that spreads among social media users (in this study, at least 10 occurrences over at least two years). Forms such as lemme, gimme, and imma existed in spoken English long before the emergence of social media. In this paper, we consider these forms innovations because of their use and circulation online, not because they first appeared there. Pronominal variants refer to the variant forms of pronouns. A language norm is a form accepted in standard usage and recorded in dictionaries without a non-standard label. Finally, frequent use of non-standard forms alone does not make a form standard.

Social media substantially shapes the language we use for daily communication. In his article "Internet Linguistics: A Linguistic Analysis of Electronic Discourse as a New Variety of Language," Atef Odeh AbuSa'aleek (2015) discusses how the

development of the Internet and electronic communication has contributed to new forms of language and changes in online language use. Online users express their feelings through informal language, slang, emojis, abbreviations, and departures from conventional grammar and punctuation. The language of social media is characterized by its casual tone, informality, freedom of expression, brevity, and creativity. It continues to develop and adapt to new trends influenced by the cultural identities and values of users. Linguistic innovations have become commonplace on social media platforms and may influence how users interact in professional and everyday contexts.

The emergence of social media communication has prompted concern and criticism among some researchers. Some language experts believe that the overuse of linguistic innovations in the social media ecosystem could lead to a decline in grammatical structures. Others hold a different view. Mallary Jean Tenore, as quoted by Uk (2022), argues that language is always evolving and that technology can be a healthy part of that evolution. Language change cannot be avoided and is influenced by developments, adaptation, and shifting social patterns and systems, including education, social competence, culture, and technology (Bahri et al., 2023). Languages used on social media platforms undergo changes. However, because English is widely used on social media, it has experienced noticeable changes in grammar and lexical items that may contribute to broader language change (Fibriasari et al., 2022). Social media platforms continue to play a key role in mass communication, making it important for linguists to study the formation of linguistic innovations and track their development.

Social Media in the Context of Sociolinguistics

"New directions" for sociolinguistics are not an uncommon theme. The field of sociolinguistics has developed by revisiting and adapting sociolinguistic concepts to match social reality (Al Zidjaly, 2019).

Social media presents a new reality for sociolinguistic studies. Social media has created an environment where the interconnection between language and society is mediated by virtuality.

Social media is a multinational domain. Some online spaces have populations larger than those of entire nations. Social media is a platform that facilitates communicating and sharing between users (Bahri et al., 2023).

Virtual realities are characterized by many features: anonymity, interactive multimedia resources, and rapid online and offline feedback, the absence of

physical space, accessibility, multicultural online society, fakeness, etc. All these features are considered to be barriers to linguistic innovation studies.

Many sociolinguists find it difficult to conduct accurate and in-depth research on social media platforms because social media enables its users to change their details according to their preferences. This is no doubt partly because anonymity in CMC 'raises problems for traditional variationalistic methods which assume that reliable information about participant gender, age, social class, race, geographical location, etc., is available to the researcher' (Herring, 2001, p. 621).

Social media has become a domain where people with different linguistic, cultural, and ethnic backgrounds meet their social needs. That is why much attention should be paid to the communication carried out on social media. Today, many social groups communicate with each other by using some dialectal words. The current virtual environment gives rise to many linguistic innovations, which are transmitted from one social group to another. Dialectal words disseminate on social media platforms and become commonplace. However, not all the linguistic innovations emerge because of dialectal words.

Language use in a social context varies depending on the community, situation, and even time and place (Pasa & Mahyuni, 2022).

Teenagers do not speak the same way and they have no limitations in expressing their thoughts, especially on social media platforms. The variety of languages they mostly communicate in is informal language (Pasa & Mahyuni, 2022).

Young people are another source of linguistic variations. Youngsters try to express themselves by creating new forms of language units.

In addition to dialectal words and youth slang, linguistic innovations also emerge because of linguistic economy. Linguistic economy is a phenomenon shared by many online users. It refers to the principle of least effort.

Social media users do not want to waste their time, or put effort into typing letters, they want to convey the maximum amount of information with the least effort. Language changes generated by technology and social media deserve serious attention because of their growing popularity (Natsir et al., 2023).

Once innovations are introduced, their dissemination and normalization can follow different paths. Some innovations attract many users and spread widely, while others are used by a limited number of online users and then disappear. Dissemination is related to frequency, but frequency alone does not establish that a form has become a language norm. Language is a social fact, a kind of social contract. It exists not in an individual, but in a community (Bauer, 2007). The theoretical basis of this study is constructed as follows: (1) variationist

sociolinguistics relates language change to social factors such as age, sex, and education, although anonymity makes these factors difficult to verify online (Herring, 2001); (2) Kachru's model of World Englishes helps explain why users from different English-speaking contexts may influence the development of English; and (3) the principle of linguistic economy helps explain the use of shortened forms. Bauer's (2007) framework is also relevant because it treats spread as growth in frequency within a community. Together, these approaches lead to the analysis: variationist sociolinguistics informs the sociolinguistic factors examined in the questionnaire (age, sex, education); Kachru's model serves as a basis for the comparison of native and non-native users (RQ2); the principle of linguistic economy helps us to reflect the interpretation of the reasons for using non-standard forms (RQ1); and Bauer's framework demonstrates the use of frequency growth over time as the indicator of spread (RQ3).

X (formerly Twitter)

X, formerly known as Twitter, has grown into one of the most popular social media platforms in the past two decades. It is a microblogging website, where online users can post short messages known as tweets. X microblog is particularly effective for microblogging, setting up discussions, and enhancing messages. The popularity of X microblogs mainly stems from the fact that it provides functionality to its users to broadcast their thoughts within a 280-character tweet. Moreover, X gauges a user's interests and suggests others to follow, which differs from social media tools like Facebook (Hattem & Lomicka, 2016).

Compared to other social media platforms, the content of X is categorized according to different themes and topics. Thereby, each user can choose who to follow, hence creating a content stream unique to one's interests (Daneshjou et al., 2021).

The user population of X is diverse. It includes users from different parts of the world. Many users of social media are multicultural and multilingual (Eleta & Golbeck, 2014). Hence, X has become a source of spontaneously generated textual data for many human languages (Fernandez de Landa et al., 2019).

Because of its multilingual and multicultural nature, X has become a fruitful environment for the creation and dissemination of linguistic variants. It should be noted that the platform-specific discussion is included here because the time-series analysis in the following methodology section predominantly relies on X data.

Methodology and Data Analysis

Previous studies by Crystal (2011), Tagliamonte and Denis (2012), Eisenstein et al. (2014), Grieve et al. (2018), and Fljyan (2016) have examined Internet slang, the emergence of new words, abbreviations, alphanumeric words, the diffusion of new words, and linguistic change across social media platforms. However, less attention has been paid to whether these variants become language norms and how users from different linguistic backgrounds may affect this process. The present study addresses these questions by examining the development and possible future trajectories of linguistic variants on social media platforms.

Our research methodology consists of three steps: (1) identifying linguistic innovations; (2) analyzing the sociolinguistic factors and causes of variant formation; and (3) examining the possibility of linguistic innovations becoming language norms.

We start our study by focusing on Internet slang, or Netspeak, which is an umbrella term commonly employed to refer to a variety of linguistic deviations. In our research, we mainly focus on the study of pronominal variants. The selection is driven by three major factors: first, non-standard pronominal forms are widespread on different social media platforms and they regularly appear in electronic communication; second, compared to other linguistic innovations, it is relatively easy to identify and track these pronominal innovations; third, pronouns are considered to be one of the most commonly used word units in English, at the same time conveying expressive and emotive overtones. Pronouns are an indicator of the target of attention of the speaker or writer (Mayor & Bietti, 2024).

In the current study, we attempt to present and analyze pronominal innovations, and their possible future development and predict language changes that may occur in the near future.

The starting point of this study is the pronominal innovations in Internet dictionaries, which are available at noslang.com, wordnik.com, and urbandictionary.com. These online dictionaries are regularly updated. After detailed examination, we only chose those linguistic innovations that have been used at least 10 times on different social networking websites, and have been used for a relatively long time (at least three years). The total number of pronominal innovations examined in this study is around 10,000. Our research team selected eight categories of pronominal innovations that were mmost relevant to the research questions (analyzed below). Some of these variants are very common, while others are very unique. However, it should be mentioned that the number of unique innovations is relatively small. In terms of frequency, we set a minimum of 10 occurrences; 80% of the terms appear at least 50 times on average.

After finding out the commonly used pronominal innovations in social media platforms, we began the second part of our research: what are the causes of the formation of linguistic innovations in social media, and who mainly uses variants: native or non-native speakers?

To address the research questions, this study employed a mixed-methods design, using a questionnaire with both closed-ended and open-ended questions.

> *The questionnaire combined closed-ended questions, which produced quantitative outcomes, with qualitative interpretation of participants' responses. The results are also presented as percentages.*

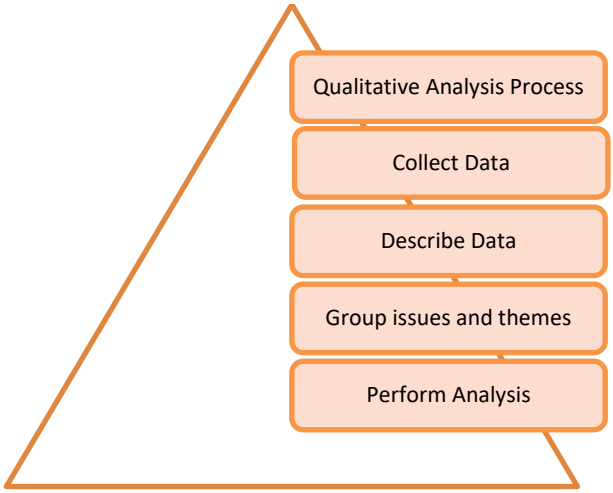
The online questionnaire was sent to social media users who had used linguistic innovations relevant to our study. We employed purposive sampling and contacted users who had posted the examined forms. The questionnaire did not distinguish creators from users of an innovation, so respondents were treated as users of the observed forms; their responses therefore cannot establish who originally created each form. The questionnaire is a suitable tool for collecting information about facts, preferences, and behaviors (Kabir, 2016). It included both open-ended and closed-ended questions (see attached).

Column 1: Socio-linguistic Information

1.	What is your age?	
2.	What is your sex/gender?	Male/female/non-binary
3.	Are you a native or non-native speaker?	Native/non-native/other
4.	What is your country of origin?	
5.	Where are you living now?	
6.	What is your highest educational degree?	High school, college, or postgraduate
7.	Why do you use non-standard forms?	
8.	Do you think it is good to use non-standard forms?	
9.	Do your friends also use non-standard varieties?	

A total of 10,000 messages were sent to social media users with the questionnaire attached. Unfortunately, only 2,975 users (29.75%) responded to our message. Our research team tried to contact those online users who did not provide any feedback one more time, but our efforts were unsuccessful. Thus, our research is confined to the answers of 2,975 people. Our research team introduced the respondents to the purpose of our study and obtained their consent. For the comprehensive analysis of collected data, Biggam's framework was employed (see Figure 1).

Figure 1. Biggam's Framework



Biggam's Qualitative Analysis Process Framework is considered to be one of the most commonly used data analysis frameworks. Our research team started the coding process after all the questionnaires had been completed. We employed graphs to illustrate the results of the coding process. These can be found below.

Figure 2: Age Groups

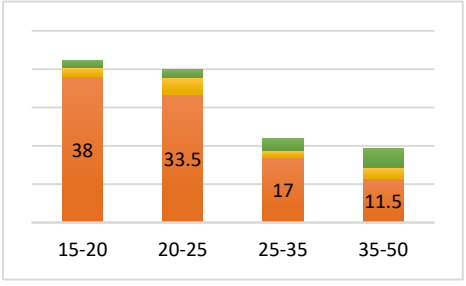


Figure 3: Sex

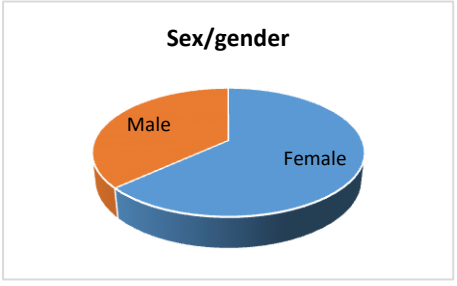


Figure 4: Current Location

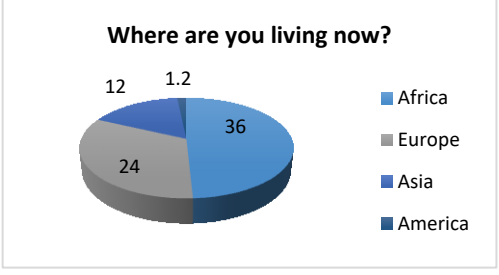


Figure 5: Educational Background

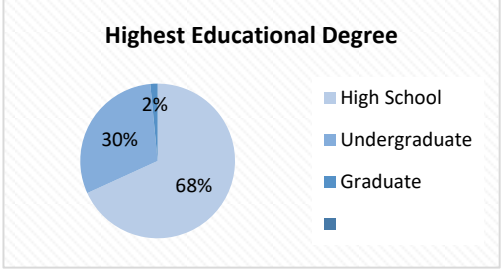
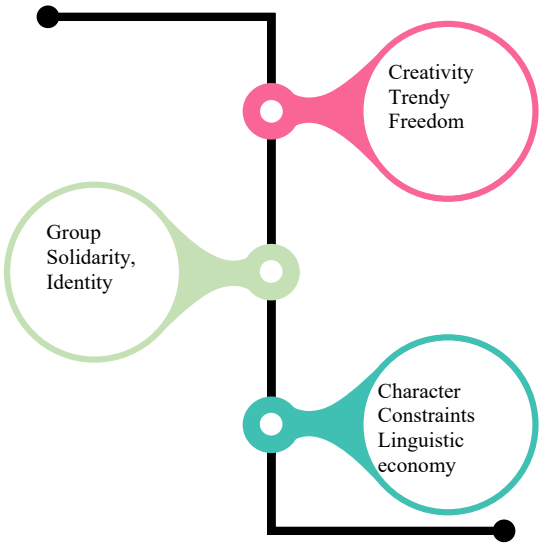


Figure 6: Formation of Linguistic Innovations: Social Factors



For the third part of our research, we employed predictive analysis. Predictive analysis uses current and historical data to identify trends and make projections over a specified time period. Kumar and L. (2018) describe predictive analytics as using current and historical data to make predictions through statistical techniques.

In predictive modeling, the purpose is to create a model that will predict the values (or classes, if the prediction does not involve numeric data) of new data based on observations (Brooks & Thompson, 2017).

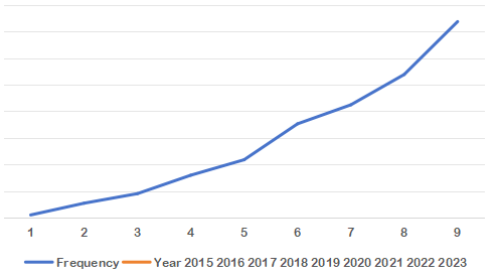
In this study, we employed a time-series model to examine longitudinal frequency data. Time-series analysis can identify frequency trends and estimate possible future developments. However, increased frequency alone cannot confirm standardization. Therefore, the forecasting results should be interpreted as tentative projections rather than definitive predictions of future language norms.

X's search system enabled us to collect data on linguistic variants. Because the time-series data were collected mainly from X, the results may not apply to other social media platforms. The time series covered the period from 2015 to 2023. Based on the data, we classified the innovations into two descriptive categories: increasing and decreasing frequency. We use "positive" and "negative" only to describe these frequency trends; the terms do not imply that a change improves or worsens the English language.

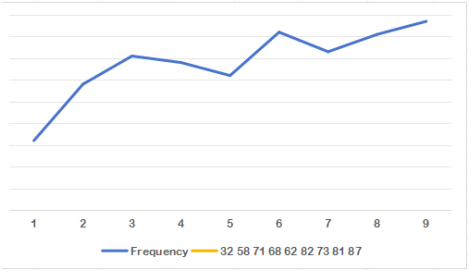
Column 2: List of Linguistic Innovations

1.		**Dun-I don't, doncha, duncha-don't you**	**Positive**
2.		Lemme, lomme, gimme, temme, hepme, etc.	Positive
3.		The she, a you, the he, the they	Negative
4.		Me-myself-I-misuse	Negative
5.		Ima (I am a), ura (you are a), hesa (he is a or he has a)	Positive
6.		Theyish, youable, youward, sheful, etc	Positive
7.		Mysello, myselfita, myselvita, etc	Positive
8.		Doself, makeself, washself, etc	Negative

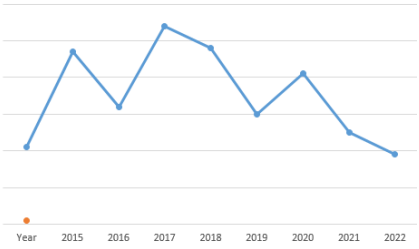
1) dun (do not)-positive



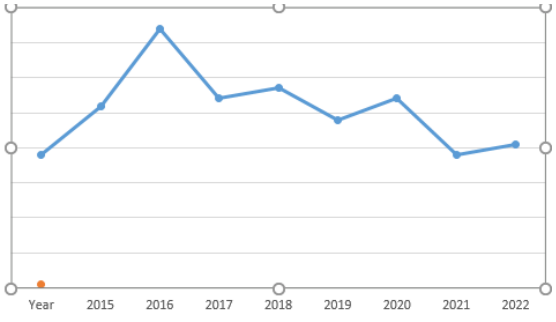
2) let me-lemme, etc-positive



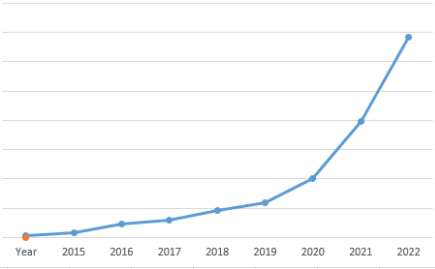
3) Article+pronouns misuse-negative



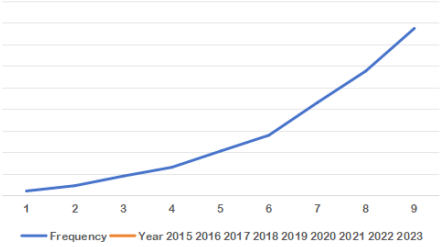
4) Misuse of Per., Ref., Poss. Pronouns-negative



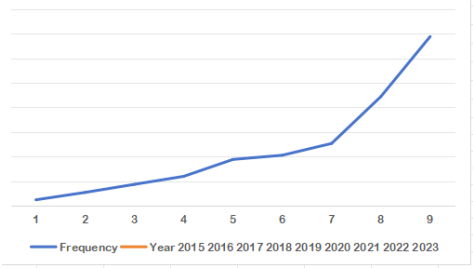
5) I am a (ima), ura (are a)-positive



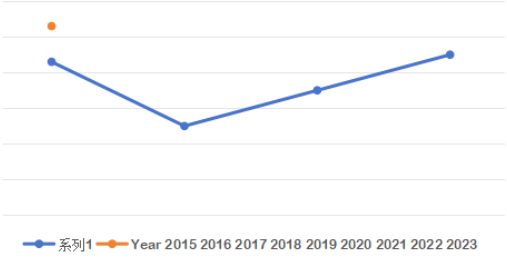
6) Pronoun+suffix-positive



7) Mysello, myselfita, myselvita, etc-positive



8) Reflexive Verbs (Doself)-negative



After identifying positive and negative tendencies, we attempted to reveal their probability of becoming a linguistic norm. To accomplish this goal, we employed the following formula: P(A) = n(A)/n(S)n(A)

Number of time sequence

P(A)=

Total number of frequency

In the formula P(A) = n(A)/n(S)n(A), P(A) is described as the expected probability, n(A) refers to years, and n(S) indicates the total frequency. The result percentages are descriptive index of how often a form appears across the observation period,not statistical probabilities, and they should be read only as a rough indication of a form's potential to become a language norm.

(Dun-do not)

	X	2015 (15)	2016 (16)	2017 (17)	2018(18)	2019 (19)	2020(20)	2021 (21)	2022 (22)	2023 (23)
	Frequency	50	271	451	798	1.089	1.765	2.123	2.894	3.689
	Probability	0.0039	0.021	0.035	0.062	0.084	0.137	0.164	0.208	0.285
								Total	21.543	

Column 3: Probability Percentage of Becoming Language Norm

1.	**Dun-I don't, doncha, duncha-don't you**	**21.54%**
2.	Lemme, lomme, gimme, temme, hepme, etc.	32.16%
3.	The she, a you, the he, the they	0.78%
4.	Me-myself-I-misuse	0.12%
5.	Ima(I am a), ura (you are a), hesa (he is a or he has a)	34.36%
6.	Theyish, youable, youward, sheful, etc	3.45%
7.	Mysello, myselfita, myselvita, etc	18.32%
8.	Doself, makeself, washself, etc	1.23%

Discussion

Social media has become a source of linguistic innovations. Language variation can occur based on different sociolinguistic and technical factors such as age, social group, sex, ethnicity, educational background, character constraints, anonymity, virtuality, etc. Among them, age is one of the key factors that influence the formation and dissemination of linguistic innovations. Young people in particular are known as keen and skilled users of digital communication technologies (Stæhr, 2014).

> *Sociolinguists generally agree that adolescence is a life stage in which language change is often clearly visible (Androutsopoulos, 2005). The results in Figure 2 clearly show that many of the linguistic innovations in this sample are associated with online users aged 15–25. This is broadly consistent with previous research, although the specific comparison should be supported with directly relevant sources.*

Generally, social media serves as a tool for self-expression, an outlet for creativity, a venue for discussion, and a milieu for identity formation (Taylor, 2018).

Most of the social network users are young individuals, most of whom are university students. Hence, social network sites are considered to play an active role in young people's daily lives (Lenhart, 2009; Koca, 2009).

Compared with young people, middle-aged and elderly people employ standard language to communicate, or for marketing purposes. Generally, they follow the rules of standard language and consider linguistic innovations occurring in social media platforms as errors.

We also examined linguistic innovations in relation to sex and gender. Our data indicate that most respondents were female and that female participants reported

using more linguistic deviations than male participants. These results describe the questionnaire sample and should not be generalized to all social media users.

Figure 5 illustrates the academic background of the participants. According to our data, most of the respondents are high school or undergraduate students. In this sample, respondents with lower levels of education reported using more variants in their chats and posts than respondents with higher levels of education.

Figure 6 presents the reasons for employing linguistic deviations. In response to our messages, online users mentioned different causes. To represent them more clearly, we categorized them into different thematic groups: character constraints, trendiness, group solidarity, creativity, freedom, and identity formation. Among these groups, innovations associated with character constraints were particularly common. Online users want to convey the maximum amount of information with minimal effort. Linguistic economy is a common feature of online communication. In literature, these kinds of innovations are also marked as technical innovations (Crystal, Thurlow, and Fljyan).

Linguistic innovations related to ethnicity or social identity are predominantly caused by the modern age, which is characterized by the high rate of demographic mobility, facilitating the mobility of speakers and promoting their interaction (Strawn, 2022).

Figure 3 presents data on social media users' linguistic backgrounds. The questionnaire responses suggest that users from different linguistic backgrounds report using linguistic innovations on English-language social media platforms. However, these responses do not establish who originally created the forms. According to Figure 4, many respondents reported being from African and Asian countries. Some may have migrated to the USA, the UK, and Australia, but the present data do not independently verify migration histories. Contact among social media users with different linguistic backgrounds may contribute to hybridized variants such as doself, mysello, myselfita, and elleself.

The hybridization of languages at the word, sentence, and textual levels has become another focus of linguistic investigation.

In academic and linguistic discussions, there is a debate about whether only native speakers can innovate, while linguistic innovations created by non-native speakers are considered to be errors. However, we do not share this idea for the following reasons.

Nowadays, the percentage of native speakers using variants is relatively lower than that of the first and second groups. In the last century, B. Kachru predicted that the outer and expanding circles of English would exceed the inner circle,

which suggests that users of English as a foreign language employ English and share content in English more than native speakers.

High rates of non-native learners could potentially affect a language system by changing the nature of the "corpus" of a language (Cuskley et al., 2015).

Some non-native speakers on social media may know standard grammatical forms and purposefully choose non-standard forms, although this cannot be assumed for all users. Hence, social media productions by 'non-native' speakers should not be treated as errors, but rather as innovations.

In contrast to our viewpoint, some linguists identify all kinds of linguistic innovations produced by non-native speakers as errors. For example, according to SLA, non-native speakers of English should abide by ENL norms; deviations from such norms are considered errors (Hamid & Baldauf, 2013).

Classifying EFL users' innovations as errors does not seem valid and cannot be justified (Androutsopoulos, 2005).

From our perspective, if non-native speakers know the rules but choose to break them, their forms should not automatically be stigmatized as errors.

RQ3: Common linguistic tendencies and their possible future development

Dun is used by some participants as an abbreviation or contraction of do not. Many participants mentioned that they prefer to use dun because it is shorter and requires less effort. This may reflect linguistic economy. The collected data show an increase in the use of dun in the period examined, but this trend does not establish that it will become a standard form. This variant is used by both native and non-native speakers. If dun became more widely accepted, it might affect conventions of written negation, but the present data cannot support a prediction that contractions will disappear from the language system. We also encountered related forms, including iv, uv, wr, hes, wont, and shant. Their use may reduce the need for apostrophes in some online contexts, but it does not mean that apostrophes will lose their function in standard writing.

The next linguistic innovation is the verb + object personal pronoun combination (let me–lemme, love me–lomme, get me–gemme, tell me–temme, help me–hepme, etc.), which is common among some social media users. Most participants who reported using lemme considered it a phonetic representation. This phonetic representation may influence the written representation of grammatical structures. In these forms, the verb and direct object are represented as a single written unit. Some dictionaries have incorporated forms such as lemme with non-standard labels. However, this does not by itself establish that the forms are likely to become standard language norms.

The tendency to use pronouns with definite and indefinite articles (the she, the they, a you, and so on) has been decreasing. It is worth noting that, in addition to X, similar deviations can be found in online forums, blogs and microblogs. In response to our questions, some participants stated that they use pronouns with articles to emphasize the importance of the person, which often has arrogant or sarcastic overtones. Unfortunately, none of the respondents reported being unaware of grammar rules.

The interchange of reflexive, possessive, and personal pronouns was common between 2017 and 2019. At the time, many blogs and microblogs covered it. The origin of these innovations has been attributed to a lack of language skills. However, innovations developed by non-native speakers influenced native speakers as well. They have begun to use these forms in their own writing. Unfortunately, none of the users of these posts responded, so we are unable to provide accurate information. In recent years, this type of innovation has been steadily declining, so the chances of becoming a language norm are extremely low.

The next linguistic innovation discussed is ima, an informal contraction of "I am going to," also written as "I'ma" or "imma" in informal conversations. According to the collected data, the frequency of ima has increased in the period examined. This increase alone is insufficient to establish that it will become part of the standard language.

The pairing of a verb with the reflexive pronoun ending "-self" (e. g., doself, makeself, likeself) is the next grammatical innovation. Many people commented on how creative they thought this was. Because users believe that English grammar does not have this category, they have attempted to create one influenced by their mother tongue. It is difficult to forecast the future of this innovation because on X, these kinds of linguistic forms occasionally exhibit an increase in frequency and occasionally the opposite behavior is observed.

The final linguistic innovation discussed is the alteration of reflexive-pronoun endings, which appears to be influenced by contact with other languages. According to the collected data, this type of innovation has also increased in frequency. Further evidence would be needed to establish the linguistic backgrounds that contributed to these forms.

Conclusion

The current study examines the impact of social media, particularly X (formerly Twitter), on the formation and dissemination of linguistic innovations. The results suggest that social media sites provide an important environment for language

variation and change. Easy access to the Internet, freedom, anonymity, virtuality, character constraints, and social factors such as age, group solidarity, and identity formation may create favorable conditions for the emergence and circulation of linguistic innovations. Some forms may eventually be incorporated into standard language, while others may remain informal or disappear; the present study does not establish which outcome will occur for each form.

The findings suggest that non-native English speakers play a role in the circulation and use of linguistic innovations. However, because the questionnaire did not distinguish creators from users, the data do not establish that non-native English speakers are the primary source of language innovation and change.

While conducting this research, we encountered many linguistic variants but selected those most relevant to the study, including dun (do not), lemme (verb–object fusion), ima, misuse of articles with pronouns, the interchange of reflexive, personal, and possessive pronouns, combinations of reflexive-pronoun stems with endings from other languages, and the emergence of reflexive forms such as doself. Among these forms, dun, lemme, combinations of reflexive-pronoun stems with endings from other languages, and noun + verb + article forms showed increases in frequency in the period examined. Some forms are already included in dictionaries with non-standard labels, so their potential to become language norms merits further investigation. These findings should be treated as evidence of changing usage patterns rather than proof of standardization.

We hope that our study offers a valuable foundation and provides a starting point for further research.

References

AbuSa'aleek, A. O. (2015). Internet linguistics: A linguistic analysis of electronic discourse as a new variety of language. *International Journal of English Linguistics, 5*(1). https://doi.org/10.5539/ijel.v5n1p135

Al Zidjaly, N. (2019). Society in digital contexts: New modes of identity and community construction. *Multilingua, 38*(4), 357–375. https://doi.org/10.1515/multi-2018-0042

Androutsopoulos, J. K. (2005). Research on youth-language. *Sociolinguistics*, 1496–1505. https://doi.org/10.1515/9783110171488.2.8.1496

Bahri, S., Manullang, E. B., Sihombing, P. S. N., & Eleazar, K. E. (2023). Language change in social media. *Randwick International of Social Science Journal, 4*(3), 713–721. https://doi.org/10.47175/rissj.v4i3.745

Bauer, L. (2007). *The linguistics student's handbook*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Brooks, C., & Thompson, C. (2017). Predictive modelling in teaching and learning. *Handbook of learning analytics*, 61–68. https://doi.org/10.18608/hla17.005

Cuskley, C., Colaiori, F., Castellano, C., Loreto, V., Pugliese, M., & Tria, F. (2015). The adoption of linguistic rules in native and non-native speakers: Evidence from a Wug task. *Journal of Memory and Language, 84*, 205–223. https://doi.org/10.1016/j.jml.2015.06.005

Daneshjou, R., Shmuylovich, L., Grada, A., & Horsley, V. (2021). Research techniques made simple: Scientific communication using Twitter. *Journal of Investigative Dermatology, 141*(7), 1615–1621. https://doi.org/10.1016/j.jid.2021.03.026

Eleta, I., & Golbeck, J. (2014). Multilingual use of Twitter: Social networks at the language frontier. *Computers in Human Behavior, 41*, 424–432. https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.05.005

Fernandez de Landa, J., Agerri, R., & Alegria, I. (2019). Large scale linguistic processing of tweets to understand social interactions among speakers of less resourced languages: The Basque case. *Information, 10*(6), 212. https://doi.org/10.3390/info10060212

Fibriasari, H., Rahmadany, S., Pramuniati, I., & Iriani Pane, I. (2022). Language change in social media (Instagram). *Proceedings of the 4th International Conference on Innovation in Education, Science and Culture, ICIESC 2022, 11 October 2022, Medan, Indonesia*. https://doi.org/10.4108/eai.11-10-2022.2325516

Hamid, M. O., & Baldauf, R. B. (2013). Second language errors and features of world Englishes. *World Englishes, 32*(4), 476–494. https://doi.org/10.1111/weng.12056

Hattem, D., & Lomicka, L. (2016). What the tweets say: A critical analysis of Twitter research in language learning from 2009 to 2016. *E-Learning and Digital Media, 13*(1–2), 5–23. https://doi.org/10.1177/2042753016672350

Herring, S. C. (2001). Computer-mediated discourse. In D. Schiffrin, D. Tannen, & H. E. Hamilton (Eds.), *The handbook of discourse analysis* (pp. 612–634). Malden, MA: Blackwell.

Kumar, V., & L., M. (2018). Predictive analytics: A review of trends and techniques. *International Journal of Computer Applications, 182*(1), 31–37. https://doi.org/10.5120/ijca2018917434

Mayor, E., & Bietti, L. M. (2024). Language use on Twitter reflects social structure and social disparities. *Heliyon, 10*(2), e23528. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e23528

Natsir, M., Saragih, B., Mira A., P. S., & Dewi, R. (2020). Language change in social media (Instagram). *Randwick International of Social Science Journal, 1*(2), 394–401. https://doi.org/10.47175/rissj.v1i2.70

Natsir, N., Aliah, N., Zulkhaeriyah, Z., Amiruddin, A., & Esmianti, F. (2023). The impact of language changes caused by technology and social media. *Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature, and Language Teaching, 7*(1), 115–124. https://doi.org/10.30743/ll.v7i1.7021

Park, N., & Lee, H. (2014). Gender differences in social networking on smartphones: A case study of Korean college student smartphone users. *International Telecommunications Policy Review, 21*(2), 1–18.

Pasa, T. A., & Mahyuni. (2022). Language variations: A new trend of language use among teenagers in social media. *Proceedings of the 3rd Annual Conference of Education and Social Sciences (ACCESS 2021)*, 176–183. https://doi.org/10.2991/978-2-494069-21-3_20

Stæhr, A. (2014). *Social media and everyday language use among Copenhagen youth*. Det Humanistiske Fakultet, Københavns Universitet.

Strawn, K. (2022). *Investigating media influence on language change in low-level sociolinguistic variables*. Honors Projects, 160.

Taylor, A. N. (2018). *Age has a big influence on social media behavior*. Retrieved from ViacomCBS. Website: https://insights.viacomcbs.com/post/age-has-a-big-influence-onsocial-media-behavior/

Uk, L. (2022). *The effect of social media on language*. London School of Public Relations. https://lspr-education.com/2022/02/16/the-effect-of-social-media-on-language/

Wong, A., Ho, S., Olusanya, O., Antonini, M. V., & Lyness, D. (2020). The use of social media and online communications in times of pandemic COVID-19. *Journal of the Intensive Care Society, 22*(3), 255–260. https://doi.org/10.1177/1751143720966280

Գ. Գրիգորյան, Ս. Է. Սալմի, Ն. Հուեյչուն, Յ. Շի – ***Դերանվանական նորույթները X սոցիալական ցանցում. գործածության օրինաչափությունները, զարգացումը և հեռանկարները.*** – Սույն հոդվածում ուսումնասիրվում է սոցիալական մեդիայի հարթակներում լեզվական նորարարությունների ձևավորումն ու զարգացումը: Սոցիալական մեդիայի հարթակներում հաղորդակցությունն, անկասկած, դարձել է ժամանակակից հաղորդակցության անբաժանելի բաղադրիչը: Սոցիալական մեդիայում հաղորդակցության արդյունքում վերջին տարիներին ի հայտ են եկել բազմաթիվ նոր քերականական կառույցներ և բառային միավոր-

ներ: Հետևաբար, անհրաժեշտ է ուսումնասիրել դրանց ձևավորման պատճառները և դիտարկել դրանք գրական լեզվին ինտեգրելու հնարավորությունները: Նոր տեխնոլոգիաների զարգացմանը զուգընթաց սոցիալական մեդիայի հարթակներում ի հայտ են գալիս լեզվական նոր անոմալիաներ և շեղումներ: Սոցիալական մեդիայում անգլերենի լայն կիրառման և համացանցում դրա աճող տարածվածության արդյունքում անգլերենը ենթարկվել է էական փոփոխությունների և վերափոխումների: Լեզվական տարբերակները ժամանակի ընթացքում միտում ունեն վերածվելու ստանդարտ ձևերի: Հետևաբար, սույն հետազոտությունը նպատակ ունի ուսումնասիրել սոցիալական մեդիայի հարթակներում առավել հաճախ կիրառվող լեզվական նորարարությունները, ինչպես նաև դրանց ինտեգրումը լեզվական նորմերին: Լեզվական նորարարությունների՝ հետագայում նորմատիվ լեզվական ձևերի վերածվելու հավանականությունը կանխատեսելու համար կիրառվում է ժամանակակից վերլուծություն:

Բանալի բառեր՝ *լեզվական նորարարություններ, սոցիալական մեդիա, լեզվակիր չհանդիսացողներ, լեզվական փոփոխություններ և տարբերակայնություն, առցանց հաղորդակցություն*

Г. Григорян, С.Э. Сальми, Н. Хуэйчунь, Ц. Ши – ***Местоименные инновации в социальной сети X: закономерности употребления, развитие и перспективы.*** – В данной статье рассматривается формирование и развитие языковых инноваций на платформах социальных сетей. Коммуникация в социальных сетях, несомненно, стала неотъемлемой частью современной коммуникации. В результате общения в социальных сетях в последние годы возникло множество новых грамматических конструкций и лексических единиц. В связи с этим лингвистам необходимо выявлять данные инновации, изучать причины их формирования и рассматривать возможности их интеграции в литературный язык. С развитием новых технологий на социальных платформах появляются новые языковые аномалии и отклонения. Английский язык претерпел значительные изменения и трансформации в результате его широкого использования в социальных сетях и растущей распространённости в Интернете. Языковые вариации со временем имеют тенденцию превращаться в стандартные формы. Данное исследование направлено на изучение наиболее распространённых языковых инноваций, используемых на платформах социальных сетей, а также их интеграции в языковые нормы. Особое внимание уделяется прономинальным инвариантам; кроме того, для выявления причин возникновения языковых отклонений и характеристик их пользователей используется анкетирование. Для прогнозирования вероятности превращения языковых инноваций в нормативные языковые формы применяется анализ временных рядов.

Ключевые слова: *языковые инновации, социальные сети, неносители языка, языковые изменения и вариативность, онлайн-коммуникация*

https://doi.org/10.46991/FLHE.2026.30.2.040

HEDGING IN GENDERED DISCOURSE: A QUALITATIVE PRAGMATIC ANALYSIS OF FEMALE-FEMALE AND MALE-MALE DIALOGUES

Nona Harutyunyan[*]
https://orcid.org/0009-0002-1750-8532
Yerevan State University

Abstract: *The current paper analyzes the gendered use of hedges in female-female and male-male interactions. The study uses a qualitative discourse-analytic approach based on the selected dialogues in One of Us Is Back by Karen M. McManus, The Goldfinch by Donna Tartt, and Inferno by Dan Brown, drawing on pragmatic, contextual, and gender-oriented perspectives.*

The results show that the interactions between females often include instances of hedging to facilitate negotiation, to reduce disagreement, to manage potential sensitive evaluations or to achieve interpersonal alignment. Female characters also employ unhedged contradiction, sarcasm and categorical statements, especially when familiarity allows for directness. A particular feature of the selected male–male interactions is the presence of hedging and related mitigation resources in situations where the speaker faces incomplete knowledge, accountability, moral or social vulnerability, dependence on the other speaker, or need to diminish the force of directives. Hedging can then be used by a male to serve protective, evidential and cooperative rather than only ambiguous functions. These findings reflect a contextual interpretation of gendered language that the role of hedging in women's and men's negotiations of intimacy, knowledge, authority, vulnerability, and communicative goal is different.

Keywords: *hedges, gender, mitigation, politeness, female-female dialogue, male-male dialogue*

Introduction

Hedging, as a crucial strategy, is situated between semantics, pragmatics, discourse analysis and sociolinguistics since it allows speakers to avoid the presentation of

[*] nonaharutyunyan@ysu.am

Received: 20/10/2026
Revised: 29/10/2026
Accepted: 07/11/2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2026

each proposition in its strongest categorical terms. In her important study Salager-Meyer (1994) revealed that the type and frequency of hedges are rhetorical and communicative contexts, and the study of scientific discourse implied that the cautious formulation may signal competence of the discipline or its weakness.

Hedging is relevant to gender research in part because of the seminal work on women's language by Lakoff (1975). The work *Language and Woman's Place* correlated various linguistic features, such as lexical hedges and tag questions, with socially created expectations that would be placed on women's speech. While Lakoff's work was important for beginning a systematic discussion of language and gender, analyses that correlate simple language categories with binary genders have come under more scrutiny than ever in recent years. Modern language and gender theories, however, focus on the situational production of gender and cautions against assuming culturally familiar gender beliefs as universal truths of language. Eckert and McConnell-Ginet (2003) foreground gender as a phenomenon that exists within institutions, interactions, practices and identities, and not as an easily identifiable casual factor that systematically yields linguistic distinctions.

Empirical research serves to refute the simple assumption that females tend to hedge more than males. Dixon and Foster's (1997) study of gender and hedging specifically sought to shift from the generalised pattern of gender differences to a pattern of situated practice; conversational conditions and addressee variables impacted upon the occurrence of hedges, not providing a simple universal speaker-gender pattern. In a similar overall frequency level for the modal auxiliary hedges among women and men, with some types and uses varied.

Literary dialogue is a very fruitful place for this kind of enquiry to take place. Fictional conversation is a form of conversation that is written, chosen and structured. But literature can also symbolize familiar pragmatic situations: situations of uncertainty about knowledge, relational situation, intimate teasing, disagreement, authority, embarrassment, concealment and emotional vulnerability. The narrative point of view is an analytical aspect because it is possible that the narrator might be uncertain about the observations of other characters, or that the narrator might use sarcastic evaluations that are juxtaposed with the characters' dialogue.

The present paper builds on the path taken by mixed-gender literary interactions and thus examines female–female and male–male discourse without making the assumption that the patterns observed in mixed-gendered dialogues inevitably would carry over into same-gendered dialogues. The study has four explicit research questions that are addressed:

RQ1: What linguistic forms are used as hedges in the language of the selected contemporary male–male and female–female dialogues in English fiction?

RQ2: What pragmatic functions do these hedges serve, specifically with regard to epistemic stance, evidentiality, face-saving, politeness, mitigation, sarcasm, self-protection and turn management?

RQ3: What effects do the point of view, interpersonal relationships, knowledge asymmetries, power relations, emotional vulnerability, and communicative context have on the interpretation and pragmatic functions of hedging?

RQ4: How do the studied same-gender dialogues confirm or reject the traditional notions of women's hedging and men's directness in speech?

Literature Review

While hedges have been studied mainly as linguistic devices that influence the precision or categoricality of propositions, more recent studies have shown that they can have interpersonal, epistemic and politeness-related effects. Theories of hedging are generally linked to Lakoff (1973), who proposed that the linguistic expression of hedging causes meanings to become less or more vague. This paved the way for an important link between hedging and the flexibility of conceptual boundaries. On this basis, Prince et al. (1982) suggested a distinction between approximators, which change the propositional part of the sentence, and shields, which modify the speaker's stance on the proposition. Their classification helped to develop an understanding of hedges as linguistic and communicative devices operating on various levels. Thereafter, the idea of hedging was extended and the pragmatic functions of hedging in discourse were investigated. Fraser (1975) studied the linguistic devices used for softening the impact of a speaker's utterances, and Hübler (1983) examined understatement and hedging as means of conveying indeterminacy. In addition, Channell (1994) showed that vague language does not necessarily reflect lack of knowledge but may be used for particular interactional purposes. Likewise, Caffi (1999) studied mitigation as a pragmatic, multidimensional act in which all parties to the interaction control their levels of commitment, interpersonal involvement, and potential impact of their utterances. One of the key aspects of hedging research relates to the connection between hedging and linguistic politeness. Brown & Levinson's (1987) politeness theory could be used to explain how the speakers use their linguistic means to save their own and their interlocutors' face. In this context, hedges can serve as negative-politeness devices, in reducing the imposition in the interaction, in reducing categorical judgments, and in enabling the range of response of interlocutors. They can also serve to reinforce positive politeness by helping to

reach agreement, showing attentiveness, and establishing interpersonal solidarity. The politeness value of a hedge, however, cannot be determined by its linguistic form alone, as the same linguistic form could serve different purposes in different contexts of communication. Furthermore, research on hedging focused on its epistemic aspect. Holmes (1984) studied the functions of such expressions as *you know* and *I think*, and showed that there was a need to pay attention to their contextual meanings rather than considering them as possessing one communicative function. Hedging also attracted attention in academic discourse studies with the work of Hyland (1996, 1998), who examined how hedging devices allow speakers and writers to be cautious, to manage epistemic commitment and to negotiate claims with their audience. While these studies focus on academic and institutional communication, the conclusions reached can serve as a theoretical framework for the analysis of the ways fictional characters negotiate knowledge, certainty, and interpersonal responsibility in hedged utterances. Another important topic of study is the connection between hedging and gender. Lakoff (1975) linked these linguistic elements with women's discourse, defining them in terms of differences in social status and communicative power between the sexes and in terms of the history of these differences. This view led to much debate on gender, language behaviour and power. Subsequent research questioned the notion that hedging always indicated hesitation, uncertainty, and/or lack of confidence. Holmes (1990, 1995) for instance pointed out their multi-functionality of linguistic expressions and showed that interpretation of these expressions is influenced by interpersonal and contextual variables. Coates (1986, 1996) also pointed out that language must be studied in context of real communicative events, and that cooperation, solidarity and social relationships are important in gendered interaction. The difference approach, as represented by Tannen (1990), highlighted the different interactional orientations that can arise from gendered socialization. The problem of treating gender as a fixed linguistic determinant was called into question by dynamic and social constructionist theories, such as those of West and Zimmerman (1987), Butler (1990), and Cameron (1997). Gender is viewed from these angles as socially constructed and negotiated in process over time.

Modern theories of gender and hedging, therefore, increasingly focus on the context. It is not possible to consider specific linguistic forms as feminine or masculine in isolation; instead, researchers need to take into account the interplay of gender, interpersonal relationships, social roles, communicative intentions and situational circumstances. This theoretical perspective is especially important when considering fictional discourse, as it helps clarify how characters' linguistic practices relate to the interpersonal relations, emotional engagement, and

distribution of knowledge and authority that provides a context for their speech. Thus, the communicative function of hedges becomes apparent in their interaction with the discourse they are embedded in.

Methods

This study uses a qualitative, interpretive discourse analytic methodology combining pragmatic and contextual analysis with insight from language-and-gender research. The emphasis is on the context-dependent communicative and pragmatic functions of the hedges, not on recognition of the hedges as separate lexical and grammatical items.

Therefore, hedging is investigated as a discourse phenomenon that is influenced by the interlocutor's communicative situation, the relationship between speakers, their roles and purpose of communicative acts. It is especially suited for the present investigation which is not primarily concerned with the statistical frequency or distribution of the hedging devices in any representative sample of the data, but rather with the exploration of the linguistic forms in the context of particular sequences of interactions.

This methodological approach enables the analysis of how similar hedging expressions can have different pragmatic functions in different contexts of conversation, among others, to mitigate potentially face-threatening acts, express epistemic uncertainty, negotiate interpersonal relations, and manage communicative responsibility. The corpus includes selected same-gender dialogues (female–female and male–male) *The Goldfinch* by Donna Tartt, *Inferno* by Dan Brown, and *One of Us Is Back* by Karen M. McManus. By applying the various interpersonal relations described in these literary works, a variety of communicative situations are presented, such as friendship, emotional intimacy, disagreement, conflict, authority at work, emotional pressure, and unequal access to information. This contextual diversity enables a comparative study of the use of hedging devices by the female and male characters to achieve specific communicative intent.

The study aims to find similarities and differences in the pragmatic functions of hedging used in female–female and male–male interactions in the selected dialogues through close contextual analysis. To avoid the view of hedging as a language marker for women and the view of hedging as a linguistic uncertainty marker, the analysis will explore the interaction between gender and situation, relationships, and communication in the choices made by linguistic actors in the use of hedging. The results are therefore analysed in the context of the chosen fictional discourse and not seen as universal traits of women's and men's speech.

Results and Discussion

The excerpts demonstrate various combinations of epistemic, relational and strategic work. The collaborative interpretation, interpersonal negotiation and criticism control in the close relationship are highlighted in the female–female examples, while the management of self-protection, attribution, information and situational pressure control is highlighted in the male–male examples.

An analysis of selected extracts is presented below.

> *Bayview Crew,* ***maybe****? I pick up my phone and edit the group chat name.* ***It doesn't look half bad****.*
> *"Who's this guy?" Maeve asks, squinting at the screen.* ***"Is he going to introduce—"***
> *"No," I say quickly. "This isn't the Eastland High program. That starts at three o'clock.* ***This is...I have no idea, actually.****"*
> *"A town council meeting," Bronwyn says.* ***Of course she'd know****; she* ***probably*** *watches* ***this kind of thing*** *for fun. "****Looks like*** *they're wrapping up a budget vote."*
> *"****Thrilling. But at least that matters.****" Maeve props her bare feet up on the coffee table a little too aggressively, wincing as her heels slam into the marble top. "****At least*** *it deserves a platform.* ***Which is more than you can say for—****"*
> *"It's local cable, Maeve," I interrupt. "They're not picky about their Programming."*
>
> *(*McManus*, One of Us Is Back, p. 12)*

The current paragraph is a conversation between 3 friends: Addy(f), Maeve (f) and Bronwyn (f), they are watching TV together while discussing the content of the program. The narrative point of view belongs to Addy. This interaction is full of linguistic hedges. Starting off with "*maybe*", which is an epistemic hedge indicating uncertainty and tentativeness. "*It doesn't look half bad*" is a contextual hedge used by the narrator to showcase a polite view on a chosen name for a group chat. It however displays negative politeness, instead of saying "it looks good" positively, the character chooses a negated form, which compliments the choice but leaves a tiny negative impact. "*Is he going to introduce—*" is an example of a syntactic hedge, indicating an assumption or expectation that is not fully verbalized. This sentence can be viewed as a sign of subtle annoyance, threatening the negative face of the speaker, then the following immediate answer "no" is a bald-on-record politeness strategy that is followed by "*this is...I have no idea, actually*", which is a clear sign of a politeness marker executed by an epistemic hedge "*I have no idea*" and a "face-saving" or stance hedge "*actually*". The character does not showcase a clear negative or a clear positive politeness with this

sentence, it is rather neutral, in order to explain the confusion without sounding too arrogant or rude. "*Of course she'd know*" is a contextual hedge, in this context expressing sarcasm by Addy, clearly threatening her negative face, so even if the expression seems certain with a clear meaning, "*of course*" is a politeness hedge and "*would*" (she'd) is a modal hedge giving off a tone of uncertainty. "*Probably*" is a vagueness hedge, in this case forming a mitigating tone with the help of the hedge "*this kind of*" which is a vagueness marker. The sentence containing these hedges is also contextually sarcastic, meaning there is not much politeness intended. "*Looks like*" is a contextual synonym to the word "maybe", which is a hedge itself. "*Looks like*" is also an epistemic hedge twisting more towards the category of evidential hedges. Connecting to the degree of truth, "*looks like*" is used in more certain situations, it is more evidential than "*maybe*", however, it still indicates uncertainty. In this context the speaker used the expression to explain the content on TV, and the hedge shifts the degree of responsibility, softening the statement, making it a polite suggestion rather than a certain truth. This passage has a sarcastic tone, even though contextually the TV content seems to be important for the development of the story. Another instance of sarcastic hedging is "*Thrilling. But at least that matters*", there is an evident hedging device "*at least*" which sets a minimum value and low expectations, but saves the face of the speaker. Even though "*thrilling*" is used sarcastically and isn't necessarily a hedging device, "*at least*" saves the impact of the sarcasm by mitigating both statements. "*Which is more than you can say for—*" is the last hedge in this paragraph, again a syntactic one, an interrupted speech expressed by a quantitative "*more*", the statement is not necessarily polite, but interruption is a sign of impolite behavior, so even though the character is not the one expressing impoliteness, the statement still leaves an impolite tone to the passage.

> *"That's not it," I say.*
> *"**You're sure?**" Maeve asks, holding her phone up higher.*
> *"I told you when you texted me last night. The patterns are nothing alike."*
> *"**Yeah, but I thought you might think differently if you saw the original,**" Maeve says, enlarging her screen. "Plus you were drugged, **so...**"*
> *"I know what I saw, though. Or what I dreamed, and it wasn't that."*
> *"Damn it," Maeve sighs as she closes the picture of the Ramona-house wallpaper. "We're back to square one, then, and Addy got terrorized for nothing."*
> *"**Sorry,**" I mutter, and she squeezes my arm.*
> *"No, no, that's not what I meant. **It's just—ugh, it was a night.**"*
>
> (McManus, *One of Us Is Back,* p. 273)

The line "*That's not it,*" is a direct refutation with no hedge. This bluntness signals confidence or frustration as it directly dismisses her contribution. Maeve replies with "*You're sure?*", which is a syntactic hedge. It softens the challenge and functions as a negative politeness strategy by respecting Phoebe's autonomy while gently encouraging reconsideration. Phoebe responds, "I *told you when you texted me last night. The patterns are nothing alike.*" The phrase "*I told you*" is assertive, confirming past knowledge and indirectly dismissing Maeve's question. "*Nothing alike*" is an absolute with no hedging, reinforcing Phoebe's certainty. Maeve continues with "*Yeah, but I thought you might think differently if you saw the original.*" The phrase "*might think differently*" is an epistemic hedge that lowers the assertiveness of her claim. "*If you saw the original*" adds a soft appeal to evidence. The use of "*yeah, but*" signals soft opposition. Altogether, this is a blend of negative politeness that minimizes imposition and positive politeness that engages and gives room for collaboration. "*Plus you were drugged, so…*" ends in a trailing off. This is a vagueness device, softening the implication that Phoebe's memory might be unreliable. Maeve maintains mitigation by avoiding a direct accusation. Phoebe replies with "*I know what I saw, though. Or what I dreamed, and it wasn't that.*" "*I know what I saw*" defends her credibility. The self-correction "*or what I dreamed*" introduces epistemic uncertainty, acting as a hedging repair that slightly backtracks and acknowledges doubt. "*Sorry"* is meant to mitigate damage and take responsibility. Maeve's response, a physical gesture of squeezing Phoebe's arm, signals emotional support and reassurance. Maeve follows with "*No, no, that's not what I meant. It's just—ugh, it was a night.*" The repetition of "no" and self-correction is a discourse repair used to avoid misunderstanding. The vague phrase *"it was a night"* is an understatement and a coping mechanism, indirectly expressing a stressful or traumatic event. Finally, Cooper says, "*You should've called me.*" This is a mild reproach. The phrase "*should've*" expresses a social expectation and could be face-threatening, but it's softened by the casual tone. It reflects caring and emotional investment.

The analysis now focuses on hedges and their functional aspects in certain male–male dialogues.

> *"Oh,* ***God,****" I said, putting the card down on the table and looking away.*
> *"****For Pete's sake****." "What?" "It's him.* ***With the chest-on-chest.****"*
> *"Oh,* ***him****," said Hobie. He adjusted his glasses, regarded me* ***quietly****.*
> *"****Did he ever cash that check?****" I* ***ran a hand through my hair****. "No."*
> *"What's this proposal? What's he talking about?" "****Look—****" I went to the sink to get a glass of water, a****n old trick of my father's when he needed a moment to compose himself—***

> *"**I haven't wanted to bother you** but this guy's been a **huge nuisance.** I've **started throwing away** the letters without opening them. **If you get another one, I suggest you toss it in the trash**."*
> *"What does he want?"*
> *"**Well—**" the faucet was noisy; I ran my glass; "**well**." I turned, wiped my hand across my forehead. "**It'sreally nuts.** I've written him a check for the piece, **as I said.** For more than he paid." "So what's the problem?" "**Ah—**" I took **a swallow of my water—**"**unfortunately** he has something else in mind. **He thinks**, ah, he thinks we're running an **assembly line** down here, and he's trying to **cut himself in on it.** See, instead of cashing my check? he's got **some elderly woman** lined up, **nurses twentyfour hours a day,** and what he wants is for us to use her apartment to, **uh—"** Hobie's eyebrows went up. "**Plant?**" "**Right,**" I said, glad he'd been the one to say it. 'Planting' was a **racket** whereby fakes or inferior antiques were placed in private homes—**often** homes belonging to the elderly—to be sold to **vultures** clustering at the deathbed: **bottom feeders so eager** to rip off **the old lady in the oxygen tent** that they didn't realize they were being ripped off themselves. "When I tried to give his money back—this was his **counter-proposal.** We supply the pieces. Fifty-fifty split. He's been harassing me ever since."*
>
> (Tartt, *The Goldfinch*, p. 512)

In this passage, Theo provides a highly defensive and evasive account to Hobie regarding a blackmail attempt. The dialogue is dense with linguistic stalling, as Theo attempts to explain a criminal "proposal" while simultaneously concealing the fact that the antiques being sold are actually forgeries. The exclamation *"MY GOD"* serves as a pragmatic hedge of emotional intensity, functioning as a filler to signal distress before delivering information. The phrase *"For Pete's sake"* is a euphemistic hedge used to soften a more profane expression. Theo uses the demonstrative *"him"* as a vague reference hedge to avoid naming the antagonist, while the description *"the chest-on-chest"* acts as a metonymic approximator to identify the man by an object. Hobie's reaction, *"quietly,"* is a manner adverb acting as a hedge to qualify the low intensity of his response. The question *"Did he ever cash that check?"* uses the past tense as a temporal hedge to frame the issue as a lingering, unresolved matter. Theo's physical action of *"ran a hand through my hair"* is a non-verbal contextual hedge, signaling cognitive load or hesitation. The discourse marker *"Look—"* is a pragmatic hedge used to reset the conversation and claim authority over the narrative. The parenthetical note about the "old trick of my father's" identifies the act of getting water as a strategic contextual hedge—a physical stalling device used to "compose himself." Theo's statement *"I haven't wanted to bother you"* is a classic epistemic shield, framing his lack of

transparency as a polite gesture. He describes the man as a *"huge nuisance,"* where *"huge"* is an approximator of degree used to minimize a lethal legal threat into a mere annoyance. The use of *"started throwing away"* implies a habitual action, acting as a frequency hedge to suggest a pattern of dismissiveness. The phrase *"I suggest you toss it"* is a performative hedge that masks a desperate directive as a casual piece of advice. The repetition of *"Well—"* and *"well"* are blatant hesitation markers used to buy time as Theo constructs his lie. The claim *"It's really nuts"* uses the booster *"really"* as a reverse-hedge to invalidate the antagonist's claims as insane. The qualifier *"as I said"* is a reportative hedge used to bolster his own consistency. Theo's *"Ah—"* and the act of taking a *"swallow of my water"* are further pragmatic stalling hedges. The word *"unfortunately"* is an attitudinal hedge, framing the upcoming criminal plot as a matter of bad luck. Theo uses the epistemic shield *"He thinks"* twice to present the man's accusation of an "assembly line" as a delusion. The term *"assembly line"* is a metaphoric approximator for a factory of forgeries. The phrase *"cut himself in on it"* is a vague reference hedge for extortion. The description of an *"elderly woman"* and *"nurses twenty-four hours a day"* provides specific but unverified contextual hedges to ground the story in a plausible setting. The filler *"uh—"* signals a search for a euphemism, leading Hobie to provide the term *"Plant?",* which Theo adopts as a jargon-based hedge to avoid describing the crime himself. Theo's "Right" is a pragmatic minimal stabilizer of agreement. The description of the *"racket"* uses *"often"* as a frequency hedge and *"vultures"* as a descriptive approximator for predatory buyers. The phrase *"bottom feeders so eager"* uses hyperbole as a descriptive hedge to dehumanize the victims and perpetrators alike. The mention of the *"old lady in the oxygen tent"* is a contextual hedge of vivid detail used to evoke sympathy and distract from the illegality of Theo's own position. Finally, *"counter-proposal"* is a formalistic hedge used to rebrand a criminal threat as a professional negotiation. Regarding gender differences, the interaction showcases an inversion of typical power-based speech norms. Theo, though male, adopts a high frequency of "feminine-coded" hesitation markers and epistemic shields because he is in a position of extreme social and legal vulnerability. His hedging is a survival mechanism used to hide guilt. In contrast, Hobie's speech is remarkably direct and unhedged. Hobie occupies a position of moral and paternal authority, allowing him to use blunt inquiries. Theo's reliance on indirectness and emotional appeals demonstrates how speakers in "lower-power" or compromised positions regardless of gender will utilize softening strategies to navigate conflict with an authority figure.

> *"Stay with the bus,* ***please****," Langdon said. "****And do you have a phone?****" The man produced a cell phone from his pocket and handed it to his passenger, who thanked him profusely before realizing that he had no idea whom to call. He had no contact numbers for Sinskey or Brüder, and calling the WHO's offices in Switzerland could take forever. "How do I reach the local police?" Langdon asked. "One-five-five," the man replied. "Anywhere in Istanbul."*
>
> (Brown*, Inferno,* p. 343)

The current conversation takes place during Langdon's attempt to take control of an emergency situation while traveling, as he seeks practical help and realizes the limits of his information and authority. *"Stay with the bus, please,"* Langdon said, using the politeness marker *"please,"* which softens what is essentially a directive. This reflects the use of an introductory phrase that mitigates imposition and reduces the force of the command. In context, the hedge allows Langdon to assert situational authority without sounding domineering, which is important given that he is addressing a stranger. From a gender perspective, the use of politeness markers is often associated with female speech, but here a male character adopts this strategy to maintain cooperation and avoid confrontation, showing how hedging can be context-driven rather than strictly gendered. Brown and Levinson would also view *"please"* as a negative politeness strategy aimed at preserving the addressee's autonomy. *"And do you have a phone?"* is phrased as a question rather than a direct request, functioning as an indirect speech act. In context, the hedge makes the request socially acceptable and less intrusive. From a gender perspective, indirect questioning is frequently linked to female interactional styles, but Langdon's use of it reflects situational vulnerability rather than gendered preference, as he lacks institutional authority. *"How do I reach the local police?"* is another indirect request framed as a question, avoiding an imperative such as *"Call the police."* This maintains politeness and signals uncertainty. From a gender perspective, this again shows a male character relying on hedging and indirectness, contrasting with stereotypes of male directness and reinforcing his temporary dependence on others.

The analysis shows that hedging in female–female and male–male communication has various pragmatic functions that are not solely determined by the communicative context. The interpersonal interaction negotiations between males and between females are particularly oriented to epistemic negotiation, negotiation of disagreement, and negotiation of interpersonal alignment; on the male side male–male interpersonal interaction negotiations foreground negotiation of self-protection, negotiation of responsibility, and negotiation of the cautious disclosure of sensitive information. However, the functions do not apply

exclusively to females or males, and female and male characters use hedging to manage their relationship, to protect face, and to maintain interpersonal relations. The results indicate that the gendered differences in hedging are not only explained by women's tendency to be indirect and men's tendency to be direct but also by the interaction of language choices, interpersonal relationships, communicative purpose, and situational context.

Conclusion

The present study focused on the pragmatic functions of hedging in female–female and male–male communication as portrayed in contemporary English fiction, using selected dialogues from *One of Us Is Back* by Karen M. McManus, *The Goldfinch* by Donna Tartt and *Inferno* by Dan Brown. By using qualitative, context-based discourse analysis, the research showed that hedging is a multifunctional communicative micro-resource, and its meaning is shaped by interpersonal relationships, communicative intentions, epistemic situations and situational pressures. The analysis of female–female interactions reveals that hedges contribute to the negotiation of knowledge, the mitigation of disagreement, and the maintenance of interpersonal relationships. Female characters use epistemic expressions (maybe, probably, looks like), to qualify their judgments and place restrictions on their commitment to specific propositions. In the same way, incomplete statements, self-corrections, and modal constructions allow for reevaluation of content and potentially sensitive judgments. Hedging is often used in conjunction with collaborative interpretation, clarification, and attempts to avoid misunderstandings in the exchanges between Addy, Maeve, Bronwyn, and Phoebe.

However, there are also direct contradictions, categorical statements, interruptions, and sarcasm in these conversations suggesting that indirectness and linguistic tentativeness cannot be entirely the exclusive markers of women's communication.

By contrast, the selected male–male interactions have gained the focus on hedging as a way to manage communicative responsibility, interpersonal vulnerability and situational uncertainty. In *The Goldfinch*, the use of hesitation markers, attributional expressions, indirect formulations as well as discourse repairs helps reveal sensitive information and handle the possibility of criticism, revealing a gradual unfolding throughout the conversation. Theo’s linguistic responses are to his vulnerability and his desire to shape the meaning of events, while Hobie’s more straightforward questions are related to his status as an information-seeking interlocutor. In the same way, in Inferno, Langdon’s communication with the bus driver reflects the use of indirect expressions and

politeness devices to foster cooperation in a crisis of limited information and reliance on someone else. In these examples, the messages conveyed by the male characters are also mitigated and indirect as circumstances demand caution, co-operation or self-protection.

One of the important results of this study is that the differences between female–female and male–male interaction can be attributed to the different functions of hedging in a particular context rather than to a basic dichotomy between female indirectness and male directness. The focus of the selected female–female dialogues is on collaborative interpretation, epistemic negotiation and interpersonal disagreement reduction, whereas the focus of the male–male dialogues is on responsibility management, cautious disclosure and situational pressure regulation. These functions are not specific to male or female, however. The immediate communicative purposes and circumstances do differ, but both male and female characters use hedging to protect their face, limit their commitment to propositions, and negotiate interpersonal relationships. The results thus indicate that a gender-based perspective is insufficient to explain the pragmatic distribution of the hedging strategies. Interlocutors' knowledge and authority, emotional involvement, and communicative goals are crucial to the functioning of specific linguistic devices.

Furthermore, it is important to note that the analysis also reveals that many other phenomena, such as politeness markers, hesitation, discourse repair, and nonverbal behavior, can lead to mitigation but are not necessarily hedges in the strict sense of the word. Overall, the study provides a dynamic and context-sensitive understanding of gendered use of language, and refutes a number of interpretations that link hedging mainly with women's uncertainty or subordinate communication function. The research does not take the view that women's and men's discourse styles are rigidly determined by the type of hedge used, but rather sees hedges as dynamic pragmatic tools in which fictional characters seek information, manage interpersonal relations, assert authority, and express vulnerability.

References

Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage.* Cambridge University Press.

Butler, J. (1990). *Gender trouble: Feminism and the subversion of identity.* Routledge.

Caffi, C. (1999). On mitigation. *Journal of Pragmatics, 31*(7), 881–909. https://doi.org/10.1016/S0378-2166(98)00098-8

Cameron, D. (1997). Performing gender identity: Young men's talk and the construction of heterosexual masculinity. In S. Johnson & U. H. Meinhof (Eds.), *Language and masculinity* (pp. 47–64). Blackwell.

Channell, J. (1994). *Vague language.* Oxford University Press.

Coates, J. (1986). *Women, men and language: A sociolinguistic account of sex differences in language.* Longman.

Coates, J. (1996). *Women talk: Conversation between women friends.* Blackwell.

Dixon, J. A., & Foster, D. H. (1997). Gender and hedging: From sex differences to situated practice. *Journal of Psycholinguistic Research, 26*(1), 89–107. https://doi.org/10.1023/A:1025064205478

Eckert, P., & McConnell-Ginet, S. (2003). *Language and gender.* Cambridge University Press.

Fraser, B. (1975). Hedged performatives. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics: Vol. 3. Speech acts* (pp. 187–210). Academic Press.

Holmes, J. (1984). Modifying illocutionary force. *Journal of Pragmatics, 8*(3), 345–365. https://doi.org/10.1016/0378-2166(84)90028-6

Holmes, J. (1990). Hedges and boosters in women's and men's speech. *Language & Communication, 10*(3), 185–205. https://doi.org/10.1016/0271-5309(90)90002-S

Holmes, J. (1995). *Women, men and politeness.* Longman.

Hübler, A. (1983). *Understatements and hedges in English.* John Benjamins. https://doi.org/10.1075/pb.iv.6

Hyland, K. (1996). Writing without conviction? Hedging in science research articles. *Applied Linguistics, 17*(4), 433–454. https://doi.org/10.1093/applin/17.4.433

Hyland, K. (1998). *Hedging in scientific research articles.* John Benjamins. https://doi.org/10.1075/pbns.54

Lakoff, G. (1973). Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic, 2*(4), 458–508. https://doi.org/10.1007/BF00262952

Lakoff, R. (1975). *Language and woman's place.* Harper & Row.

Prince, E. F., Frader, J., & Bosk, C. (1982). On hedging in physician–physician discourse. In R. J. Di Pietro (Ed.), *Linguistics and the professions: Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies* (pp. 83–97). Ablex.

Salager-Meyer, F. (1994). Hedges and textual communicative function in medical English written discourse. *English for Specific Purposes, 13*(2), 149–170. https://doi.org/10.1016/0889-4906(94)90013-2

Tannen, D. (1990). *You just don't understand: Women and men in conversation.* William Morrow.

West, C., & Zimmerman, D. H. (1987). *Doing gender. Gender & Society, 1*(2), 125–151. https://doi.org/10.1177/0891243287001002002

Ն. Հարությունյան – *Թերասությունների գենդերային առանձնահատկությունները՝ որպես հաղորդակցական համատեքստով պայմանավորված գործաբանական դրսևորում. կին–կին և տղամարդ–տղամարդ երկխոսությունների որակական վերլուծություն ժամանակակից անգլալեզու գեղարվեստական գրականության մեջ. –* Սույն հոդվածում ուսումնասիրվում են թերասությունների կիրառման գենդերային առանձնահատկությունները ժամանակակից անգլալեզու գեղարվեստական գրականության կին–կին և տղամարդ–տղամարդ երկխոսություններում: Հետազոտության հիմքում ընկած է Կարեն Մ. Մաքմանուսի «Մեզնից մեկը վերադարձել է» (*One of Us Is Back*), Դոննա Տարտի «Կարմրակատարիկը» (*The Goldfinch*) և Դեն Բրաունի «Ինֆեռնո» (*Inferno*) ստեղծագործություններից ընտրված երկխոսությունների որակական դիսկուրսային վերլուծությունը՝ գործաբանական, համատեքստային և գենդերային մոտեցումների համադրմամբ:

Հետազոտության արդյունքները ցույց են տալիս, որ վերլուծված կին–կին երկխոսություններում թերասությունները հաճախ կիրառվում են տարաձայնությունները մեղմելու, զգայուն գնահատողական արտահայտությունների ազդեցությունը նվազեցնելու և միջանձնային փոխըմբռնման հասնելու նպատակով: Միաժամանակ, կին կերպարների խոսքում հանդիպում են նաև հակադրություններ, հեգնանք և կտրուկ արտահայտություններ, հատկապես այն իրավիճակներում, երբ զրուցակիցների մտերմությունը հնարավորություն է տալիս առավել անմիջականորեն արտահայտելու սեփական դիրքորոշումը:

Տղամարդ–տղամարդ երկխոսությունների վերլուծությունը բացահայտում է թերասությունների և դրանց առնչվող մեղմացման միջոցների կիրառումը հատկապես այն իրավիճակներում, երբ խոսողը բախվում է տեղեկացվածության պակասի, սեփական ասույթի նկատմամբ պատասխանատվության սահմանափակման անհրաժեշտության, բարոյական կամ սոցիալական խոցելիության, զրուցակցից կախվածության կամ հրահանգային խոսքային ակտերի ազդեցությունը մեղմելու անհրաժեշտության: Նման համատեքստերում տղամարդ կերպարների խոսքում թերասությունները կատարում են պաշտպանողական, տեղեկության հավաստիության աստիճանի մատնանշման և համագործակցային գործառույթներ:

Ստացված արդյունքները հաստատում են խոսքային վարքագծի գենդերային առանձնահատկությունների համատեքստային մեկնաբանության կարևորությունը: Դրանք ցույց են տալիս, որ կանանց և տղամարդկանց խոսքում թերասությունների գործառույթները տարբերակվում են՝ պայմանավորված մտերմության աստիճանով, տեղեկացվածությամբ, հեղինակության և իշխանական հարաբերությունների բաշխմամբ, սոցիալական ու հուզական խոցելիությամբ, ինչպես նաև հաղորդակցական նպատակներով: Հետևաբար, թերասությունների գենդերային առանձնահատկությունները չեն կարող բացատրվել բացառապես խոսողի գենդերային պատկանելությամբ, այլ ձևավորվում են գործաբանական, միջանձնային և համատեքստային գործոնների փոխազդեցությամբ:

Բանալի բառեր՝ *թերասություններ, գենդեր, կին–կին երկխոսություններ, տղամարդ–տղամարդ երկխոսություններ, մեղմացում, քաղաքավարություն*

Н. Арутюнян – *Гендерные особенности хеджирования как проявление контекстуально обусловленной прагматической практики: качественный анализ диалогов «женщина-женщина» и «мужчина-мужчина» в современной англоязычной художественной литературе.* – В настоящей статье рассматриваются гендерные особенности использования средств хеджирования в диалогах типа «женщина-женщина» и «мужчина-мужчина» в современной англоязычной художественной литературе. Исследование основано на качественном дискурсивном анализе избранных диалогов из романов Карен М. Макманус «Один из нас вернулся» (One of Us Is Back), Донны Тартт «Щегол» (The Goldfinch) и Дэна Брауна «Инферно» (Inferno). Анализ проводится с применением прагматического, контекстуального и гендерно ориентированного подходов.

Результаты исследования показывают, что в анализируемых диалогах между женскими персонажами средства хеджирования часто используются для облегчения процесса согласования позиций, смягчения разногласий, регулирования потенциально деликатных оценочных высказываний и достижения межличностного взаимопонимания. Вместе с тем женские персонажи прибегают и к прямому выражению несогласия, сарказму и категоричным высказываниям, особенно в ситуациях, когда близость отношений допускает более непосредственную форму общения.

Характерной особенностью исследуемых диалогов между мужскими персонажами является использование средств хеджирования и связанных с ними способов смягчения высказываний в ситуациях недостаточной информированности, необходимости ограничения ответственности за высказываемую позицию, моральной или социальной уязвимости, зависимости от собеседника, а также стремления снизить категоричность директивных речевых актов. В подобных контекстах хеджирование в речи мужских персонажей выполняет не только функцию выражения неопределённости, но и защитную, эвиденциальную и кооперативную функции.

Полученные результаты подтверждают необходимость контекстуального подхода к интерпретации гендерных особенностей речевого поведения. Они свидетельствуют о том, что функции хеджирования в речи женских и мужских персонажей варьируются в зависимости от характера межличностных отношений, степени информированности, распределения коммуникативных ролей и властных полномочий, социальной и эмоциональной уязвимости, а также конкретных коммуникативных целей. Таким образом, гендерные особенности хеджирования определяются не только гендерной принадлежностью говорящего, но и совокупностью прагматических и контекстуальных факторов.

Ключевые слова: *хеджирование, гендер, диалоги «женщина-женщина», диалоги «мужчина-мужчина», смягчение высказывания, вежливость*

https://doi.org/10.46991/FLHE.2026.30.2.057

THE ECOLOGICAL FOOTPRINT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: AN ECOLINGUISTIC ANALYSIS OF MEDIA MULTIMODALITY AND POLITICAL RHETORIC

Ani Simonyan*
https://orcid.org/0000-0002-7403-1913
Yerevan State University

Abstract: *Rapid technological advancement, particularly the rapid proliferation of Artificial Intelligence (AI) infrastructure, creates a profound paradox: while offering advanced monitoring tools for planetary conservation, its massive energy and water demands exacerbate systemic ecological crises. This study examines how eco-discourse and multimodal media shape public risk perception and political governance surrounding AI's environmental footprint. Utilizing an ecolinguistic framework, we analyze media representations, investigative journalism, corporate messaging, and recent political rhetoric—focusing on executive policy shifts toward technological acceleration versus environmental regulation. The analysis demonstrates how language and visual semiotics either illuminate tangible ecological costs (such as data center resource depletion and ambient noise pollution) or obscure them through strategic euphemisms and greenwashing. Ultimately, the paper highlights the critical role of transparent public discourse in translating complex, abstract environmental data into urgent, actionable civic awareness and sustainable AI governance.*

Keywords: *Artificial Intelligence footprint, eco-discourse, ecolinguistics, political rhetoric, multimodal media, environmental campaigns, greenwashing*

Introduction

The rapid proliferation of Artificial Intelligence (AI) across scientific, industrial, and daily applications represents one of the most transformative developments of the twenty-first century. From predictive healthcare to complex algorithmic modelling, machine learning systems have fundamentally altered how society

* ani-simonyan-94@mail.ru

Received: 30/09/2026
Revised: 24/10/2026
Accepted: 07/11/2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2026

processes information and governs public infrastructure. In environmental management, AI is frequently framed as a digital panacea. By leveraging high-resolution satellite imagery, real-time data analytics, and predictive modelling, advanced AI models enable conservationists and policymakers to monitor deforestation, track methane emissions, and manage natural resources with unprecedented accuracy (Chakraborty et al., 2025; UNEP, 2025). Yet, this computational capability conceals a profound material paradox. The physical infrastructure required to train and maintain generative models and hyperscale systems imposes an unprecedented strain on global ecosystems. Data centres are industrial-scale facilities reliant on massive electricity grids, intensive freshwater usage for evaporative cooling, rare mineral extraction, and short-lifecycle hardware components that drive rising e-waste volumes (Reitmeier & Sylvan, 2025). Rather than existing in an abstract, disembodied cloud, AI infrastructure exerts concrete, localized pressures on physical environments—manifesting in degraded watersheds, fossil-fuel carbon emissions, and ambient noise pollution in adjacent residential communities.

Navigating this tension between technological capability and ecological degradation relies heavily on public and political discourse. As environmental crises become increasingly urgent, the language used by news media, corporate actors, and political figures dictates how society perceives the true costs of digital expansion. Public discourse transforms complex, statistically abstract projections of planetary systems into accessible, high-salience social narratives. However, linguistic choices can also obscure physical harms; vague sustainability buzzwords, euphemisms, and greenwashing often mask systemic resource consumption behind promises of innovation and economic growth.

Hence, this paper investigates the dialectical interplay between multimodal media representations, political rhetoric, and public risk perception regarding AI's environmental footprint. Utilizing an ecolinguistic framework (Stibbe, 2015), we examine how media artifacts, investigative journalism, corporate messaging, and recent legislative shifts construct, communicate, or reframe environmental urgency. Specifically, we analyse the material reality (the tangible environmental impacts of AI data centres, including carbon emissions, local watershed depletion, and physical noise pollution); ecolinguistic and multimodal framing (how news outlets, activists, and corporate messaging deploy linguistic markers, metaphors, and visual modes either to reveal environmental costs or to greenwash resource exploitation); political rhetoric and policy shifts (the ideological transformation of political vocabulary, exemplified by recent federal policy shifts where risk-mitigation terms, e.g. *guardrails, safety protocols*, are replaced by narratives of industrial

dominance, speed, and regulatory rollback) and broadcast and whistleblower discourse (the role of mass media platforms in translating insider warnings into urgent sociopolitical narratives surrounding systemic and existential technology risks).

By tracing the linguistic and semiotic mechanisms that shape public awareness, this study aims to clarify how transparent discourse can move society past marketing euphemisms toward accountable, sustainable AI governance.

The Dual Face of AI: Computational Promise vs. Environmental Reality

While machine learning frameworks demonstrate utility in tracking carbon footprints and modeling climate resilience, the physical execution of advanced computation exacts a heavy toll on natural systems. The operational demands of modern AI architectures, spanning hyperscale training runs, continuous inference queries, and hardware manufacturing, generate immediate ecological strains across energy grids, local watersheds, and surrounding communities.

Hyperscale data centers require continuous, high-density power loads to operate server racks and internal cooling systems. To maintain uptime, facilities are frequently sited near regions with established grid connections, which often rely on fossil-fuel energy sources. This sustained power draw increases regional carbon emissions, contributing directly to atmospheric greenhouse gas accumulation and associated public health risks, such as elevated rates of respiratory illness in neighboring populations (Girolimon, 2026). In response to grid capacity constraints, tech conglomerates have begun exploring alternative power strategies, including dedicated nuclear power contracts, though critics point out that small modular reactors carry ongoing regulatory and toxic waste disposal challenges rather than presenting a seamless ecological solution (DW News, 2025).

The computational intensity of generative models introduces significant water demands compared to traditional retrieval systems. Generating dynamic outputs heats high-performance graphics processing units (GPUs), requiring continuous thermal regulation. Data center cooling infrastructures consume millions of gallons of freshwater daily, often drawing directly from local municipal supplies or groundwater reserves. Current estimates project global data center water abstraction to reach 4.2–6.6 billion cubic meters by 2027 (DW News, 2025). In drought-stricken regions activists and local communities report that industrial water diversion for facility cooling directly competes with agricultural irrigation and municipal residential needs, converting localized water scarcity into a driver of socioeconomic displacement.

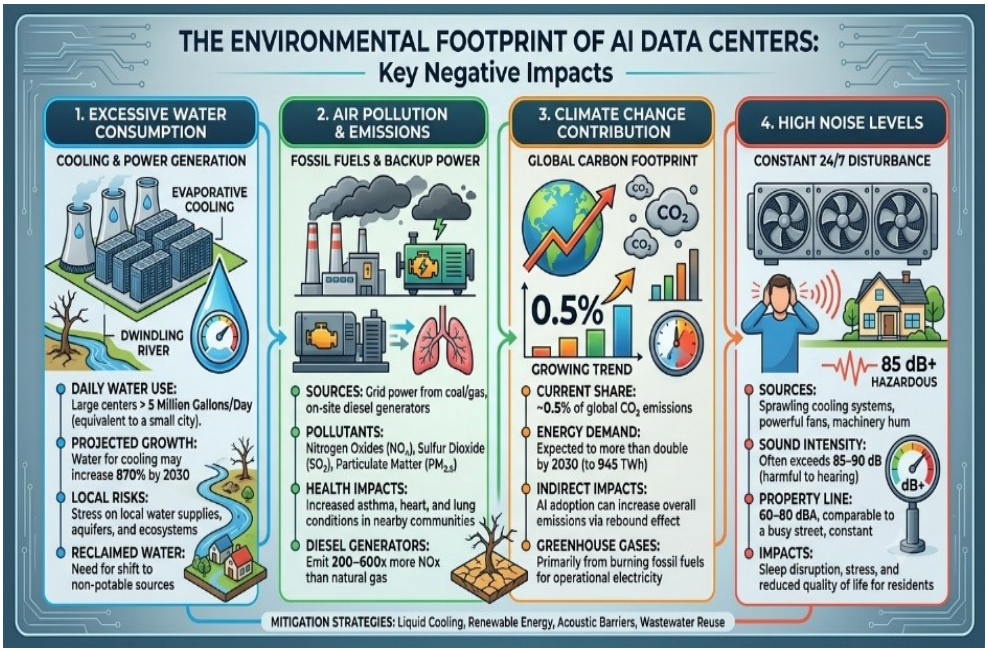


Figure 1. Key Negative Impacts

The physical lifecycle of AI hardware introduces further material burdens:

- Resource Extraction and E-Waste: Producing advanced semiconductor chips requires extensive mining for silicon, gold, aluminum, and rare metals—a process linked to deforestation and heavy metal contamination. Because hardware iterations quickly become obsolete (often within 3 to 4 years), discarded components contribute to escalating global electronic waste streams, with low rates of circular recycling (Reitmeier & Sylvan, 2025).
- Acoustic Pollution: Beyond resource depletion, neighboring residential communities face persistent, low-frequency ambient noise from industrial cooling fans and exhaust vents operating 24/7. In residential areas surrounding major data center hubs, residents report structural vibrations and continuous noise levels that induce severe sleep disruption, anxiety, and cardiovascular stress (Business Insider, 2025).

To bridge these physical impacts with public perception, media coverage and public discourse play a crucial role in framing technical metrics into visible, actionable realities, translating abstract operational stats (such as *169 liters per second*) into tangible visual metaphors like *nine Olympic-sized swimming pools per day*.

Ecolinguistics and ideological framing

It is impossible to make persuasive and credible claims without deliberate choices in linguistic strategy, media platforms, and modes of representation. Eco-discourse and the semiotics of environmental campaigns directly shape how digital infrastructure and hardware resources are consumed and governed. Pioneered by scholars such as Arran Stibbe (2015), ecolinguistics examines how language shapes human interactions with the natural world. Applied to artificial intelligence, an ecolinguistic lens evaluates whether public discourse, corporate messaging, and algorithmic frameworks reinforce ecologically sustainable mindsets or perpetuate destructive ones.

Language is frequently deployed to prioritize infinite economic growth and high-tech innovation, marginalizing non-human species, local land management, and the extractive realities of rare-earth mining. In this communicative space, surface-level technological achievements eclipse systemic ecological damage. This is precisely where greenwashing operates: vague sustainability buzzwords and strategic euphemisms obscure alarming, resource-intensive footprints.

Media representations play a vital role in dismantling these sanitized corporate narratives by translating abstract environmental data into felt human experiences. In an investigative report for DW News (2025), Charlotte Derbus, an AI expert at the Karlsruhe Institute of Technology, characterizes current AI energy consumption as "beyond good and evil" and "beyond anything that can be consciously considered an environmentally sustainable path." This stark moral framing reframes the narrative from one of neutral technical progress to one of ecological overreach.

The tangible human costs of this resource strain are vividly illustrated in regional environmental conflicts. Tania Rodriguez, an activist with the MOSCAT environmental organization in Santiago, Chile, forcefully opposes the rapid expansion of hyperscale data centers in her drought-stricken region (DW News, 2025). Rodriguez highlights a profound socio-ecological injustice: while these facilities draw heavily on depleted local aquifers, they generate minimal local employment. The primary beneficiaries reside in distant foreign markets, while local communities bear the immediate material burdens. Historically reliant on agriculture and strawberry farming, local residents can no longer cultivate crops or maintain basic residential sanitation due to severe water diversions. Through activist discourse, abstract data regarding resource allocation is translated into the visceral reality of agricultural displacement and household water insecurity.

Beyond regional water depletion, the physical lifecycle of computing hardware, from initial extraction to disposal, presents an ongoing ecological crisis. Producing high-performance semiconductor chips relies on intensive mining for silicon, gold, aluminum, and rare metals, driving localized deforestation and heavy metal contamination. Furthermore, because AI hardware becomes obsolete within three to four years, discarded components contribute to escalating, un-recycled global electronic waste streams (Reitmeier & Sylvan, 2025).

Beyond chemical pollution and resource extraction, recent investigative journalism highlights an often-overlooked environmental hazard: persistent acoustic pollution. A report by Business Insider (2025) documents how the 24/7 operation of data center cooling infrastructure generates continuous low-frequency noise. While these ambient sound levels often remain just below legal industrial thresholds for adjacent residential zones, their uninterrupted duration creates severe physiological and psychological strain.

Multimodal journalism utilizes specific auditory and metaphorical devices to make this acoustic burden tangible to the audience: (1) audio isolation and erasure, (2) visceral metaphors of disruptio, (3) psychological and health framing. By centering the lived experiences of local residents, investigative media transforms abstract technical specifications into urgent social realities. These narrative framing choices demonstrate that localized environmental impacts are not distant predictions, but immediate, lived experiences.

Addressing these systemic challenges requires interventions across both educational and political domains. Dr. Robert MacAuslan (Girolimon, 2026) advocates for intentional digital consumption, urging users to approach generative AI tools with the same resource consciousness applied to household electricity or water usage. MacAuslan stresses the need for internal organizational ethics that explicitly link corporate values to the environmental impacts of digital processing. However, individual mindfulness operates within a broader historical and structural policy landscape. As Daynes et al. (2016) note, environmental governance has evolved over the past half-century from localized policy toward federal oversight. Public sentiment largely favors regulatory protections over corporate self-governance. Yet, environmental policymaking remains a contested space, continuously reshaped by constitutional checks, shifting executive priorities, and political debates over the weight of scientific evidence.

Ultimately, public awareness remains the decisive factor in shaping sustainable governance. As the presenter of DW News's (2025) "The Burden of AI" asserts, public unawareness directly accelerates environmental degradation. Invoking the adage *out of sight, out of mind,* the report stresses that meaningful corporate

accountability and regulatory action depend on transparent, high-salience public discourse.

This communicative shift is clearly visible in contemporary media framing. Headlines, such as

How Thirsty is AI? (BBC, 2025)

AI's Staggering Energy Consumption (DW News, 2024)

AI's Burden on the Environment (DW News, 2025)

deploy evocative metaphors of bodily appetite and physical weight. By replacing dry, technical jargon with high-impact, humanized framing, media discourse brings the hidden ecological costs of digital expansion directly into the public consciousness.

Key linguistic and multimodal shifts: from safeguards to acceleration

Political campaigns and executive governance cannot isolate themselves from systemic environmental crises. Modern political leaders are expected to evaluate structural ecological threats, project risk trajectories, and propose actionable policy frameworks. As artificial intelligence has transitioned from a specialized computing sector into a central driver of geopolitical and economic restructuring, political rhetoric surrounding AI infrastructure has become a primary site of ideological battle. The rapid expansion of AI intersects directly with critical public policy domains ranging from labor market disruptions and national security to automated bias, grid capacity, and localized environmental degradation. Consequently, the specific linguistic and rhetorical strategies deployed by state actors do not merely describe technological progress; they actively license industrial behavior, dictate regulatory boundaries, and construct public risk perception.

With the expanding material dominance of AI infrastructure, a fundamental discursive conflict has emerged. On one side are the material realities: ecological degradation driven by megawatt-scale data centers, heavy metal contamination from short-lived hardware, and localized public health impacts ranging from fossil-fuel emissions to continuous low-frequency noise. On the other side is a rapidly shifting official **vocabulary**, most explicitly visible in the executive actions, public addresses, and administrative rhetoric of the Donald Trump administration that reframes, minimizes, or systematically erases these ecological costs through strategic lexical choices.

Discursive Conflict in AI Governance

Material Realities	**Official Rhetoric**
Megawatt grid strains	*Infrastructure modernization*
Localized aquifer depletion	*High-density thermal management*
Low-frequency acoustic stress	*Energy abundance*
Rising e-waste volumes	*Regulatory streamlining*

A comparative ecolinguistic analysis of federal policy artifacts reveals a profound ideological pivot from precautionary governance to unrestricted technological acceleration. Following the executive transition in January 2025, Executive Order 14179 revoked the previous administration's Executive Order 14110 (Fed. Reg., 2025). Beyond its legal mechanisms, this policy transition represents a fundamental shift in state political vocabulary.

Policy Discourse Pivot

Precautionary Framing	**Accelerative Framing**
Safety protocols	*Unleashing innovation*
Guardrails & mitigation	*Geopolitical dominance*
Risk disclosure	*Regulatory streamlining* (National archives)

Under the earlier precautionary framework, the official lexicon prioritized terms of risk containment and institutional oversight:

> *safety protocols*
> *mandatory risk disclosure*
> *existential risk*
> *precautionary guardrails* (Fed. Reg., 2023).

In contrast, the current executive register systematically replaces this risk-mitigation vocabulary with militarized and market-driven imperatives:

> *dominance*
> *acceleration*
> *unleashing*
> *victory*
> *unrestricted* power (The White House, 2026).

This lexical substitution performs significant ideological work. By recasting regulatory oversight as *burdensome red tape* and administrative obstruction, the political discourse neutralizes institutional safeguards. Environmental impact assessments and public permitting procedures are discursively reframed not as vital democratic protections, but as existential impediments to national sovereignty.

Furthermore, this rhetoric leverages the **conceptual metaphor** *TECHNOLOGICAL INNOVATION IS A GEOPOLITICAL WARFARE ENGINE*. Within this framing, the expansion of data centers is detached from localized ecological limits, such as regional water tables or grid stability and re-anchored to narratives of international supremacy, specifically in opposition to foreign competitors like China. By constructing AI infrastructure as an absolute national imperative, the discourse positions environmental regulation as an unpatriotic constraint, thereby licensing aggressive "drill-and-build" energy policies and corporate self-generation of power.

The administration's political rhetoric relies on systematic **euphemisms** and **metaphors** that abstract concrete physical degradation into sanitized administrative concepts. Ecolinguistically, these lexical choices function as erasure mechanisms, masking material extraction behind promises of economic modernization:

- ✓ Grid strain and fossil emissivity as *Energy Abundance* and *Modernization.* The immense power draw of hyperscale data centers which frequently extends the lifespan of coal-fired plants or strains regional grids, is linguistically sanitized as *infrastructure modernization* and the pursuit of *energy abundance.* This framing presents compounding environmental overhead as a standard, benign public upgrade.
- ✓ Aquifer depletion as *high-density thermal management*. The diversion of millions of gallons of municipal freshwater for evaporative cooling in drought-prone regions is obscured behind the technical, de-individualized jargon of *high-density thermal management.* By substituting industrial thermodynamics for hydrological reality, the language erases the conflict between corporate server cooling and residential/agricultural water security.
- ✓ Algorithmic bias and safety standards as *bureaucratic interference***.** Administrative mechanisms designed to evaluate structural algorithmic bias or safety parameters are recategorized under the blanket pejorative *ideological bias* or *regulatory fiction.* This reframing delegitimizes risk management as arbitrary state overreach.
- ✓ Prototypical deepfakes and synthetic propaganda as *lawful activity*. Complex sociopolitical risks stemming from generative media are subsumed under generic, protective legal terminology, insulating commercial developers from systemic accountability.

Mechanisms of Ecological Erasement

Technical Jargon	**Economic Metaphors**	**Security Imperatives**
Replaces physical harms with abstract thermodynamics	Frames resource consumption as growth and upgrade	Presents expansion as an urgent national defense priority

While official executive rhetoric operates to minimize risk and accelerate expansion, mainstream media broadcasts function as counter-discursive amplifiers. The public presentation of existential and systemic technology risks has transitioned from academic forums into high-salience media broadcasts. Recent investigative appearances, most notably the broadcast interview of former Anthropic researcher Jacob Coxon on the BBC (2026), provide a rich corpus for analyzing how whistleblower discourse bridges specialized developer vernacular and accessible public registers.

Whistleblower Discourse Amplification

Insider Vernacular	**Broadcast Register**
Probability metrics/p(doom)	*Existential threat*
Alignment failure vectors	*Catastrophic loss of control*
Structural game-theoretic traps	*Moral appeals & human vulnerability*

Mainstream broadcast media operates through specific structural and stylistic mechanisms such as **syntactic condensation, ethos construction, amplification across the expert ecosystem and corporate counter-discourse** to translate dense technical assessments into high-impact social narratives.

(1) Syntactic condensation and hyperbolic framing function via complex probabilistic models surrounding algorithmic alignment condensed into direct, urgent declarative statements. Coxon asserts:

> *I believe that if we don't slow down the current rate of progress, there is a strong chance that we could all die in the immediate future* (BBC, 2026).

The statement eschews technical nuance in favor of absolute existential framing. This linguistic condensation elevates the salience of the risk, moving it from a theoretical statistical vector to an immediate public hazard.

(2) Ethos construction via spatial and experiential juxtaposition functions via whistleblower discourse that derives rhetorical authority from the insider identity of the speaker. In broadcast narrative structures, this ethos is established by contrasting the whistleblower's previous access to elite corporate environments with their current position of personal vulnerability. Media representations highlight Coxon drafting his resignation manifesto from a public park bench—a

visual and narrative semiotic that signifies moral autonomy, detachment from corporate interests, and immediate civic urgency.

(3) Amplification across the expert ecosystem functions via the public broadcast of whistleblower narratives generating a communicative ripple effect, prompting re-articulations of risk from other industry figures. Statements by researchers such as Evan Hubinger and estimates by industry figures like Marcus Williams who projects a 70% extinction risk probability without structural slowdowns, demonstrate how broadcast media aggregates individual insider warnings into a cohesive narrative of systemic peril (BBC, 2026).

(4) Corporate counter-discourse and structural equivocation means that in response to public whistleblower appeals, corporate communications deploy strategic ambiguity. Statements issued by technology firms often acknowledge that AI advancement carries

both tremendous benefits and unprecedented dangers simultaneously (BBC, 2026).

Linguistically, this dual-benefit framing serves as a defensive balance: by framing catastrophic risk as an inevitable counterpart to technological progress, corporate discourse normalizes the hazard, presenting systemic risk as an acceptable cost of innovation.

Ultimately, the interplay between executive political rhetoric and broadcast whistleblower discourse demonstrates that language is not a neutral vessel for technical data. While administrative vocabulary utilizes euphemisms, economic metaphors, and national security framing to obscure ecological and existential costs, multimodal broadcast media leverages personal narrative, moral appeals, and stylistic condensation to bring these hidden harms into public consciousness. Transparent public governance requires decoding these opposing linguistic strategies, ensuring that digital acceleration is held accountable to material planetary boundaries.

Conclusion

Artificial intelligence is neither an inherently benevolent saviour of our planetary crisis nor an inevitably destructive force. It is fundamentally a material reality grounded in physical landscapes, finite water reserves, and vulnerable power grids. As this study has demonstrated, the true danger lies not merely in the industrial megawatts consumed or the millions of gallons of water diverted, but in the deceptive linguistic structures that obscure these physical costs from public view.

When corporate greenwashing and political rhetoric transform *aquifer depletion* into *thermal management* and *environmental deregulation* into *unleashing*

innovation, they effectively strip society of its democratic agency. By sanitizing ecological harm through strategic euphemisms and militarized national security narratives, official discourse creates a dangerous detachment between digital consumption and its real-world consequences. Conversely, as investigative media and whistleblower accounts reveal, when we deploy transparent, evocative, and humanized language, we bring these hidden environmental burdens back into the light of public accountability.

Ultimately, language is not just a passive tool for describing technology. It is the very terrain upon which the future of ecological governance will be fought. If we continue to let market hype and euphemisms dictate the narrative, we risk sacrificing regional ecosystems and local communities on the altar of unchecked computational expansion. However, by fostering an ecolinguistically informed public consciousness, we can demand transparency, hold corporate and political actors accountable, and ensure that technological progress respects the unyielding boundaries of our shared planet. The power to steer AI toward genuine human and ecological flourishing begins with the clarity and courage of the words we choose to use.

References

Business Insider. (2025, September 12). Exposing the dark side of America's AI data center explosion [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=t-8TDOFqkQA

Chakraborty, S., Konar, A., Tabia, T., & Ghosh, P. (2025). Awareness of environmental issues through artificial intelligence. *International Journal of Environmental and Ecology Research, 7*(2), 29–37.

Daynes, B. W., Sussman, G., & West, J. P. (2016). *American politics and the environment.* State University of New York Press. https://doi.org/10.2307/jj.18472997

DW News. (2025). AI and its impact on the environment. [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=ARF2EhIML54

Fed. Reg. 8741. Exec. Order No. 14179, 90 (January 31, 2025). https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/31/2025-02172/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence

Girolimon, M. (2026, January 6). Understanding the environmental impact of artificial intelligence. Southern New Hampshire University. https://www.snhu.edu/about-us/newsroom/stem/ai-environmental-impact

Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment. (2025). What direct risks does AI pose to the climate and environment? London

School of Economics and Political Science. https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/

Reitmeier, C., & Sylvan, L. (2025). What direct risks does AI pose to the climate and environment? London School of Economics and Political Science (LSE).

Stibbe, A. (2015). Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. Routledge.

UNEP (United Nations Environment Programme). (2024, September 21). AI has an environmental problem. Here's what the world can do about that. https://www.unep.org/news-and-stories/story/ai-has-environmental-problem -heres-what-world-can-do-about

Sources of Language Data

BBC News. (2026, September 13). Headline of the article in sentence case. https://www.bbc.com/news/articles/c1kx0gyje9wo

Executive orders. (2025, October 11). The White House. https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/

Fed. Reg. 75191. Exec. Order No. 14110, 88 (November 1, 2023). https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283/safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligenc

The White House. (2026, April 14). President Trump's powerful leadership highlights American strength as energy dominance delivers global stability. https://www.whitehouse.gov/releases/2026/04/president-trumps-powerful-leadership-highlights-american-strength-as-energy-dominance-delivers-global-stability/

National Archives and Records Administration. (n.d.). The White House. Artificial intelligence for the American people. https://trumpwhitehouse.archives.gov/ai/

DW News. (2024). How AI causes serious environmental problems (but might also provide solutions). [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=9aBNIekp4qY

DW News. (2025). AI and its impact on the environment. [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=ARF2EhIML54

Ա. Սիմոնյան – ***Արհեստական բանականության էկոլոգիական հետքը. Մեդիայի բազմաձեվության և քաղաքական հռետորաբանության էկոլեզվաբանական վերլուծություն.*** – Տեխնոլոգիական արագ առաջընթացը և հատկապես արհեստական բանականության (ԱԲ) ենթակառուցվածքների լայնածավալ տարածումը, մեծ հակասություն է առաջացնում՝ մի կողմից առաջարկելով առաջադեմ մոնիթորինգային գործիքներ մոլորակի պահպանման համար, մյուս կողմից՝ իր էներգետիկ և ջրային հսկայական պահանջարկով խորացնելով համակարգային բնապահպանական ճգնաժամերը: Սույն ուսումնասիրությունը քննում է, թե ինչպես են էկոլոգիական դիսկուրսը և տեղեկատվության գործիքակազմի բազմազանությունը ձևավորում արհեստական բանականության բնապահպանական հետքի շուրջ հանրային ռիսկերի ընկալումն ու քաղաքական կառավարումը: Կատարելով էկոլեզվաբանական ուսումնասիրություն՝ մենք վերլուծում ենք լրատվամիջոցների հրապարակումները, հետաքննչական լրագրությունը, համատեղ ուղերձները և վերջին քաղաքական հռետորաբանությունը՝ ուշադրության կենտրոնում պահելով այն փաստը, որ գործադիր քաղաքականությունը տեխնոլոգիական զարգացման և բնապահպանական կարգավորումների միջև ընտրություն կատարելիս նախապատվությունը տալիս է առաջինի զարգացմանը: Վերլուծությունը ցույց է տալիս, թե ինչպես են լեզուն և տեսողական նշանագիտությունը կա՛մ լուսաբանում շոշափելի բնապահպանական ծախսերը (օրինակ՝ տվյալների կենտրոնների կողմից ռեսուրսների սպառումը և շրջակա միջավայրի աղմկային աղտոտումը), կա՛մ քողարկում դրանք ռազմավարական մեղմասությունների և բնապահպանական խաբկանքի ստեղծման (greenwashing) միջոցով: Ի վերջո, աշխատանքն ընդգծում է թափանցիկ հանրային դիսկուրսի վճռորոշ դերը համալիր, վերացական բնապահպանական տվյալները հրատապ, գործնական քաղաքացիական իրազեկման և ԱԲ կայուն կառավարման վերածելու գործում:

Բանալի բառեր՝ *արհեստական բանականության հետք, էկո-դիսկուրս, էկոլեզվաբանություն, քաղաքական հռետորաբանություն, տեղեկատվության բովանդակության և գործիքակազմի բազմազանություն, էկոլոգիական արշավներ, բնապահպանական խաբկանքի ստեղծում (greenwashing)*

А. Симонян – ***Экологический след искусственного интеллекта: эколингвистический анализ медиальной мультимодальности и политической риторики.*** – Быстрый технологический прогресс, в особенности стремительное разрастание инфраструктуры искусственного интеллекта (ИИ), создает глубокий парадокс: предоставляя передовые инструменты мониторинга для сохранения планеты, его огромные потребности в энергии и воде усугубляют системные экологические кризисы. В данном исследовании рассматривается, как экодискурс и мультимодальные

медиа формируют общественное восприятие рисков и политическое управление, связанные с экологическим следом ИИ. Используя эколингвистический подход, мы анализируем публикациив СМИ, журналистские расследования, корпоративные сообщения и политическую риторику, уделяя особое внимание сдвигам в государственной политике — от технологического ускорения к экологическому регулированию. Анализ показывает, как язык и визуальная семиотика либо освещают ощутимые экологические издержки (такие как истощение ресурсов дата-центрами и шумовое загрязнение окружающей среды), либо скрывают их с помощью стратегических эвфемизмов и гринвошинга. В статье подчеркивается критическая роль прозрачного общественного дискурса в трансформации сложных абстрактных экологических данных в актуальное гражданское осознание, побуждающее к действиям, и устойчивое управление ИИ.

Ключевые слова: *экологический след искусственного интеллекта, экодискурс, эколингвистика, политическая риторика, мультимодальные медиа, экологические кампании, гринвошинг*

https://doi.org/10.46991/FLHE.2026.30.2.072

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЕЙКСИСА В МЕДИАТЕКСТЕ

Елена Ерзинкян*
https://orcid.org/0000-0002-3930-6176
Ереванский государственный университет

Аннотация: *Дейксис является неотъемлемой частью медийной коммуникации как одной из сфер функционирования дейктических единиц, обретающих в ней особую значимость. Уникальность этих языковых знаков заключается в том, что их значение заряжено прагматически и ситуативно обусловлено. А это в медиатексте имеет особое значение, ибо описываемые события, процессы, явления должны быть локализованы в пространстве и времени, чтобы оказывать соответствующее воздействие на реципиентов своей актуальностью, оперативностью, динамичностью, вовлеченностью и привлекательностью. В статье представлен один из подходов к изучению текста медийного дискурса, основанный на признании ведущей роли человеческого фактора в коммуникации. Раскрывается роль дейксиса в конструировании и интерпретации содержания и структуры медиатекста. Анализируется взаимодействие адресанта и адресата в медиатексте, реализуемое через категорию местоименной дейктичности, в частности, через прагма-семантический потенциал личного местоимения «мы».*

Ключевые слова: *медиакоммуникация, медиатекст, антропологический подход, прагматика медиадискурса, адресант, адресат, дейксис, дейктические местоимения, местоимение «мы»*

Введение

Средства массовой информации как один из важнейших и наиболее влиятельных социальных институтов современного общества выполняют целый ряд многообразных функций: информативную, познавательно-просветительную, идеологическую, формирующую общественное сознание, развлекательную и др. Восприятие и интерпретация представленных через медиатекст явлений и

* yerznkyan@ysu.am

Received: 21/04/2026
Revised: 12/05/2026
Accepted: 02/06/2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2026

событий во многом зависит от выбора автором (субъектом речи) языковых средств для выражения его основного содержания. Оказывая глубокое влияние на восприятие человеком окружающего мира, медиатекст реализует одну из своих основных функций – функцию воздействия на партнера по коммуникации через формирование и структурирование образа мира в его сознании. Влияя на когнитивные процессы восприятия информации, медиатекст задает определенный ракурс интерпретации происходящих в мире событий, явлений, процессов. Он обладает способностью манипулировать общественным мнением, используя при этом различные средства прагматического воздействия на получателя информации, включая дейктические.

Являясь категорией сугубо антропоцентрического начала и одним из классических и основополагающих аспектов прагматики, дейксис играет значительную роль в организации любого текста, тем более медийного, который должен отвечать требованиям актуальности, вовлеченности, оперативности, динамичности. Выявление закономерностей, определяющих адекватный выбор и употребление адресантом дейктических языковых единиц для достижения конечной цели – воздействия на адресата – является одной из основных задач прагматики медиадискурса.

Лингвистическая прагматика, изучая функционирование языковых знаков в речи, особое внимание уделяет взаимодействию адресанта и адресата. Как пишет Т.А. ван Дейк, «структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений» (ван Дейк, 1989, с.123). Поэтому весьма актуальным становится изучение взаимодействия автора/адресанта и реципиента/адресата в медиадискурсе. В настоящей статье рассматриваются дейктические местоимения как основное средство актуализации взаимодействия адресата и адресанта в медиадискурсе. Местоименные дейктики организуют медиатекст как структурно, так и семантически.

Дейксис и медиадискурс: антропоцентрический подход

Проблема человеческого начала в языке, являясь одним из принципов научных изысканий в современной лингвистике, на рубеже веков поставила в центр своих исследований языковую личность и изучение ее роли в формировании языковой картины мира [1]. Как пишет Ю.Н. Караулов, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» (Караулов, 1987, с. 7). Этим, в частности, объясняется особый интерес

к исследованию прагматической составляющей, которой отводятся ключевые позиции при изучении речевой, мыслительной и познавательной деятельности человека, что, в свою очередь, выражается в более детальной категоризации концепта *homo sapiens* во всех его ипостасях: как человек мыслящий *(homo cogens)*, человек действующий *(homo agens)*, человек работающий *(homo faber)*, человек играющий *(homo ludens)*, и, что особенно значимо в рамках настоящей статьи, как человек говорящий *(homo loquens)* и человек воспринимающий *(homo percens)*. Последние две характеристики составляют основу категории дейктичности и определяют особый интерес к ней как одной из так называемых антропологических категорий (термин Ю.Д. Апресяна).

Как представляется, развитие антропоцентрической научной парадигмы предопределило также и особый интерес лингвистов к медиадискурсу как объемному, многоаспектному и многоуровнему лингвистическому объекту, отражающему представление человека об окружающем его мире.

Главным предметом медиадискурса является социальная жизнь, в центре которой находится человек как представитель общества, и любой текст, в том числе медийный, являясь результатом когнитивной и социально-прагматической деятельности языковой личности как субъекта коммуникативного поведения, создается человеком и для человека. Последнее делает весьма актуальным рассмотрение и анализ специфики медиатекстов с точки зрения антропоцентризма как научной парадигмы. Таким образом с позиции антропоцентризма осуществляется попытка широкого подхода к интерпретации сущности медиатекста, происходит изменение ракурса его исследования и на первый план выдвигается функциональная, коммуникативно-прагматическая сторона изучаемого объекта.

Следует заметить, что медийный дискурс, рассматриваемый как сложное структурно-семантическое единство, отличается особой антропоцентричностью. Антропоцентричность эта связана с интерпретацией текста в плане его создания, восприятия и в аспекте его воздействия на адресатов, предполагая при этом рассмотрение речевого взаимодействия как с позиции отправителя сообщения (адресанта), так и с точки зрения его получателя (адресата).

Признание ведущей роли человеческого фактора в языке, исследование роли языковой личности в формировании наивной картины мира становится все более актуальным и в связи с новыми задачами, встающими перед современной *семантикой* по описанию языковых значений различных типов языковых знаков, вскрытию фундаментальных принципов их формирования

и организации, в основе которых лежат, в частности, такие базовые онтологические категории, как лицо, пространство и время.

Языковая специфика локализации человеком себя в пространстве и во времени предполагает, что деятельность человеческого сознания направлена не только на окружающий мир, но и на самого себя, а именно свое бытие в мире. Как языковая личность человек обладает индивидуальным когнитивным пространством, то есть определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений. Последние непосредственно связаны с ориентацией и локализацией человека в пространстве и во времени, а, следовательно, и с дейксисом как одним из средств выражения указанных категорий в языке, который опирается на положение об антропоцентричности любой картины мира и организации языкового пространства и времени именно вокруг человека. Итак, суть онтологических категорий «субъект», «пространство», «время» всегда связана с представлением о человеке. Поэтому можно говорить о том, что дейксис, обнаруживая непосредственную глубокую связь с человеком, с субъектом речи, представляет собой естественное воплощение языкового антропоцентризма.

Заметим, что наиболее полно природу человеческого фактора в языке раскрывает когнитивно-прагматическое направление в лингвистике, которое открывает новые значительные перспективы в изучении языковой личности, акцентируя внимание на ее отражении в языковых структурах. Связь между когнитивной и прагматической парадигмами является очевидной: когнитивные и прагматические аспекты не противопоставляются, а скорее представляют две разные стороны одного и того же явления (Nuyts, 1992). Обе эти парадигмы, имея в основе порождающего и интерпретирующего язык человека, естественно, должны рассматриваться в тесной взаимосвязи. Отрыв прагматики дискурса от семантики знаковых единиц языка приводит к тому, что в центре внимания исследователя оказывается не система обозначения, а процесс коммуникации. Последние, как представляется, являются взаимодополняющими и вовсе не исключают друг друга. Как отмечает У. Эко, нельзя объяснить знак вне его контекстного окружения, как и трудно объяснить, почему именно так понимается тот или иной речевой акт без осмысления самой природы языковых знаков, функционирующих в данном контексте /Eco, 1984:22/. Такое взаимодействие и «взаимодополнение» еще более принципиально, когда семантика и прагматика как бы «совмещаются» в пределах одного и того же слова, одной языковой единицы, ибо это «совмещение» становится еще более действенным, эффективным и выразительным, как это имеет место в *дейктическом* словесном знаке.

Дейксис как компонент структуры и семантики медиатекста

Как известно, дейксис – это особый тип языковой номинации, который реализуется в семантическом поле указания в виде удобных, экономных и рационально организованных единиц в высказывании.

Дейктические словесные знаки являются важнейшим компонентом динамической структуры медийного текста. Они принимают непосредственное участие в формировании и восприятии его структуры и содержания. Наличие в медийном дискурсе дейктических единиц организует все компоненты дискурса/ текста в единое речевое пространство *я-ты-здесь-сейчас*, которое имеет целью номинировать реальные события, сущности, явления окружающего мира относительно некоторой системы координат и, в первую очередь, основных координат речевого акта, его участников и пространственно-временных параметров ситуации общения, т.е. локализовать и идентифицировать их в ситуативном/ экстралингвистическом или дискурсивном/ текстовом контексте речевого общения и тем самым способствовать установлению эффективной коммуникации с адресатом (Bühler, 1934; Fillmore, 1997; Levinson, 2004; Ерзинкян, 2013).

Значимость дейксиса как языковой категории заключается в том, что он является системообразующим компонентом речевого взаимодействия: ни один речевой процесс невозможно представить без дейктических единиц; высказывание не может быть произнесено без указания на пространство и время, а тем более и на лицо, осуществляющее речевой акт. Исключение составляют так называемые «вневременные» (timeless) и «всевременные» (omnitemporal) высказывания типа «Солнце вращается вокруг своей оси», «Луна меньше солнца», «Коровы травоядны», «Дважды два четыре» и т. п. Как пишет Дж. Лайонз, “A timeless proposition is one for which the question of time-reference (whether deictic or non-deictic) simply does not arise: the situation, or state-of-affairs, that is described is outside time altogether. An omnitemporal proposition is one that says that something has been, is and always will be so” (Lyons, 1977, с. 680). Такие высказывания составляют абсолютное меньшинство среди тех, которые мы употребляем: в подавляющем большинстве случаев обозначение денотативной ситуации происходит в тесном взаимодействии с речевой ситуацией.

Итак, в самых общих чертах дейксис можно определить как указание на экстралингвистическую ситуацию, в условиях которой протекает речевой акт. Эта «привязанность» к ситуации речи, осуществляемая дейктическими словами, соотносит обозначаемую денотативную ситуацию с некоторой

точкой отсчета, которая способствует однозначному толкованию ситуативных характеристик того или иного высказывания [2].

Как отмечалось выше, одной из основных особенностей дейктических словесных знаков является то, что в них как-то по-своему, своеобразно, переплетаются семантика и прагматика, что находит свое отражение в самой семантике дейктического слова.

Поэтому одной из фундаментальных особенностей дейктического значения мы считаем его *многослойность*, причем – что особенно важно, поскольку именно это отличает дейктики от других словесных знаков, составляющие значение дейктиков «слои» разнородны, гетерогенны: сюда входят как семантические, так и прагматические характеристики, которые находятся в отношениях дополнительности и взаимозависимости. Кроме того, поскольку частеречная принадлежность слова связывается со специфичным для него типом содержания, представляется необходимым и обоснованным включение этой характеристики слова в его значение.

Таким образом, в дейктиках можно выделить как минимум **три пласта:** наиболее общий – это характеризуемый различными номинативными особенностями частеречный элемент значения, совпадающий с классовым значением слова, а именно субстантивность, адъективность, процессуальность и т.п**., собственно семантический**, указывающий на обобщенное лицо, место и время, и последний, наиболее специфичный, **прагматический слой**, который «состоит» из условий, при которых совершается акт речи, включающий как часть значения слова точку отсчета, относительно которой имеет место указание на объект номинации. Этот прагматический слой есть адресная «отсылка» к точке отсчета, т.е. туда, где следует искать ключ к декодированию значения слова, к тем недостающим сведениям, которые восполняются ситуацией речи (подробнее см. Ерзинкян, 2013*,* с. 76–83).

Обладая знанием специфики дейктической семантики, человек не только может выражать (кодировать) свои мысли и идеи в языке, но и адекватно декодировать содержание высказываний, улавливая всевозможные варианты значений в контексте, которые безусловно действуют на общее восприятие текста, а это в медиатексте еще более значимо, ибо основной его задачей является манипуляция, речевые стратегии которой направлены на достижение одной цели – повлиять на адресата и убедить его принять выгодное адресанту решение. Контекстуально-ситуативная обусловленность дейктического содержания составляющих медиатекст высказываний проявляется еще и в том, что они в разных речевых ситуациях могут обладать разными значениями.

Классическими примерами дейктиков являются личные и указательные местоимения, местоименные наречия места и времени. Кроме названных, имеется целый ряд лексических единиц разных частей речи (прилагательные, глаголы, производные от них существительные, предлоги), которые локализуют высказывание в пространстве и во времени относительно центра координации, способствуя организации речевого высказывания, переводу языковых единиц в речевые (подробнее см. Ерзинкян, 1979). Применительно к медийным текстам можно говорить о том, что лингвистический инструментарий дейксиса представлен в них лексическими единицами, которые идентифицируют освещаемые в медийном дискурсе лица, объекты, события, процессы в пространственно-временном контексте относительно некоторой системы координат, в качестве которой чаще всего выступает говорящий.

Включение дейктических единиц в состав высказывания означает, что в обозначаемую ситуацию включен субъект, а это приводит не только к изменению семантики высказывания, но и иначе номинирует представленную в нем ситуацию. Точка зрения познающего, мыслящего и говорящего субъекта оказывается определяющей в референциальном отнесении единиц данной языковой категории.

Следует отметить, что антропоцентризм современного языкознания ведущую роль отводит именно говорящему субъекту, благодаря которому язык превращается не только и не столько в средство коммуникации, сколько в инструмент воздействия на адресата. Сознательный отбор языковых единиц, осуществляемый одним из коммуникантов с целью речевого воздействия на другого, зависит, в первую очередь, от коммуникативной ситуации и интенции говорящего, однако он при этом непосредственно связан и с прагмасемантическим потенциалом самих языковых единиц, который особенно велик в дейктических словесных знаках, благодаря их коммуникативно-ролевой и пространственно-временной ориентации. Отсюда следует, что знание дейктического контекста (контекста ситуации) является непременным условием, обеспечивающим речевое взаимодействие коммуникантов и их взаимопонимание в процессе общения.

Адресант и адресат – организующие центры медиадискурса

Усложняющаяся человеческая мысль и, как следствие, усложняющиеся человеческие отношения для своего выражения находят новые формы, которые дают возможность говорящему/ адресанту более тонко реагировать на меняющиеся прагматические параметры ситуации, отразить в языковых структурах и себя как личность, и личность своего собеседника.

В медиадискурсе отправитель сообщения выступает как ключевой участник, формирующий дискурс через использование специфических языковых и структурных стратегий, это активный субъект, управляющий процессом структурирования и распространения медиатекста. Он не только представляет информацию, но и создает определенный образ автора и адресата, что влияет на восприятие содержания сообщения.

Признавая важную роль адресанта, следует отметить и не менее важное значение адресата в медийной коммуникации. В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что высказывание представляет собой продукт совместной деятельности как говорящего, так и воспринимающего лица, специфичность вербального общения как особого вида человеческой деятельности заключается в том, что оно всегда *интерсубъективно*. Коммуникацию можно признать успешной только в том случае, если адресат адекватно декодирует иллокутивную силу обращенного к нему высказывания (Арутюнова, 1998).

Поэтому вполне справедливо звучит мысль о том, что общение реально в том случае, когда говорящий субъект ориентируется на своего партнера именно как на партнера по совместной деятельности, т.е. как на субъект же, а не как на объект (Каган, 1988.) Именно в силу деятельностного участия в речевой интеракции адресат расценивается как активный субъект (а не как объект) общения. Активная роль адресата в процессах речевой деятельности выражается в том, что содержательная и прагматическая природа высказывания детерминируется в определенной степени непосредственным участием адресата в коммуникации. Коммуникативная деятельность отправителя сообщения находится под влиянием последующей деятельности получателя, поэтому автор медиатекста, строя речевые высказывания, всегда должен ориентироваться на адресата, учитывать специфические особенности той аудитории, к которой он обращается, и исходить из предполагаемой реакции этой аудитории на публикуемый текст. Говоря словами Н.Д. Арутюновой, он обязан учитывать «фактор адресата», его компетенцию, пресуппозиции, а также осуществлять не только ретроспективную и текущую, но и перспективную оценку данного высказывания (Арутюнова, 1981). Обобщая, можно говорить о том, что адресат является активным участником, определяющим деятельность адресанта в процессе создания медиатекста.

Поскольку медиадискурс является дискурсом оперативного реагирования и активного воздействия, дейктические языковые средства представляют особую значимость и широко используются для привлечения внимания к медийному дискурсу и повышения его влияния на воспринимающие лица. Эти средства в сфере масс-медиа непосредственно связаны с категорией

автора текста и его адресата. Чтобы задать нужный ракурс интерпретации и «навязать» адресату свое восприятие событий через их оценку, автор медиатекста выбирает определенные дейктические средства для представления их в формате *я-ты-здесь-сейчас*. Выступая средством актуализации коммуникантов, дейктические единицы обретают контекстную семантику, что позволяет организовать текст, обладающий определенной внутренней целостностью.

Включение в медиатекст дейктических языковых единиц создает эффект присутствия собеседника и реализует тактику включения адресата в коммуникативное пространство. Следует обратить внимание на то, что при этом у адресанта и адресата должно быть общее прагматическое и когнитивное пространство: адекватное видение прагматической ситуации обоими участниками речевого общения, соотнесение точек зрения говорящего и адресата с помощью развитой системы дейктических языковых средств и, в первую очередь личных местоимений как «социальных» дейктиков является необходимым условием для успешной коммуникации.

Вопрос о представленности говорящего в высказывании решается в языке созданием категории лица, в том числе категории личного дейксиса, а именно наличием в языке противопоставления, с одной стороны, личных местоимений «я» и «ты», обозначающих участников коммуникации, а с другой стороны, противопоставления участвующих в речевом акте «я» и «ты» некоему объекту, находящемуся вне этого акта – «он/ она».

Высказывания от 1-го лица, на первый взгляд, лучше всего отвечают потребности в самовыражении говорящего, стремлению автора к самопрезентации и самоидентификации. Местоимение «я» позволяет говорящему выразить собственную позицию в обсуждаемом вопросе, создать атмосферу достоверности, подлинности в общении, показать активную роль в данном процессе и тем самым вовлечь адресата в дискурс, повлиять на его сознание и привлечь к взаимодействию.

Однако именно этот ярко выраженный «эгоцентризм» таких высказываний может оказаться в ряде случаев определенной помехой в общении, так как «я»-высказывания нередко воспринимаются как подчеркивающие, выпячивающие роль говорящего. Позиционирование говорящего как доминирующего субъекта, регулирующего и контролирующего деятельность адресата, является вторжением в его личную сферу. И для того чтобы избежать конфликта между собеседниками, следует по возможности свести к минимуму роль говорящего в побуждаемом действии.

Поэтому не случайно в языках выработаны формы, которые смягчают, затушевывают эгоцентричность «я»-высказываний, позволяя автору укры-

ться, как бы отойти на задний план, смягчить, затушевать или хотя бы уравновесить, нейтрализовать «эгоцентризм» «я»-высказываний. В этом плане определенный интерес представляет многообразие семантико-прагматических функций, выполняемых дейктическим местоимением «мы».

Прагма-семантический потенциал местоимения «мы»

Местоимения играют важнейшую роль в медиакоммуникации, ибо могут выступать действенным инструментом манипуляции, оказывая значительное влияние на общественное сознание. Так, обладая разнообразным спектром семантических и прагматических возможностей, местоимение «мы», как и другие личные местоимения, играет особую роль в структурировании адресанта и адресата в коммуникативном акте.

«Мы»-высказывания носят социальный характер и потому основаны на социально-дейктических маркерах, к которым, прежде всего, относятся личные и притяжательные местоимения. Как известно, конструирование групповой (социальной) идентичности соотносится с Принципом Кооперации Г. Грайса, следование которому является залогом успешности протекания диалогового взаимодействия. Нарушение, несоблюдение постулатов Принципа Кооперации может привести к коммуникативной неудаче, сбою в общении, при котором «определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, т.е. имеет место неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего» (Городецкий, Кобозева, Сабурова, 1985, с. 64; см. также Ерзинкян, 2018, с. 275–276). Построение групповой идентичности, соблюдение принципа сотрудничества через совместную деятельность участников коммуникации по достижению взаимопонимания и изначальная установка на избежание конфликта представляются основополагающими принципами для конструирования и ведения дейктически маркированного «мы»-дискурса.

Одной из особенностей местоимения «мы» является его множественная природа, характеризующаяся размытостью и неопределенностью своей семантики.

Местоимение «мы» далеко не всегда сводится к указанию на лицо, непосредственно участвующее в коммуникации. Как пишет К. Кербра-Орекиони, грамматически местоимение «мы» включает в себя «меня и всех остальных». Однако в зависимости от контекста и ситуации семантические границы «всех остальных» размыты, они могут варьироваться, включая собеседника, лиц, не участвующих в коммуникативной ситуации, или, наоборот, исключая перечисленные (Kerbrat-Orrechioni, 1999).

В отличие от местоимения «я», однозначно указывающего на субъект речи, местоимение «мы» обладает неоднозначной референтной отнесенностью. Оно может обозначать как говорящего, так и кого-то другого или других. И только в конкретном контексте, в конкретных коммуникативно-прагматических условиях можно адекватно декодировать значение данных единиц и определить кого именно, какую группу людей обозначает местоимение «мы».

Более того, помимо роли, выполняемой тем или иным участником речевого акта, во многих случаях бывает необходимо более точно охарактеризовать его состав: прежде всего указать, является ли данный участник речевого акта индивидуальным (‘одно лицо’) или коллективным (‘группа лиц’) и кто именно составляет этот «коллектив». Следует отметить, что в количественной оппозиции единичности/ множественности отражается противопоставление определенного/ неопределенного лица. Эта оппозиция является основной организующей оппозицией во всем поле персональности и в одной из его подсистем – Указательном (дейктическом) Поле Лица. В коммуникативной сфере она базируется на количественной оппозиции единичности/ множественности. Данная сфера поля представляет единичный и множественный личный субъект.

Множественный (коллективный) характер участника речевого акта обозначается с помощью категории числа; более точные указания относительно «состава» участников возможны с помощью так называемой категории «клюзивности» (clusivity).

Во многих языках выделяются две формы первого лица множественного числа, инклюзивная и эксклюзивная. Инклюзивная форма множественного числа подразумевает всех коммуникантов, включая адресата, эксклюзивная форма множественного числа указывает на определенную группу лиц, куда входит адресант, но не входит адресат. В понимании Э. Бенвениста, инклюзивное «мы» означает я+ты/вы, а эксклюзивная форма – я+они, при этом в значении инклюзива подчеркнуто ‘ты/вы’, а эксклюзива – ‘я’ (Бенвенист, 1974). По мнению О.А. Гулыги, семантические толкования местоимений множественного числа основаны на следующем принципе: личные местоимения единственного числа обязательно соотносятся с участниками речевого акта, в то время как местоимения множественного числа могут называть также людей, в нем не участвующих (Гулыга, 1979) Следовательно, толкование местоимений множественного числа должно состоять из двух частей – собственно дейктической, связанной с речевым актом и указывающей на непосредственных участников речевого акта, и факультативно дейктической.

Каждая из этих частей представлена множеством вариантов, комбинируя которые можно исчислять различные смыслы у местоимений множественного числа. Ввиду того, что каждый участник речевого акта наделен определенной коммуникативной ролью, собственно дейктические части в семантике местоимений множественного числа могут быть представлены как комбинации этих ролей.

Итак, местоимения «я» и «ты», идентифицирующие адресанта и адресата, обладают уникальной референцией и характеризуются максимальной определенностью. Реальная коммуникативная содержательность противопоставления по лицам и признак определенности снижаются в форме множественного числа «мы», обозначающей совокупность неоднородных референтов. Как мы уже отмечали, «мы», образно говоря, – это не ‘я+я+я’. Это, возможно, ‘я+ты’, или ‘я+вы’, или ‘я+ты+он’ и т.п. Примечательно, что В.В. Виноградов предлагал трактовать «мы» как ‘я–другие’, где ‘другие’ мыслится как переменная (Виноградов, 1972, с. 266).

В медиатексте в основном используется форма личного местоимения множественного числа «мы», которая указывает на то, что адресант выступает представителем коллектива, отстаивает его интересы и вместе с тем идею кооперативности с адресатом [3]. Активируя данное местоимение, автор медиатекста, как правило, отождествляет себя с представителями той или иной социальной или политической общности, ощущает себя частицей некоего подразумеваемого социума. (Напр.: «Мы должны защищать наши границы», мы – *нация, государство, правительство, партия, народ, граждане* и т.п.). Такое инклюзивное местоимение «мы» указывает на взаимодействие адресанта с целевой аудиторией, вовлечения последней в конструируемый адресантом дискурс/диалог. Так создается эффект солидаризации адресанта с адресатом, неким другим, с группой лиц, объединяемой по принципу «те, кто с нами», «мы все вместе взятые». При этом инклюзивное местоимение «мы», воплощая солидаризирующую интенцию говорящего, позволяет психологически сблизить адресанта и адресата и установить тесный контакт, партнерские отношения между ними с целью создания более доверительной атмосферы, формирования представления о наличии общих интересов и в конечном итоге побуждения к совместной деятельности, совместным действиям.

Эксклюзивное «мы» определяется, как отмечалось выше, очерчиванием семантической границы понятия, т.е. указанием того, кто в него не входит: «мы» означает группу людей, в которую входит говорящий, но не входит слушающий. Эксклюзивное «мы» часто употребляется, когда говорящий

старается не употреблять «я» или «мой» во избежания выпячивания своего «я» и резкости суждения. Примером этого может служить так называемое царское «мы», которое может обозначать непосредственно царствующую особу (ср. знаменитое *«Мы, Николай Второй…»*) или всю эту машину в целом (*институциональное «мы»*), при этом второе «мы» также может иметь две интерпретации: весь соответствующий институт, включая правителя или исключая его. Сравним также научное «мы», которое часто употребляется в современных научных текстах как средство автореференции. Считается, что это «мы» знаменует авторскую скромность, а также является свидетельством опоры на идеи коллег и т.п. (Ерзинкян, 2018, сс. 275–276). Кроме терминов «инклюзивное»/ «эксклюзивное», определяющих семантику местоимения «мы», в литературе встречаем и другие понятия, характеризующие данное местоимение в прагматическом ключе: это приведенное выше «мы» в дискурсе монархов – «величественное», «торжественное», «царское», «королевское» (‘royal’, ср. *Pluralis majestatis* – «множественное величия»), «авторское» мы – «научное», «скромное», «солидарное», «ораторское» (Brown and Levinson, 1987; Булыгина, Шмелев, 1997; Haverkate, 1992; Апресян, 1988б). Поэтому не случайно К. Уэлс пишет, что референты «мы» практически неисчерпаемы: “The actual discourse referents of ‘we’ are seemingly limitless, for ‘we’ can include first, second and third persons (Wales, 1996, c. 63). Основное различие, как уже отмечалось, выражается через оппозицию «инклюзивное» – «эксклюзивное». Приведем еще одну классификацию: *высшее «мы»*, которое является простым заменителем «я»; *узко инклюзивное «мы»*, которое заменяет обе стороны коммуникативного процесса – «я» и «ты»; *широко инклюзивное «мы»*, которое заменяет «я» и всех остальных, независимо от того, включены ли они в коммуникативный процесс или нет; *эксклюзивное «мы»*, которое включает «я» и любого другого человека, за исключением собеседника или получателя сообщения (Kerbrat-Orrechioni, сс. 201–210).

Таким образом, дейктическое местоимение «мы» является значимой семантико-прагматической единицей, которая имеет неоднозначную референцию, соответствует определенному или неопределенному референту – как одному говорящему лицу, так и определенной/неопределенной группе лиц, что свидетельствует о его прагма-семантическом потенциале. Следует заметить, что семантика и прагматика настолько тесно переплетены в данном дейктическом местоимении, что трудно провести четкое разграничение между ними, часто одно является следствием другого и наоборот.

Заключение

Медиатекст как сложная многоуровневая информационно-коммуникативная структура опирается на взаимодействие таких ее составляющих как адресант – адресат. При создании медиатекста автор (адресант), ориентируясь на действующие в медиакоммуникации нормы и требования, обладает известной свободой выбора языковых структур для выражения своих мыслей и намерений и изложения своего отношения к описываемым фактам, процессам, событиям, явлениям. Свобода языкового выбора с неизбежностью предполагает также и выбор дейктических средств номинации, без которых невозможно создание ни одного высказывания, ни одного текста.

Поскольку медиатекст призван оперативно *(я-ты-здесь-сейчас)* реагировать на изменения в жизни общества, способность всей дейктической лексики, и в частности личных местоимений «транслировать» прагматические особенности общения, делает их значимым фактором, организующим высказывание, как и весь медиадискурс в целом. Дейксис в медиадискурсе – это не просто указание на компоненты речевой ситуации, это инструмент речевого вовлечения и идеологической работы. Благодаря стратегическому выбору дейктических средств медиатексты, вовлекая адресата в прагматическую ситуацию, формируют общественное мнение, оказывают определенное влияние как на массовое сознание, так и на сознание каждого индивидуума, убеждают аудиторию принять нужную точку зрения и побуждают действовать в определенном направлении.

Примечания

[1]. Признание ведущей роли человеческого фактора в коммуникации, рассмотрение языка в неразрывной связи с человеком глубоко связано с концепциями таких классиков языкознания, как В. фон Гумбольдт, И.А. Бодуэн де Куртене, А.А. Потебня, Э. Бенвенист и др.

[2]. Ср. термин *‘deictic anchorage’*, предложенный Р. Роменвейтом (1968), а также используемый Ч. Филлмором термин *‘deictically anchored’* для обозначения лексических и грамматических средств, которые могут быть декодированы лишь в том случае, если высказывания, содержащие их, «зацеплены» за определенный социальный контекст, способствующий идентификации участников акта сообщения, их расположения в пространстве и времени осуществления этого акта сообщения (Fillmore, 1975).

[3]. По мнению А.А. Леонтьева, у массовой коммуникации как бы двойной субъект: «С одной стороны, непосредственно осуществляет такое общение, как правило, один человек как личность. Это может быть университетский преподаватель, лектор общества «Знание», телекомментатор и т. п. Но, с другой стороны, по существу, субъектом такого общения всегда является тот или иной коллектив или общество в целом: в социально ориентированном общении коммуникатор всегда представляет, репрезентирует мнения, убеждения, информацию социального коллектива или общества. Да и тот коллектив или группа, на которые направлено такого рода воздействие, лишь частично представлен данной конкретной аудиторией» (Леонтьев, 1999, сс. 250–251).

Литература

Апресян, Ю.Д. (1988а). *Лексическая семантика. Синонимические средства языка.* Москва, Наука.

Апресян, Ю.Д. (1988б). Прагматическая информация для толкового словаря. Н.Д. Арутюнова (ред.) *Прагматика и проблемы интенсиональности*. Москва, Институт языкознания АН СССР.

Арутюнова, Н.Д. (1981). Фактор адресата. *Известия АН СССР: Сер. лит. и языка,* № 4 (40).

Арутюнова, Н.Д. (1998). *Язык и мир человека.* Москва, Языки русской культуры.

Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика.* Москва, Прогресс.

Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. (1997). *Языковая концептуализация мира (на материале русской (грамматики).* Москва, Языки русской культуры.

Виноградов, В.В. (1972). *Русский язык: Грамматическое учение о слове.* Москва–Ленинград, Высшая школа.

Городецкий, Б.Ю., Кобозева, И.М., Сабурова, И.Г. (1985). К типологии коммуникативных неудач. *Диалоговое взаимодействие и представление знаний*. Новосибирск, Изд-во СО АН.

Гулыга, О.А. (1979). *Инклюзив и эксклюзив в дагестанских языках.* Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва.

ван Дейк, Т.А. (1989). *Язык. Познание. Коммуникация.* Москва, Прогресс.

Добросклонская, Т.Г. (2008). *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ.* Москва, Флинта.

Ерзинкян, Е.Л. (2013). *Дейксис слова: семантика и прагматика*. Ереван, Изд-во Ереванского гос. ун-та.

Ерзинкян, Е.Л. (2018). *Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика*. Ереван, Изд-во Ереванского гос. ун-та.

Ерзинкян, Е.Л. (1979). *Временной дейксис в разных частях речи*. Дис. канд. филол. наук. Москва, МГЛУ.

Каган, М.С. (1988). *Мир общения*. Москва, Политиздат.

Караулов, Ю.Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. Москва, Наука.

Костомаров П.И. (2014). Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики. *Вестник Кемеровского государственного университета,* №1–2(58).

Леонтьев, А.А. (1999). *Психология общения*. 3-е изд. Москва, Смысл.

Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press.

Bühler, K. (1934). *Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena, Gustav Fischer Verlag.

Eco U. (1984). *Semiotics and the philosophy of language*. Bloomington, Indiana University Press.

Fillmore, Ch. (1975). *Santa Cruz lectures on deixis 1971*. Bloomington, Indiana University Linguistic Club.

Fillmore, Ch. (1997). *Lectures on deixis*. Stanford, CSLI Publications.

Haverkate, H. (1992). Deictic categories as mitigating devices. *Pragmatics,* 2 (4).

Kerbrat-Orrechioni, C. (1999). *L énonciation de la subjectivité dans le langage*. 4th ed. Paris, A. Colin.

Levinson, St. (2004). Deixis and pragmatics. L. Horn, G. Ward (eds.) *The Handbook of Pragmatics*. Blackwell, Oxford.

Lyons, J. (1977). *Semantics*. Vol. 2. Cambridge, Cambridge University Press.

Nuyts J. (1992). *Aspects of cognitive-pragmatic theory of language*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins.

Rommenveit, R. (1968). *Words, meanings and messages: Theory and experiments in psycholinguistics*. Oslo, Academic Press.

Wales, K. (1996). *Personal pronouns in present-day English.* Cambridge, Cambridge University Press.

Ե. Երզնկյան – *Յուցայնության դերն ու նշանակությունը մեդիատեքստում.* – Հոդվածը նվիրված է՝ լեզվաբանության կարևորագույն կարգերից մեկի՝ ցուցայնության առանձանահատկությունների ուսումնասիևությանը, որը դիտարկվում է որպես խոսքային հաղորդակցության, մասնավորապես մեդիահաղորդակցության, գործընթացում էական դեր ունեցող յուրահատուկ իմաստագործաբանա-

կան կարգ: Ցուցայնությունը դիտարկվում է որպես անվանողական միջոց՝ լեզուն իրականության հետ կապելու հնարավոր եղանակներից մեկը: Այն ունի ընդհանուր մարդակենտրոն հիմք, որը պահանջում է եռաչափ ելակետ, վերջինս որպես վերաբերության շրջանակ թույլ է տալիս անվանվող առարկաները, երևույթները, գործողությունները տեղայնացնել տարածության ու ժամանակի մեջ: Սա հատկապես կարևոր է մեդիատեքստերում, որտեղ ցուցայնությունը ձեռք է բերում առանձնահատուկ նշանակություն: Քանի որ լեզվական հնարները մեդիադիսկուրսում ունեն ներգործման որոշակի նպատակ, նկարագրվող իրադարձությունները պետք է տեղայնացվեն ժամանակի և տարածության մեջ՝ հասցեատերերի վրա ցանկալի ազդեցություն ունենալու համար:

Հոդվածում փորձ է արվում ներկայացնել մեդիադիսկուրսի վերլուծության մարդակենտրոն մոտեցում, որը հիմնված է հաղորդակցության մեջ մարդկային գործոնի առաջատար դերի ճանաչման վրա: Բացահայտվում է ցուցայնության կարգի դերն ու նշանակությունը մեդիատեքստերի բովանդակության և կառուցվածքի ձևավորման մեջ, վերլուծվում է ուղարկողի (տեքստի հեղինակի) և ընդունողի (հասցեատիրոջ) փոխգործակցությունը, որն իրականացվում է անձնանունային ցուցայնության կարգի միջոցով, մասնավորապես «մենք» անձնական դերանման իմաստային և գործաբանական ներուժի միջոցով:

Բանալի բառեր՝ *մեդիա հաղորդակցություն, մեդիա տեքստ, մարդակենտրոն մոտեցում, մեդիա դիսկուրսի գործաբանություն, ուղարկող/հաղորդող, ընդունող (հասցեատեր), ցուցայնություն, ցուցական դերանուններ, «մենք» դերանունը*

Y. Yerznkyan – *The role and significance of deixis in media text.* – Deictic expressions constitute an integral part of media communication, where they acquire special significance. The uniqueness of these linguistic units consists in their meaning, pragmatically charged and situationally anchored. This is particularly important in media texts, as the events, processes, and phenomena described must be localised in space and time to have the desired effect on recipients in terms of relevance, timeliness, dynamism, engagement, and appeal. The paper presents an approach to analysing media discourse, which is based on recognising the leading role of the human factor in communication. It reveals the significance of deixis in constructing and interpretating the content and structure of media texts and analyses the interaction between the addresser and the addressee, realised through the category of pronominal deicticity, particularly through the pragmasemantic potential of the pronoun 'we'.

Keywords*: media communication, media text, anthropological approach, pragmatics of media discourse, addresser, addressee, deixis, deictic pronouns, the pronoun ‘we’*

https://doi.org/10.46991/FLHE.2026.30.2.089

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ КАК КОМПОНЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОФОНОВ

Наира Дашян[*]
https://orcid.org/0009-0007-6400-6742
Российско-армянский университет

Аннотация: *В данной статье рассматривается роль фразеологизированных синтаксических структур (ФСС) как значимого компонента коммуникативной компетенции учащихся-инофонов, анализируется специфика ФСС в русской разговорной речи, их структурно-семантическая идиоматичность, а также особенности их употребления в речевых ситуациях. Обладая высокой степенью экспрессивности и субъективно-модальными значениями, ФСС представляют определенную сложность у иностранных студентов в силу семантической специфики и отсутствия прямых аналогов в родном языке. В работе проанализированы основные классификации ФСС, раскрыты методические аспекты их усвоения для формирования дискурсивной и социокультурной компетенций на продвинутом этапе обучения (B2–C1). Особое внимание уделено проблеме недостаточной представленности синтаксической фразеологии в учебниках по русскому языку как иностранному и предложен комплекс упражнений, направленный на развитие навыков распознавания, понимания и продуцирования ФСС в речи.*

Ключевые слова: *фразеологизированные синтаксические структуры, синтаксический фразеологизм, фразеосхема, русский язык как иностранный (РКИ), коммуникативная компетенция, экспрессивный синтаксис, субъективная модальность, дискурс*

Введение

Всем знакома ситуация, когда в процессе коммуникации содержание сообщения может остаться неосознанным либо получить интерпретацию, не

[*] naira.dashyan@rau.am

Received: 08/10/2026
Revised: 01/11/2026
Accepted: 07 /11/2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2026

соответствующую коммуникативному намерению говорящего. Данная проблема приобретает особую актуальность, поскольку коммуникативные сбои могут повлечь за собой серьезные последствия для участников общения по той простой причине, что передаваемая информация может быть воспринята неполностью, в искаженном виде или вовсе остаться непонятой адресатом. Подобная ситуация может возникнуть и при использовании в дискурсе синтаксических фразеологизмов.

Фразеологизированные синтаксические структуры (далее – ФСС) широко используются в диалогической речи, обеспечивая воспроизведение устойчивых моделей речевого реагирования в типичных коммуникативных ситуациях. Их функционирование связано с наличием в языковом сознании говорящего устойчивых синтаксических моделей, которые соотносятся с определёнными коммуникативными намерениями и приобретают конкретное содержание в процессе речевого взаимодействия. При порождении высказывания говорящий выбирает соответствующую ситуации структурную модель и заполняет её конкретным лексическим материалом. Благодаря этому ФСС позволяют оформлять речевое высказывание с опорой на закреплённые в языковой практике конструкции, что способствует речевой экономии и автоматизации коммуникативных реакций в повседневном общении.

Речевое общение и обучение говорению неразрывно связаны, следовательно стилистическая сторона языка и его синтаксические ресурсы занимают важное место. Синтаксис и стилистика являются основой речевой деятельности человека во всех ее функционально-коммуникативных проявлениях. По мнению А.В. Величко, носители русского языка в процессе общения усваивают особенности условий и ситуаций, в которых может быть использована та или иная структура, те или иные языковые средства, отвечающие данным условиям общения. Иностранным студентам, у которых в большинстве случаев такой возможности нет, этот материал должен быть предоставлен преподавателем или должен быть указан в учебнике, который сообщит ему, при каких условиях данная конструкция применима (Величко, 2003).

Фразеологизированные синтаксические структуры выражают ряд субъективно-модальных отношений: оценку, отрицание, целесообразность, акцентирование и т.д. Данные конструкции экспрессивно окрашены, встречаются в художественной литературе и публицистике, но чаще всего мы их употребляем в разговорной речи. Иностранцы ФСС применяют с большой трудностью, потому что они сложны как для понимания, так и для использования в речи. Сложна семантика, эксплицитно не выраженная, структурные свойства отличаются от регулярных синтаксических связей. Модели данных

предложений специфичны, часто не переводятся и не имеют эквивалентов в родном языке. Их употребление во многом обусловлено конситуацией. Именно поэтому при изучении языка необходимо сформировать в сознании учащихся-инофонов лингвокультурологическое представление о предметах и явлениях, которые не имеют аналогов в их родном языке.

Как утверждает А.В. Величко, та устная речь, которой пользуются русские, не описывается в грамматиках в полной мере. «Исследователи, в силу сложившейся традиции изучать язык по зафиксировавшим его письменным текстам, выделяют синтаксические построения, недостаточно четко дифференцируя при этом сами источники с точки зрения того, какую функциональную разновидность языка эти тексты отражают» (Величко, 2003, с. 346). В результате в грамматиках мы встречаем синтаксические структуры, но без их стилистической классификации.

Теоретические основы изучения фразеологизированных синтаксических структур

Современное определение явления синтаксической фразеологизации базируется на описании, которое предложил в 1961г. Л.И. Ройзензон, считавший синтаксическую фразеологизацию «процессом создания фразеологического значения единиц, формально-грамматически соотносимых со словосочетаниями и предложениями и обладающих либо индивидуальной устойчивостью (а вместе с тем и обособленностью, иногда в единстве с идиоматичностью), либо устойчивостью типологической, т.е. устойчивостью в пределах строевого типа, объединяющего целый ряд однородных, серийных, структурно и семантически однопорядковых образований» (Ройзензон, 1961, с. 114).

В научной литературе до сих пор отсутствует единство взглядов на природу и терминологическое обозначение фразеологизированных синтаксических структур: фразеологические единства на расстоянии, застывшая конструкция, синтаксический фразеологизм, связанная синтаксическая конструкция, синтаксическое клише, фразеосхема и т.д. Такое терминологическое разнообразие свидетельствует о сложности и неоднозначности данного языкового явления.

Термины синтаксический фразеологизм (СФ), фразеологизированные предложения (ФП) используются Грамматикой-80. Синтаксические фразеологизмы фрагментарно описываются в учебниках тогда, когда рассматриваются различные структурно-семантические типы членимых синтаксических конструкций. Например, в Грамматике-80 синтаксические фразеологиз-

мы представлены не только в главе «Простое предложение», но их можно встретить и в параграфе «Субъективно-модальные значения».

Для терминологической точности в работе мы используем следующие основные понятия: фразеологизированные синтаксические структуры (ФСС) или синтаксический фразеологизм и фразеосхема, которой обозначается структурная схема.

В современные исследованиях ФСС рассматриваются как в рамках синтаксической фразеологии, так и в контексте грамматики конструкций (Матевосян, 2022; Сафонова, Чупрякова, Рахимова, 2024). При этом особое внимание уделяется вопросам структурно-семантической организации фразеосхем, их идиоматичности, устойчивости, воспроизводимости и функционально-коммуникативной специфики.

Синтаксическая фразеология изучается в европейской лингвистике с конца XX века. Благодаря работам Ч. Филлмора (1988) и А. Гольдберг (1995), когда начала активно развиваться грамматика конструкций, усилился интерес к микросинтаксису, к языковому значению как когнитивному феномену, где синтаксис и семантика неразрывно связаны.

Несмотря на большое количество работ все же нет обобщающих теоретических исследований. В центре внимания конкретные ФСС, их структурное описание, лексическое наполнение, способы и возможности употребления, реже – стилистика, частотность и другие определяющие характеристики. Многие общетеоретические вопросы до настоящего времени остались открытыми и требуют дальнейшего изучения.

Так, чтобы понять выражение *всем молодцам молодец* или *всем пирогам пирог*, недостаточно знать возможные грамматические и лексические значения, нужно рассматривать конструкцию как нечто единое, наделенное особым семантическим содержанием. В таких конструкциях компоненты не подчиняются действующим синтаксическим правилам, они связаны идиоматически, а прямые лексические значения ослаблены. Компонент (*всем*) незаменим и сохраняет свое лексического значения, однако приобретает специфическую функцию в рамках целостной конструкции. Местоимение *весь (вся, все)* может использоваться в форме единственного числа. Это бывает обычно, если используется существительное со значением вещества, имеющее только форму единственного числа, например: *Всей клюкве клюква! Всей воде вода!* Второй компонент – это сочетание одного и того же существительного в разных падежах (дательном и именительном) и числах (множественном и единственном). Именная группа семантически свободна. Возможны парадигматические изменения – форма настоящего, прошедшего, будущего времени

и сослагательного наклонения: *Всем генералам генерал (был, будет, был бы)!* Фиксированный порядок слов. Отрицание невозможно. Предложения данной модели указывают на высокую оценку лица или предмета как лучшего из возможных. Они синонимичны высказываниям «*Это лучший из всех*».

Сущность фразеологизированных синтаксических структур также является источником научных дискуссий. Почти в каждом языке существует возможность выделения синтаксических фразеологизмов, т.е. таких синтаксических образований, у которых одни компоненты – основные, структурно-опорные, они постоянны и обязательны, а другие – переменны, и при этом вся конструкция строится по неизменной структурно-синтаксической формуле. Значение фразеологизированных предложений не только не выводимо из суммы значений их лексических компонентов, но нередко обусловливает семантическую интерпретацию самих компонентов. Подчиняясь семантике структурной схемы, лексические единицы приобретают идиоматические свойства и реализуют значение, предопределённое типовым значением соответствующей синтаксической модели. В своей работе А. И. Остапенко так же утверждает, что в «синтаксической фразеологии присутствует регламентированность синтаксического построения конструкций, нарушение которой приведет к разрушению структуры фразеосинтаксической схемы, а вместе с этим и к утрате смысла, объективируемого данными конструкциями, при этом коммуникант свободен выбирать лексическое наполнение схемы» (Остапенко, 2005, с. 26).

Классификации фразеологизированных синтаксических структур

Важным является и вопрос классификации ФСС, поскольку именно систематизация позволит глубже понять их специфику. Истоки исследования ФСС связаны с научными трудами Н.Ю. Шведовой. В разговорной речи она выделяет «шаблонные фразы, в основе которых лежит определенная модель, специфика которой по сравнению со свободным построением состоит в ограниченной возможности словесного наполнения одного из формообразующих элементов или во фразеологическом характере самой этой модели» (Шведова, 2003, с. 10). В своей известной монографии «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» Н.Ю. Шведова выделяет четыре группы построений по способу организации конструкций. Однако М.В. Всеволодова считает, что первые три группы построений имеют те же особенности, что и последняя «можно было бы объединить все четыре группы под общим названием фразеологизированных построений» (Всеволодова, 2002, с. 9).

В.Ю. Меликян предлагает дополнить классификацию Н.Ю. Шведовой фразеосхемами с обязательным опорным компонентом, выраженными союзом (***Нет чтобы подумать!);*** предлогом (***Праздник не в праздник!)*** и местоименными словами (***Что за манеры!)*** (Меликян, 2002, с. 120).

Рассмотрим еще одну классификацию. Н.Ю. Шведова выделяет три группы ФСС по степени нарушения современных синтаксических норм (Шведова, 2003):

1) конструкции, характеризующиеся немотивированностью сочетания компонентов в современном русском языке: ***Нет, чтобы подумать! Всем пирогам пирог!*** и др.;
2) конструкции, формы которых легко объяснить изменившимися или устаревшими нормами: ***Чем он тебе не жених? Что за деньки!*** и др.;
3) конструкции, которые подчиняются правилам русского языка, но при этом имеют в составе компонент с частично изменившимся значением: ***Хорош вечер! Ну и погода!*** и др.

Таким образом, в данной классификации учитывается два фактора: степень переосмысления обязательного компонента и наличие структурно-грамматических отклонений.

Для разграничения подобных ФСС В.Ю. Меликян предлагает использовать следующие термины: 1) фразеосхемы-сращения, 2) фразеосхемы-единства, 3) фразеосхемы, строящиеся по живым синтаксическим моделям, которые отличаются друг от друга степенью фразеологизации (Меликян, 2002, с. 121).

На наш взгляд, более полное исследование ФСС было проведено А.В. Величко. Ею выделены шесть семантических групп (Величко, 1996), а именно ФСС, выражающие:

1) оценку, характеристики: ***Вот это мастер! Что за характер!***
2) согласие, принятие, утверждение, возражение, отрицание: ***Ехать так ехать! Работа есть работа; Мало ли о чем говорят! Ей теперь праздник не в праздник!***
3) необходимость, целесообразность, ненужность, невозможность: ***Как было не пойти к ним! Мне ли спорить с ним!***
4) единственность, исключительность, множественность: ***У них только и разговоров, что о работе; Ему бы только развлекаться; Бывают встречи и встречи.***
5) акцентирование: ***Он учится не где-нибудь, а в МГУ! Где как не в Подмосковье отдыхать детям***.

6) логическую обусловленность: ***Работа работой, а отдыхать тоже нужно. Приехать-то он пока не приехал, но телеграмму прислал***.

Семантический подход классификации ФСС позволяет выявить ряд важных признаков, а именно критерии употребления той или иной конструкции и те тонкости значения, которые являются необходимыми для ее восприятия.

Однако анализ русских фразеологизированных синтаксических структур показывает, что семантических полей, которые включают в себя различные ФСС, значительно больше. Количество различных описаний фразеологизированных синтаксических структур достаточно велико. Но то описание, которое дается как в научной литературе, так и в словарях, пособиях, оказывается недостаточным для правильного понимания в иноязычной аудитории.

Фразеологизированные синтаксические структуры позволяют кратко передавать часто повторяющиеся смыслы, важные в процессе речевого взаимодействия. Эти конструкции, по сравнению с лексическими фразеологизмами, представляют собой малочисленную группу единиц, что можно объяснить, по мнению языковедов, тем, что в образовании их столкнулись две тенденции, органически присущие языку как средству общения, обмена мыслями между людьми:

- тенденция экономного использования средств выражения мысли;
- тенденция к ясности внутренней формы сочетаний слов.

Методические аспекты обучения фразеологизированным синтаксическим структурам в курсе РКИ

Современная методика преподавания русского как иностранного всё в большей степени ориентирована не только на способы грамматической правильности речи, но и на развитие полноценной коммуникативной компетентности учащихся. На этом этапе особое внимание уделяется значению фразеологизированных синтаксических структур.

Прежде всего, ФСС являются записанной частью живой русской речи. Конструкции типа ***лес как лес; молчать так молчать; игра есть игра; не успел..., как*** ... функционируют как готовые коммуникативные шаблоны, позволяющие пользователю быстро и точно оформить мысль. В отличие от альтернативных синтаксических построений, они характеризуются устойчивостью структуры и семантической слитностью. Игнорирование этих элементов в процессе обучения приводит к тому, что речь иностранного учащегося остается грамматически корректной, но лишённой естественности и идио-

матичности. С методической точки зрения их изучение способствует формированию дискурсивной компетенции. Владение частными конструкциями позволяет учащемуся не только разрабатывать предложения, но и организовывать связные предложения, участвовать в диалоге, адекватно реагировать на реплики собеседника. Именно на этом уровне проявляется способность к спонтанной речи, которая является одним из ключевых показателей владения языком.

Не менее важен и рецептивный аспект. ФСС широко распространены в художественной литературе, публицистике и разговорной речи. Их непонимание приводит к изменению смысла текста или к частичной его утрате. Следовательно, их включение в учебный процесс необходимо не только для развития продуктивных навыков, но и для полноценного восприятия аутентичных материалов.

Освоение ФСС так же способствует формированию социокультурной компетенции, позволяя учащимся глубже понять особенности русской коммуникативной традиции.

Наконец, следует отметить их инновационность на продвинутых уровнях обучения. Если на начальных уровнях приоритетом является формулирование грамматики и лексики, то на уровнях B2–C1 именно знание устойчивых синтаксических моделей становится одним из принципов свободного владения языком.

С точки зрения когнитивной лингвистики ФСС представляют собой готовые схемы, которые облегчают процесс порождения речи. Их усвоение снижает когнитивную нагрузку: говорящий не конструирует высказывание «с нуля», а воспроизводит уже существующие модели, варьируя их в зависимости от контекста. Это особенно важно на продвинутых этапах обучения, когда приоритет смещается с правильности на скорость и выразительность речи.

По мнению Т. Чепковой, «утверждать, что иностранный учащийся овладел коммуникативной компетенцией, можно только в том случае, если при общении с носителями изучаемого языка он успешно решает задачи взаимопонимания в соответствии с нормами общения и культурными традициями данной страны, используя все богатство и разнообразие языковых средств, в том числе и фразеологических» (Чепкова, 2023).

Таким образом, изучение фразеологизированных синтаксических конструкций является важным условием формирования полноценной речевой компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному. Игнорирование данного аспекта неизбежно приводит к ограниченности речевых

возможностей учащихся, тогда как его систематическое включение в учебный процесс значительно повышает эффективность обучения.

ФСС – это единицы коммуникативного синтаксиса, поэтому знание и умение употреблять их в речи необходимо для свободного владения русским языком. Данный языковой материал представляет особую значимость для преподавателей русского языка как иностранного, студентов-филологов, журналистов и переводчиков.

Изучение российской учебной и научно-методической литературы позволяет выделить ряд нерешенных вопросов:

1) ограниченную представленность ФСС в учебниках и учебных пособиях по РКИ;

2) отсутствие критериев и методических принципов отбора ФСС и способов их презентации в иностранной аудитории;

3) недостаточная разработанность системы упражнений для восприятия, понимания и использования ФСС в речи.

Овладение иностранными студентами русской идиоматикой представляет собой сложный процесс, требующий целенаправленной методической работы. Важнейшим ее этапов является отбор языкового материала, который должен отвечать ряду требований: частотность, активное употребление в речи носителей русского языка, соответствие тематике.

Поскольку речевая практика осуществляется в аудитории главным образом путем выполнения заданий, то весьма существенное значение имеют характер и система последних. Содержание речевой практики, а значит виды заданий определяются этапами усвоения материала, уровнем выработки речевых умений и навыков. Создание комплекса упражнений должно быть направлено на восприятие, понимание и использование ФСС в речи.

Для закрепления ФСС эффективным способом считаются упражнения:

- нахождение синтаксических ФСС в тексте и употребление в контексте;
- объяснение значения ФСС на русском и родном языках;
- умение находить и подбирать синонимичные и антонимичные конструкции;
- использование ФСС в контексте, например, употребление ФСС одной семантической группы в составлении рассказов;
- развитие речевых навыков через вхождение в роль (диалог) – очень эффективная форма тренировки учащихся в ведении спонтанной речи.

Приведем примеры заданий, ориентированных преимущественно на студентов, владеющих русским языком, и призванных помочь им не просто запомнить ФСС, но и почувствовать их семантико-прагматическую специфику и особенности функционирования в речи. Упражнения имеют не только диагностическую, но и аналитическую направленность. Они направлены на формирование у студентов способности распознавать ФСС в естественном речевом окружении, устанавливать их структурные границы и интерпретировать прагматическое значение с учётом контекста. Обращение к художественному тексту (задание 3) позволяет изучать ФСС в условиях связного повествования, где значения формируются не изолированно, а во взаимодействии с ситуацией, персонажами и авторским замыслом. Данный языковой материал и виды упражнений расширят и разнообразят словарный запас учащихся-инофонов.

Комплекс упражнений для освоения ФСС в иноязычной аудитории

1. Проверьте, умеете ли вы видеть фразеологизированные синтаксические структуры в тексте. Прочитайте и выпишите все ФСС. Определите их значение., установите стилистическую окраску конструкции и объясните роль интонации.

1.Тоже мне, деловые. Гуляйте, ребятки (А. Савельев). 2. У нас в центре в половине домов трубы текут. Тоже мне столица! Пусть этот перенос, если и случится, то не на моем веку (Комсомольская правда 2002.01.10); 3. Телефон назойливо и громко зазвонил в шесть утра. Слушаю, сонно отозвался в трубку Борис Рубинштейн. Микрофон взорвался восторженным женским голосом: Борька, это ты? Боже, какое счастье! Хоть бы ты подсказала – тоже мне, современная девушка! (Труд 2010. 03.04); 4. Подавляющее большинство тех, кто изумляется, что я не выезжал за пределы России, на самом деле за пределами России были только на пляжах Турции или Египта. Тоже мне, великие путешественники. Мне интересен тот мир, в котором я живу, и тот край, где я живу, – Урал (Труд 2010.04.10); 5. Ты хорошо воюешь, и не слушай никого! Тоже мне, придумали – враг народа! Спустя годы судьба вернула Ивина на то место, где когда-то подорвался эшелон с его бригадой (Труд-7 2007.06.22); 6. Они случайно столкнулись на аллее: он, смуглый усач, и она – беленькая, худенькая, голубоглазая. Ну чем не начало для художественного фильма? (Московский комсомолец 2007.03.14); 7. Моя теща – всем тещам теща! Я ей могу спокойно рассказать такой вот анекдот, а это показатель (Труд-7, 2006.08.09); 8. Так вот, оказывается, где был скрыт главный магнит Лили Брик. Вот открытие так открытие! (Труд-7 2007.11.10); 9.

Вот вам и сборная Финляндии, занимающая 29-е место в рейтинге Международной федерации волейбола. Сюрприз так сюрприз! Молодая команда соперников боролась за каждое очко на поле (Труд-7 2007.09.15); 10. Я сторонник того, чтобы поддержать банк в трудную минуту. Мало ли какие могут быть обстоятельства. Но это целесообразно делать только в том случае, если сами хозяева банка стремятся справиться с ситуацией (Известия 2007.12.24).

2. Прочитайте рассказ Николая Носова «Мишкина каша». Выпишите все ФСС, объясните их значения, определите структурную модель каждой найденной конструкции.

3. Студентам предлагается связный текст, в котором нужно заменить выделенные слова близкими по значению ФСС.

4. Закончите предложения, используя конструкцию «тоже мне + … »:

- Он опоздал на час и говорит, что пробки на дорогах. _____
- Съел весь торт и жалуется, что толстеет. _____
- Списал у соседа, а теперь хвастается своей «пятёркой». _____
- Пошёл на работу в пижаме и удивляется, что все смеются. _____
- Говорит, что не любит сладкое, но съел три мороженых. _____

5. Составьте диалог, используя фразеологизированные синтаксические структуры (выбираются конструкции одной тематической группы, например, согласия, оценки, необходимости и т. п.):

- Расскажите об отношении к учебе одного из своих друзей, употребив ФСС.
- Представьте, что вы учитель, отчитайте или похвалите учеников за выполненную работу, используя ФСС.
- Составьте текст на тему «Мой первый экзамен», используя ФСС.
- Тема диалога объявляется заранее. Студенты знают, с каких вопросов начнется очередное занятие и дома готовят ответы с применением различных ФСС. Темы могут быть самые разнообразные: «Дома», «В магазине», «У врача» и т.д.

6. Составьте рассказ, используя ФСС со значением оценки:

Всем молодцам молодец! То ли дело теперь! То ли не сказка! Что за шейка! Вот свадьба! Вот так красавица! Вот любит так любит! Ай да квартира!

Тоже мне король! Ох уж эти мне охотники! Хороша случайность! Какая весна! Какой там писатель! Ну и глаза!

7. Переделайте нейтральные фразы так, чтобы они звучали с иронией с помощью фразеосхемы «Тоже + мне +N_1 [V, Adj, Adv]!».

Пример: Он считает себя великим спортсменом. → Тоже мне спортсмен.

- Она думает, что прекрасно поёт.
- Он сказал, что умеет готовить.
- Этот фильм называют шедевром.
- Его называют гением математики.
- Эту книгу считают очень смешной.
- Он сказал, что это была отличная шутка
- Говорят, это был самый умный план.
- Она решила, что это лучший подарок.
- Он уверен, что это очень важное сообщение.

8. Предлагается список ФСС, нужно подобрать к ним синонимы и антонимы.

9. Придумайте 3 – 4 ситуации, где можно использовать фразеосхему «Тоже + мне +N_1 [V, Adj, Adv]!», «Ай + да +N_1 [V_f]!» и запишите реплики.

10. Составьте предложения с одними и теми же ФСС, но в разных ситуациях и с разным значением.

- Хорош + N1.
- Нет чтобы + Vinf.
- Что за + N1
- Какой + N1
- Всем + N3 + N1
- N1+ как + N1

11. Закончите диалоги. **Выберите правильную ФСС из указанных внизу.**

1. – Хочу на выходные поехать в Санкт-Петербург.

– …….! У тебя будет прекрасная возможность и погулять, и с Олегом встретиться, давно с ним не виделись.

2. – ……!

– А это небольшой подарок. Маша пригласила меня завтра на день рождения.

3. – ……!

– Что? Что я опять сделал не так?

ФСС для справок: Ай да мысль! То ли дело подарок! Что за коробка! Чем не подарок! Всем подаркам подарок! Что бы вам не приехать! То ли дело не приехать! Что ты за человек! Вот это подарок так подарок! На то и идея! Человек как человек!

12. Выразите опасение в следующих ситуациях, используя фразеосхему «Как бы не + V inf [N, Adj, Adv]!» и запишите реплики.

- проспать экскурсию;
- опоздать на самолет;
- провалить экзамен;
- на улице скользко;
- пропустить матч.

13. Переведите на русский язык.

1. Սովորական տոն է: 2. Թե գնալու ենք՝ գնանք: 3. Բոլոր վարպետների նման վարպետ է: 4. Որ տոն է, թող տոն լինի: 5. Տոնը տոն է, գործը՝ գործ: 6. Ուսումը վրաս չի գալիս: 7. Մեր ճանապարհները չեն համընկնում/տարբեր են: 8. Նա փեսացուներից լավագույնն է: 9. Շոգ, շոգ ասիր ու պրծար: 10. Քաղաք, ոչ տակ ունի, ոչ ծեր:

Заключение

Таким образом, фразеологизированные синтаксические структуры представляют собой значимый компонент русской разговорной речи, освоение которого необходимо для полноценного формирования коммуникативной компетенции учащихся-инофонов. Как уже было отмечено фразеологизированные синтаксические структуры недостаточно систематизированно представлены в практике преподавания РКИ и учебной литературе в, но они достаточно частотны в языке и речи, и необходимо не только владение этим материалом, но и понимание смысла того или иного речевого оборота, ситуации употребления. Способность учащихся-инофонов выражать свои коммуникативные намерения корректно и образно, включая все богатство языковых средств, в том числе и ФСС, является одной из важнейших характеристик

коммуникативной компетенции. ФСС трудны для иностранцев с точки зрения понимания и употребления. Но овладение ФСС как средством выражения субъективно-модальных значений необходимо многим иностранцам, стремящимся свободно понимать и использовать русскую речь, особенно иностранным филологам-русистам, журналистам и переводчикам.

Литература

Величко, А. В. (1996). *Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев*. Москва, Издательство МГУ.

Величко, А. В. (2003). Разговорная речь и разговорный синтаксис в иностранной аудитории. В *X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы* (сс. 345–346). Санкт-Петербург, «Политехника».

Всеволодова, М. В., & Лим Су Ен. (2002). *Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки*. Москва, «Макс Пресс».

Матевосян, Л. Б. (2022). *Русский разговорный синтаксис*. Ереван, ЕГУ.

Меликян, В. Ю. (2002). *Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения*. Ростов-на-Дону, РГПУ.

Меликян, В. Ю. (2020). *Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели* (4-е изд.). Москва, «Флинт».

Остапенко, А. И. (2005). *Фразеологизированные сложноподчиненные предложения в системе языка: структурно-семантический, этимологический и фразеологический аспекты* [Дисс. … канд. филол. наук]. Ростов-на-Дону.

Ройзензон, Л. И. (1961). Фразеологизация как лингвистическое явление. *Труды Самарканд. гос. ун-та. Новая серия.* (113), 101–117. Самарканд, СамГУ.

Сафонова, С. С., Чупрякова, О. А., & Рахимова, Д. И. (2024). Синтаксис, лексика, фразеология: аспекты корреляции и взаимодействия. *Филология и культура*. https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-leksika-frazeologiya-aspekty-korrelyatsii-i-vzaimodeystviya/viewer

Чепкова, Т. П. (2023). Адаптивно-модульное обучение иностранных учащихся фразеологии русского языка в системе высшей школы. [Автореферат … докт. филол. наук]. https://www.dissercat.com/content/adaptivno-modulnoe-obuchenie-inostrannykh-uchashchikhsya-frazeologii-russkogo-yazyka-v-siste

Шведова, Н. Ю. (2003). *Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва, «Азбуковник».*

Fillmore, C. J., Kay, P., & O'Connor, M. C. (1988). Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language, 64*(3), 501–538. https://www.jstor.org/stable/i217204

Goldberg, A. (1995). *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. https://books.google.am/books?id=HzmGM0qCKtIC&pg=PA24&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false

Ն. Դաշյան – *Դարձվածքայնացված շարահյուսական կառույցները որպես օտարալեզուների հաղորդակցական կարողունակության բաղադրիչ*. – Հոդվածում ուսումնասիրվում է դարձվածքայնացված շարահյուսական կառույցների (ԴՇԿ) դերը՝ որպես օտարալեզու ուսանողների հաղորդակցական կարողունակության կարևոր բաղադրիչ: Ուսումնասիրվում են բանավոր խոսքում ԴՇԿ-ների գործածության առանձնահատկությունները, դրանց կառուցվածքային և իմաստային դարձվածքայնությունը, ինչպես նաև խոսքային տարբեր իրավիճակներում դրանց կիրառման յուրահատկությունները: Բարձր արտահայտչականությամբ և սուբյեկտիվ-մոդալ իմաստներ արտահայտելու հնարավորությամբ օժտված ԴՇԿ-ները օտարերկրյա ուսանողների համար զգալի դժվարություններ են առաջացնում: Այն պայմանավորված է դրանց իմաստաբանության բարդությամբ և ուսանողների՝ մայրենի լեզվում ուղղակի համարժեքների բացակայությամբ:

Հոդվածում վերլուծվում են ԴՇԿ-ների վերաբերյալ դասակարգումները, ինչպես նաև ներկայացվում են դրանց յուրացման մեթոդական հիմնահարցերը՝ ռուսերենը որպես օտար լեզու ուսուցանելու առաջադեմ փուլում (B2–C1) ուսանողների դիսկուրսային և մշակութային կարողունակությունների ձևավորման համատեքստում: Առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվում ռուսերենի՝ որպես օտար լեզվի դասագրքերում շարահյուսական դարձվածաբանության ոչ լիարժեք ներկայացվածությանը: Այդ խնդրի հաղթահարման նպատակով առաջարկվում է վարժությունների շարք, որն ուղղված է խոսքում ԴՇԿ-ների ճանաչման, ըմբռնման և կիրառման հմտությունների զարգացմանը:

Բանալի բառեր՝ *դարձվածքայնացված շարահյուսական կառույցներ, շարահյուսական դարձվածք, դարձվածային սխեմա, ռուսերենը որպես օտար լեզու, հաղորդակցական կարողունակություն, արտահայտչական շարահյուսություն, սուբյեկտիվ եղանակավորություն, դիսկուրս*

N. Dashyan – *Phraseologized syntactic structures as a component of non-native speakers' communicative competence*. – Phraseologized syntactic structures (PSS) convey speaker attitudes and subjective modality in colloquial Russian, yet their implicit meanings and limited cross-linguistic equivalence can make them difficult for non-native speakers to interpret. This study examines their role in communicative competence in Russian as a foreign language (RFL) and their relevance to instruction at the B2-C1 levels. The analysis reviews classifications considering the structural and semantic idiomaticity of PSS and their functions in different communicative contexts. It relates these features to the development of pragmatic awareness, discourse competence, and sociocultural competence. The discussion identifies the limited coverage of PSS in contemporary RFL textbooks as a gap in advanced language instruction and proposes exercises for recognizing these structures, interpreting their meanings in context, and using them appropriately in communication. The study argues for the systematic inclusion of syntactic phraseology in advanced RFL teaching, with attention to the relationship between linguistic form, speaker stance, and communicative context.

Keywords: *phraseologized syntactic structures, syntactic phraseology, phraseological construction, Russian as a foreign language (RFL), communicative competence, expressive syntax, subjective modality, discourse*

https://doi.org/10.46991/FLHE.2026.30.2.105

THE IMPLEMENTATION OF PROJECT-BASED LEARNING METHODOLOGY IN SOCIAL SCIENCE EDUCATION AT V. BRUSOV STATE UNIVERSITY

Nare Hakobyan[*]
https://orcid.org/0000-0003-3441-9718
Brusov State University

Abstract: *For a couple of decades, higher education in Social Sciences has shifted away from the simple transmission of theories and abstract knowledge toward the development of professional, social, and real-life skills applicable after graduation. In this regard, Project-Based Learning (PBL) has proven to be one of the most effective methodologies for achieving these outcomes. Accordingly, the current paper examines how the PBL methodology is implemented and adopted when teaching English for Specific Purposes (ESP) to Armenian students at the Faculty of Public Communication and Service at Brusov State University. Specifically, the article illustrates how PBL was implemented and what outcomes were achieved with 83 students across the Public Relations (PR), Service, and Tourism departments. The methodology relies on a data-driven, evidence-based descriptive approach that retrospectively analyzes the project's results alongside relevant domain literature. The empirical findings are supported by instructor observations, a focus-group discussion with a representative sample of 20 students and language profiling to track language growth. The results indicate that implementing PBL significantly enhanced students' professional domain knowledge, social skills, digital literacy and language proficiency, while also fostering their emotional development.*

Keywords: *project-based learning methodology, interviews, social skills, language proficiency, professional knowledge, empathy, digital literacy*

Introduction

Over the last couple of decades, Project-Based Learning (PBL) has gained considerable momentum in higher education. This shift is hardly surprising. Universities are under increasing pressure to prepare graduates who can meet the

[*] narekaytser@gmail.com

Received: 05/07/2026
Revised: 24/10/2026
Accepted: 30/10/2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2026

rigorous demands of today's job market (Alanazi & Benlaria, 2023). Beyond theoretical knowledge, modern graduates must possess well-honed cognitive abilities, soft skills (Lungu, 2022; Yulhendri et al., 2021), digital literacy, and strong language skills. While traditional higher education has historically focused on imparting discipline-specific theory (Barnett, 2022) and evaluating academic progress, conventional curricula often fall short of delivering the practical, real-world competencies employers expect.

PBL helps bridge this gap. Grounded in a "learning-by-doing" approach, PBL engages students in identifying discipline-specific challenges and working collaboratively to develop research-driven solutions. As a multi-phased, research-oriented methodology, it can easily run alongside formal course syllabi. In doing so, universities can teach required academic content while cultivating the practical competencies sought by the workforce. Unsurprisingly, PBL is widely recognized for enabling the "simultaneous acquisition of language, content and skills" (Beckett & Slater, 2005, p. 108).

In practice, PBL guides students through identifying real-world problems, formulating research questions, selecting appropriate data collection tools, working in teams to execute solutions, and presenting their findings on digital platforms (Krajcik & Shin, 2014; Larmer & Mergendoller, 2015a; Parker et al., 2013). This approach actively fosters high-level cognitive, interpersonal, and intrapersonal social skills (Pellegrino & Hilton, 2012), language proficiency, and operational software literacy (van Deursen & van Dijk, 2014). Rather than passively reading and analyzing course materials, students evaluate information critically and produce meaningful real-world output.

Despite these benefits, PBL remains underutilized within Social Sciences in Armenia - specifically across Public Relations, Service, and Tourism programs - where research on its implementation is scarce. A major barrier is the limited awareness of PBL among English for Specific Purposes (ESP) instructors, which has hindered localized adaptations of the framework, hence there are few academic publications on the gains of this methodology in a higher education context. Addressing this gap, the present study reflects on the practical implementation of PBL across these three departments.

Drawing on retrospective and data-driven descriptive findings, a focus group discussion, language profiling and instructor observation, this paper demonstrates how EFL instructors, teaching ESP in the Social Sciences, can integrate PBL into their curricula with positive results. Specifically, the findings highlight gains in professional competencies - such as interviewing techniques (Katz, 1974) - as well as social skills such as interpersonal communication within the team and with the

participant (Hargie, 2019). Language proficiency (vocabulary, grammar, and syntax) which is about language knowledge and its development (Ellis, 2015) is also impacted by PBL. The methodology also develops learners' digital literacy through creating and communicating information with digital technologies and platforms (Hinostroza et al., 2025; Vuorikari et al., 2022). Moreover, it fosters emotional features such as empathy which is the capacity to understand, share, and vicariously experience the feelings, perspectives, and emotional states of another person (Decety & Jackson, 2004).

Literature Review

The emergence of PBL is rooted in its effectiveness compared to passive learning, which has long been the norm in many educational settings worldwide. Early on, Dewey (1916, 1938) challenged the reliance on memorization and the view of learners as passive receivers of information. Instead, he advocated for student-centered, experiential learning, arguing that education should not merely present static facts, but serve as a dynamic, social process where students learn through active inquiry and engagement with real-world problems. For Dewey, education mirrors social reality, positioning students as active problem solvers. The problem-solution is collaborative, due to what they develop their social skills. Grounded in meaningful, experiential practice, PBL addresses students' cognitive and emotional needs (Šmitienė et al., 2026) and drives higher academic achievement such as professional knowledge and language proficiency (Chen & Yang, 2019).

Building on this foundation, Kilpatrick (1918), another pioneer of project-based approaches, contended that when learning is purposeful and personally meaningful, student motivation rises, yielding deeper and more lasting outcomes. Interdisciplinary learning tied to personal relevance similarly fosters high motivation (Sirwesvary & Jamaludin, 2025). Essentially, PBL immerses students in social reality, guiding them to pinpoint domain-specific challenges and devise practical solutions. Through active participation in authentic projects (Blumenfeld et al., 1991), learners not only internalize theoretical content more effectively but also learn to apply it. These benefits were recently corroborated by a meta-analysis of 42 high-quality experimental studies involving 5,247 undergraduate biology students across 18 countries (Nurkanti et al., 2025), which confirmed PBL's efficacy in fostering critical thinking and domain-specific knowledge (Zhang & Ma, 2023). Šmitienė et al. (2026) observed similar positive outcomes in primary education settings.

Nevertheless, like any pedagogical framework, PBL presents notable challenges, including tight time constraints, insufficient methodological support,

and difficulties with technology integration. A lack of instructional guidance and familiarity can result in partial or flawed implementation, ultimately harming academic performance (Capraro et al., 2016). Consequently, despite strong empirical support for its long-term benefits, PBL remains underutilized in many contexts - particularly in developing and least-developed nations - primarily due to limited awareness of the methodology. This explains the scarcity of published research on PBL outcomes within Social Sciences in Armenia. To date, only a single online research article has investigated the application of PBL within the Armenian educational landscape - specifically examining its implementation in ninth-grade Social Studies classes at a public school (Poghosyan et al., 2026). Their findings demonstrated that PBL successfully fostered students' critical thinking, analytical skills, and civic consciousness within a secondary school environment. However, a systemic gap remains regarding how PBL is operationalized within higher education for the Social Sciences, as well as the specific outcomes achieved at the tertiary level. The present study directly addresses this gap by illustrating how PBL was adapted and implemented for Social Sciences university students in Armenia, providing a detailed account of the learning outcomes recorded. These outcomes confirm the acquisition of professional, social, and digital skills, alongside the development of emotional features and language proficiency - without which the project could not have been completed successfully. This retrospective, data-driven approach is characteristic of research on PBL methodology, as step-by-step progress relies directly on acquiring these skills, the practice of which ultimately drives final learning gains.

Methods

To implement Project-Based Learning (PBL) methodology, 83 students from the Public Relations, Service, and Tourism departments at V. Brusov State University engaged in a project focused on interviewing survivors of the 2020 Artsakh War. For this purpose, students first underwent a comprehensive training phase on interviewing as a professional data collection tool. Working in pairs or small groups, the students subsequently selected and interviewed a total of 25 participants. They recorded the interviews and transcribed them in Armenian, submitting the transcripts for instructor feedback through two review cycles. Following this, the students translated the interviews into English, underwent a peer-review process, and submitted the translated texts for two additional rounds of instructor feedback. From this repository, final interviews were selected based on the depth of the narratives and the availability of signed written consent. This effort culminated in the publication of a bilingual edited volume titled *“2020 Artsakh*

War through the Eyes of the Survivors: An Interview Anthology." The project spanned approximately one year, from October 2024 to November 2025, across several distinct phases detailed in Table 1.

All participating students provided informed consent and were notified of their right to withdraw from the project at any stage. To present the research findings of the PBL implementation, this paper adopts a data-driven, evidence-based descriptive approach that details the specific learning outcomes and competencies students attained across each project phase. This retrospective framework confirms the acquisition of the target skills outlined in the Literature Review and Discussion sections; indeed, completing the final project output - the anthology of the interviews - would not have been possible without applying these specific skills and features in practice. To ensure methodological rigor, the results were triangulated using a focus group discussion with 20 students alongside instructor observations. Instructor observation of both the syllabi and phase execution served as an integral component of the research methodology. Finally, language profiling was conducted to analyze which language was acquired beyond the B1 proficiency level.

Table 1: The Timeline of The Project-Based Learning Methodology Implementation

Timeline	**Stages**
October	Problem identification
November	Reading professional literature, Question formulations
December	Interviews transcribed in Armenian
January	Break time
February	Submission based on feedback
March	Revision to submit
April	Translation in English, Peer feedback
May	Submission, Teacher Feedback
June	Final Submission, Teacher Feedback
July – November	Publication start and end

Results and Discussion

The implementation of Project-Based Learning (PBL) methodology within the English as a Foreign Language (EFL) context for students in the Public Relations, Service, and Tourism departments is framed around the core project phases outlined by Larmer, Mergendoller, and Boss (2015).

The first stage was the entry/launch phase. During this phase, students were asked to brainstorm a question that interested them and aligned closely with their future professions. Many students shared their deep concerns regarding the Artsakh

war, alongside the sad stories they had encountered in their personal surroundings. Recognizing the critical need to cultivate the social skills previously defined for students in PR, Service, and Tourism, the project was designed to train them in conducting interviews with war survivors. To achieve this, relevant literature on interviewing as a data collection tool was selected, supplemented by key readings on research ethics.

The project aimed to foster students' professional, social, linguistic, and digital competencies, while simultaneously documenting the lived experiences of war survivors. Furthermore, this pedagogical approach offered significant potential for nurturing emotional learning, particularly empathy. Following the formulation of these overarching goals, the specific project objectives were presented to the students: identifying the primary research problem, dividing into small groups, and distributing individual roles with a clear vision of the final output. Deadlines for each phase were then established. Throughout this process, the project remained instructor-guided.

The second stage involved acquiring knowledge and skills (Larmer et al., 2015). In this phase, students received comprehensive instruction on interviewing as a scientific data collection tool. They were assigned reading chapters detailing the mechanics of interviewing, its relative advantages and disadvantages, and its overall methodological strengths and weaknesses. Crucially, students were exposed to the ethical considerations of interviewing, particularly when working with vulnerable populations. To reinforce these concepts, they analyzed various video recordings of real-world interviews, evaluating practical examples to identify what the interviewers executed effectively or where errors occurred.

Each chapter was discussed collectively in class through instructor-led questioning and student-initiated inquiries. Discussion sessions concluded with post-chapter assessment questions whose answers were reviewed collaboratively. Once students demonstrated confidence in their understanding, the class collectively finalized nine structured questions to guide their interviews. A structured interview format was selected as the most effective approach given the students' lack of prior empirical data collection experience. The questions were the following:

1. Would you provide the details of your family members' names/surnames/father's names, birth dates, and occupations?
2. Would you identify the geographical location of where you lived (the name of the city, village, town, district, the address and how close it was to the capital)?
3. What did you do for a living?

4. How did you spend your daily lives?
5. What changed in your life when the war began?
6. Would you share your experience of the actual immigration (food, soldiers on the road, cold, children, lack of cars….)?
7. Where are you located now (country name, district, neighbourhood,… as many details as possible BUT NOT the current address)?
8. How is your current life different from your past life?
9. What do you miss most from your past in your current place of residence?

As can be observed from the questions, the interview questions were primarily factual, designed specifically to document the personal accounts of the forcibly displaced population. This approach ensured that the recorded narratives accurately reflected the authentic hardships endured by the people of Artsakh. The questions probed specific details regarding where the participants had lived, their livelihoods, and their firsthand experiences during the war, the blockade, and their eventual forced migration to the Republic of Armenia. The final three questions explored the emotional states and ongoing experiences of the Artsakh refugees in their current locations following displacement. These final prompts were open-ended, thereby facilitating the data elicitation process for the students. Unlike closed-ended questions, which elicit simple yes/no responses and would have forced inexperienced student interviewers to constantly improvise ways to sustain the dialogue, open-ended questions created ideal conditions for gathering rich, detailed narrative data.

The third phase was product creation and revision (Larmer et al., 2015). During this stage, the students transcribed the recorded interviews, which had been conducted in Armenian. A primary challenge in this process was preserving the linguistic authenticity of the interviewees' speech. Because the participants were predominantly from rural areas with vocational backgrounds, their language was largely informal, heavily accented with the Artsakh dialect, and interspersed with numerous Russian loanwords. While preserving the genuineness of the interviews was important, certain standardized adjustments were necessary; for example, the Russian term “подвал” (*basement*) was replaced with its Armenian equivalent, “նկուղ”. Similarly, Russian terms for military vehicles, weaponry, and personnel ranks were transcribed using their formal Armenian equivalents. Transcripts were submitted as Word documents via email according to strict deadlines, and each submission received detailed instructor feedback. This feedback focused on linguistic accuracy - including spelling, lexical choice, grammar, and syntax - while also evaluating the depth and relevance of the responses to assess the level of effort students had invested in data collection. Students were given one week to

address this feedback and submit a revised Armenian draft. Only after finalizing the Armenian versions did students begin translating the interviews into English.

Students were instructed to produce a free translation that would evoke the same emotional and rhetorical effect on English readers as the original Armenian texts. For this three-week translation task, students were encouraged to utilize AI tools such as ChatGPT and Gemini AI. Prior to translation, they received explicit instruction on the ethical and responsible use of AI, ensuring these tools were employed specifically for resolving vocabulary gaps, improving sentence fluency, or rendering complex thoughts into natural English phrasing. The translated English versions then underwent a peer-review stage, followed by one week designated for revision. The final submissions were subjected to AI-detection analysis, with texts accepted only when AI metrics remained below 8 - 10%. Evaluation of the English transcripts assessed grammatical precision, vocabulary use, syntax, spelling, topical relevance, and the overall level of narrative detail.

The fourth phase was the public presentation (Larmer et al., 2015). For this final stage, the project culminated in the publication of a bilingual edited volume titled *"2020 Artsakh War Through the Eyes of the Survivors: An Interview Anthology."* Prior to compilation, the interviews underwent a rigorous selection process wherein narratives lacking sufficient detail or formal written consent were excluded. Only transcripts containing thorough responses and explicit written authorization for public distribution were selected for publication. In total, the anthology featured 25 interviews conducted by 44 students, published by the "Armav" publishing house. The book is currently available in print, with plans underway to digitize the volume and provide open-access electronic availability across various digital platforms.

As already discussed, PBL methodology involves identifying real-life problems specific to the discipline and aiming to solve them, with the output presented and disseminated on digital platforms. This teaching methodology is about applying the knowledge, analyzing and synthesizing the language and different sources, evaluating different choices and creating outputs. During this process students develop their professional skills, language skills, social skills, empathy, and digital literacy (Condliffe, 2017; Hill et al., 2021; Pellegrino & Hilton, 2012).

Beginning with professional knowledge and skills, these competencies were developed across the first two project phases - the launch phase and the knowledge/skills acquisition phase (Larmer et al., 2015). Student mastery was evidenced through the core tasks completed in each stage. During the first phase, students worked in groups to brainstorm potential problems using mind maps. After pooling their responses, they learned to analyze the data using relative frequency distribution to isolate the topic of greatest shared interest: documenting

the survival stories of the people of Artsakh. This methodology constitutes professional knowledge, equips future Social Science professionals to identify workplace challenges, and allows them to systematically prioritize key issues. Interviewing matters because PR experts apply interviewing skills in executive profiling, media interactions, and crisis-communication media engagements (Newsom & Haynes, 2017; Wilcox & Reber, 2016). Meanwhile, Service students practice interviewing to gather qualitative user feedback, conduct client intake, and lead staff training (Bolton et al., 2018). Similarly, Tourism students use interviewing techniques to analyze guest experiences, identify customer needs for tailored travel packages, and collect structured feedback (Guthrie & Anderson, 2010). Focus group feedback confirmed that students had no prior exposure to relative frequency calculations before this introductory phase.

As for the second phase, the focus shifted to interviewing as a data collection tool. Students read assigned book chapters and journal articles covering interview structures, content, implementation strategies, and methodological advantages/disadvanatges. They also analyzed video recordings of actual interviews to evaluate their strengths and weaknesses. According to focus group data, while students possessed a basic awareness of what an interview was, their prior knowledge was extremely limited; they lacked an understanding of its practical advantages, structural requirements, and procedural nuances. The project was their first practical opportunity to conduct real-life interviews. Furthermore, none of the participating students possessed prior experience in conducting interviews, a gap they noted with concern, and recognized how a lack of practical research skills hindered their professional competitiveness. Consequently, they welcomed the opportunity for real-world practice. Additionally, instructor observation of the students' syllabi also confirmed the lack of any lessons or units about the practical implementation of interviewing as a data collection tool. Their successful execution and submission of the interviews demonstrated that they had acquired both the conceptual framework of high-quality interviewing and the practical skill to carry it out.

A critical outcome of this phase concerned research ethics, particularly when working with vulnerable populations on sensitive topics. Within the Armenian higher education context, there is a notable absence of certified IRB (Institutional Review Board) instructors to navigate these complex ethical standards. All instruction regarding ethical open-ended interviewing and responsible public dissemination was delivered directly through this PBL project under the guidance of an IRB-certified instructor. The conducted interviews confirm that they

successfully internalized and practiced ethical research standards within the project.

For the social skills, the students developed active listening, verbal clarity, teamwork, conflict resolution, adaptability, and negotiation skills while working with one another and the interviewees (Hargie, 2019). In the first phase of working with one another, teams were required to negotiate logistical decisions, such as identifying interviewees, selecting shared interview locations, and assigning roles for conducting and recording the interviews. This stage demanded constant adaptation and clear communication, as students needed to distribute the workload equally. They also had to articulate the rationale behind complex translation and transcription choices in the second phase - such as handling informal register, managing dialectal variations, replacing Russian borrowings with appropriate Armenian equivalents, and rendering these concepts into English without losing valuable contextual nuance. Reaching consensus required active listening; each student brought their own interpretation of specific lexical items, forcing the group to evaluate competing suggestions to select the most accurate version for the final transcript. During focus group discussions, participants reflected that maintaining transparent, open communication was essential; without it, their best collaborative ideas would not have emerged. They noted that managing project deadlines and workload was feasible only through balanced participation and regular updates.

When interacting with interviewees in the second phase, students further refined their active listening and conflict resolution skills. Active listening extended beyond detailed note-taking and backchanneling; it required knowing when to maintain silence. When interviewing war survivors, managing pauses became vital, as the narratives were often laden with intense, unprocessed emotion that could be triggered by a single prompt. In focus group sessions, students described instances where an interviewee broke down in tears; rather than interrupting or pressing forward, students learned to sit in silence and give time to the participant to compose themselves before continuing. This conscious behavior was a direct outcome of the project's preparatory phase such as watching interview videos with similar scenarios, which equipped learners to handle sensitive, emotionally-charged interactions.

Regarding conflict resolution in the second phase, students encountered complex ethical challenges, such as safeguarding the anonymity of soldiers' families or participants who requested that their parents' identity remain concealed. Conversely, other interviewees agreed to participate only on the condition that their stories were made publicly available. While the course instructor mediated these underlying conflicts, the students themselves served as the direct messengers of

these resolutions to the participants. In focus group reflections, students rated conflict resolution as one of the most challenging skills to master during the project, noting that they would have struggled to navigate these dilemmas without guidance. Nevertheless, they valued the experience, concluding that the critical takeaways were the necessity of careful planning and a comprehensive understanding of their sample population - two factors that provided the flexibility to manage how immediate on-the-spot decisions impact overall research outcomes. The third phase of the project - creating and revising (Larmer et al., 2015) - was the one that develop these social skills.

The creation and revision as the third phase (Larmer et al., 2015) fostered empathy (Decety & Jackson, 2004; Šmitienė et al., 2026). Throughout the interviews, students listened to harrowing accounts of loss - of children, parents, and spouses lost during the war and in the aftermath of the blockade, with several families having endured multiple casualties. They witnessed the grief of a mother who had lost both her husband and son to the war, and shared the pain of a son who spent years searching for his missing father. During the focus group discussions, students reflected that hearing these personal narratives allowed them to experience the reality of the war closely and deeply. While they were intellectually aware of the war's horrors, they admitted they had not fully grasped the true extent of the misery and devastation that the war caused. The accounts felt so overwhelming that they almost seemed surreal, leaving students deeply moved by the resilience of individuals who survived under conditions lacking basic food, security, and defense.

A central concern raised by the students in the focus group discussion was the overwhelming sense of hopelessness expressed by many participants, whose inability to foresee a better future only deepened their sorrow. Moved by these interactions, students established enduring relationships with several families, choosing to visit them periodically after the project ended so as not to leave them isolated in their grief. Ultimately, these experiences enabled students to develop a profound sense of empathy and compassion for the participants' suffering. Navigating this harsh reality equipped students with a heightened capacity for empathy that extends beyond the classroom - preparing them to better understand and support future co-workers, community members, or anyone facing hardship.

Regarding digital literacy skills, students developed them in the presentation phase (Larmer et al., 2015; van Deursen & van Dijk, 2014). In this pase they learned how to record audio interviews, transcribe spoken data using information technologies, and format text according to specific publishing requirements in Microsoft Word. Focus group discussions revealed that none of the students had

prior experience with speech transcription. As a novel task, they characterized it as particularly demanding and time-consuming, noting that transcribing an answer to a single question could take hours due to the phonetic and lexical complexities of the Artsakh dialect, which frequently challenged speech intelligibility. To navigate these difficulties, students gained platform fluency by utilizing AI-powered transcription tools, specifically Otter.ai and Fireflies.ai, to convert spoken audio into draft texts.

Simultaneously, students refined their document editing skills in Microsoft Word, learning how to structure complex text, embed and align images, and visually differentiate interview prompts from participant responses. They also developed professional digital communication skills by composing contextualized, formal emails to both their course instructor and the book editor. For many participants, communicating with the instructor in English represented their first experience drafting professional emails in a foreign language as shared in the focus group discussion.

Finally, as instructor observations showed students engaged in the post-publication dissemination process, using various social media platforms to raise public awareness and promote the book. Through this self-directed activity, they practiced collaborative multimodal authorship by designing visual posts that integrated photographs of the book with promotional captions.

As this was a methodology implemented in an ESP course for professional purposes, the students' language development was also examined in the creation and revision phase (Larmer et al., 2015). The students were at B1 proficiency level according to the curriculum of the university. This level was also confirmed by the Ultimate Vocabulary Levels Test. Based on the analysis of the interviews at the lexical, grammatical and syntactic levels through language profiling, the following outcomes were detected. The PR students acquired specialized professional vocabulary related to news media, information dissemination, and publishing (*anonymous, awareness, blacklist, to disclose, rumour*), to crisis communication (*to assess, to assure, chaotic, conflict, to escalate, negotiation, tension, uncertainty*), and to public opinion and public action (*confidence, conspiracy, demonstration, indifference, perception*). There were also gains in the words describing organisations, and public events such as *affairs, affiliated, anniversary, mayor, memorial,* and *official*. The interviews also contained the vocabulary to describe hospitality and customer care for Service students (*to approach, cleanliness, to ensure, expectation, hygiene, inquire, to insult*). Other profession-related vocabualry was bound to supplies, rationing and distribution (*coupon, designated, distribute, basic necessities, portion, to register, reserves, scarce,*

shortage, to spoil, unavailable), safety and emergency services (*critical, to evacuate/evacuation, rescuer, shelter*), and jobs or households (*accountant, chores, household, establishment, laundry, mechanic, occupation, retirement, saleswoman, senior specialist, shopkeeper, stable job, tuition fees, tutoring*). There was also travel- and transport-connected vocabulary for Tourism students, i.e. *to accompany, belongings, convoy, delay, to encounter, to fuel, to postpone, to proceed,* and *trunk*. Words related to borders and checks included *checkpoint, to confiscate,* and *inspect/inspection*. Places, nature and landscape were expressed with *birthplace, cave, district, homeland, lively, orchard, province, regional, remarkable, rural, scent,* and *villager*. Culture, food and heritage vocabulary was *cemetery, dairy, dialect, enthusiast, ethnographic ensemble* and *rehearsal*. Students acquired domain-specific vocabulary pertaining to accommodation, residential arrangements, and migration such as *displacement, emigration, immigration, refuge, to relocate, rental, residence, to settle,* and *temporary.* Considering the specificity of the project, the students also acquired military terms such as weaponry names (*artillery, gunshots, gunfire, explosions, drones, bullets, ammunition, tank*), military equipment names (*military unit, military outposts, vehicle, truck, checkpoint, barricade, wood stoves*), names of military personnel (*Russian peacekeepers, military, regiment, battalion, platoon, non-commissioned officer, company captain, tank mechanic, rescuers, troops*), as well as war-related words (*blockade, bombardment, combat operations, battlefield, frontlines, raid, evacuation, displacement, forced displacement, emigration, immigration, siege, genocide, surrender, diversion groups, refugees, wounded, injured, corpses, morgues, combat, shooting, shelling*). Moreover, the students began to distinguish between formal vocabulary and slang, perceiving their differences and context-specific uses. This was connected to the interviewees' dialect, which also included many Russian words. However, the assignment had to be submitted in writing; hence, the students had to search for more formal synonyms for those informal lexical units such as “подвал” and “basement”.

Additionally, the students improved their grammar, specifically the use of the past tense such as past simple (e.g. *"My daily life **was filled** with love and warmth." , "Our life **turned** into a real nightmare.", "We **got together** as families, **took** the necessary supplies and **left** our settlement.", "I **worked** as a nurse for many years.", or "I **heard** the sound of heavy artillery*) and past perfect (e.g. *“The city **had completely been surrounded** by the enemy." , "People **had been trying** to leave since the early morning.", "The diversion group **had entered** the village.", "The war **hadn't happened**, I think I would still have come here to study”).* They

also applied the passive voice (*"The connection **was restored**." , "We **were evacuated** between the 27th and 29th.", "The house **was surrounded**.", "People **were being given** gasoline." or "The journey **was marked** by fear and terror."*) and conditionals (e.g. *"If the war hadn't happened, I think I would still have come here to study, but everything would have been different.", "No matter whatever happened, we would try to overcome the hardship" or* "If we left, that would be the end; there would be nothing left to protect"). The students became skilled in using conjunctions and connectives to make the transition between ideas smoother and more coherent (e.g. *"After that, each of us would run our business: I went to school, my father went to work, and my mother did the housework., "Later, my brother called and said the situation was very bad and that we should leave and when everything calmed down we would come back, but my grandfather did not let us go.", "Well, at first, we were all in one car - a 'Zhiguli.' Altogether, there were 2-3 families; around 11 of us were sitting in one car."* or *"Despite all the difficulties and losses, we were always satisfied with what we had.").*

In this section, it is also worth addressing the challenges of implementing PBL methodology in an ESP context. As Read (2020) highlights, maintaining student motivation presents a key hurdle. Because PBL is multi-phased and often spans several months, students can easily grow disengaged when tangible results are not immediately visible during the initial stages. The same happened in the current project. To address this issue, the instructor frequently reminded students of the social impact their projects would have on local communities, while emphasizing how mastering interview skills serves as a vital professional asset.

Another difficulty stemmed from the lack of existing models. Within EFL classes for Social Sciences - such as PR, Tourism, and Service - no local project had previously implemented a similar methodology or target outcome. As a result, showing students what was expected of them proved challenging, making the process very much a work in progress. However, once the questions for the structured interviews were finalized, students gained a clearer picture of what the final output would look like.

Given that this paper aims to share a data-driven, evidence-based account of implementing PBL methodology in an ESP classroom in Armenia, the sheer volume of required feedback warrants attention. Managing 83 students divided into groups of two or three - and offering feedback across four distinct stages - demanded significant effort. Furthermore, the eventual publication of the book required three additional rounds of review for the same set of interviews. This created an immense workload, highlighting the importance of factoring in the substantial feedback burden when planning such projects.

Conclusion

In conclusion, this study demonstrates that integrating Project-Based Learning (PBL) into an ESP course for Public Relations, Service, and Tourism students at V. Brusov State University yields rich, multi-dimensional learning outcomes. Guided by the four-phase framework of Larmer et al. (2015), the year-long initiative enabled 83 students to move beyond standard language exercises by collecting, transcribing, translating, and publishing survivor accounts from the 2020 Artsakh War. The findings confirm that authentic, socially meaningful tasks significantly advance students' professional competencies, social skills, and empathy. Interpersonally, learners mastered active listening, conflict resolution, and collaborative problem-solving while navigating deeply sensitive interview contexts. Digitally, they built practical fluency in AI transcription tools, document formatting, and multimodal public dissemination, culminating in the publication of the bilingual anthology *"2020 Artsakh War Through the Eyes of the Survivors."* Linguistically, language profiling verified substantial growth in domain-specific vocabulary beyond the B1 threshold, accompanied by concurrent grammatical and syntactic gains. Despite real-world implementation challenges regarding long-term student motivation and heavy instructor feedback demands, this data-driven account confirms that PBL effectively bridges language learning with genuine application, equipping Social Science students with vital professional, social capabilities and language skills.

References

Alanazi, A. S., & Benlaria, H. (2023). Bridging higher education outcomes and labour market needs: A study of Jouf University graduates in the context of Vision 2030. *Social Sciences*, *12*(6). https://doi.org/10.3390/socsci12060360

Beckett, G. H., & Slater, T. (2005). The project framework: A tool for language, content, and skills integration. *ELT journal, 59*(2), 108–116. https://doi.org/10.1093/eltj/cci024

Barnett, R. (2022). *The philosophy of higher education: A critical introduction*. Routledge.

Bolton, R. N., McColl-Kennedy, J. R., Cheung, L., Gallan, A., Orsingher, C., Witell, L., & Zaki, M. (2018). Customer experience challenges: Bringing together digital, physical and social realms. *Journal of Service Management*, *29*(5), pp. 776–808.

Capraro, R. M., Capraro, M. M., Scheurich, J. J., Jones, M., Morgan, J., Huggins, K. S., Han, S., Younes, R., & Han, S. (2016). Impact of sustained professional

development in STEM on outcome measures in a diverse urban district. *Journal of Educational Research*, *109*(2), pp. 181–196. https://doi.org/10.1080/0022 0671.2014.936997

Chen, C.-H., & Yang, Y.-C. (2019). Revisiting the effects of project-based learning on students'academic achievement: A meta-analysis investigating moderators. *Educational Research Review*, 26, 71–81. https://doi.org/10.1016/j.edurev.2018.11.001C

Condliffe, B., Quint, J., Visher, M. G., Bangser, M. R., Drohojowska, S., Saco, L., & Nelson, E. (2017). *Project-based learning: A literature review* (Working Paper). MDRC.

Decety, J., & Jackson, P. L. (2004). The functional architecture of human empathy. *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*, *3*(2), 71–100. https://doi.org/10.1177/1534582304267187

Dewey, J. (1916). *Democracy and education: An introduction to the philosophy of education*. Macmillan.

Dewey, J. (1938). *Experience and education.* Kappa Delta Pi.

Ellis, R. (2015). *The Study of Second Language Acquisition* (2nd ed.). Oxford University Press.

Guthrie, C., & Anderson, A. R. (2010). Visitor narratives: Researching and illuminating actual destination experience. *Qualitative Market Research: An International Journal*, *13*(2), pp. 110–129.

Hargie, O. (2019). *Skilled Interpersonal Communication: Research, Theory and Practice* (7th ed.). Routledge.

Hill, A., Readman, K. & Strampel, K. (2021). Curriculum frameworks in Lynne Hunt & Denise Chalmers (Eds.) *University Teaching in Focus: A Learning-centered Approach*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003008330

Hinostroza, J. E., Armstrong-Gallegos, S., Soto-Valenzuela, P., & Villafaena, M. (2025). Phases and activities of technology-integrated project-based learning in K-12: Findings from a systematic literature review. *Education Sciences*, *15*(8), 1021. https://doi.org/10.3390/educsci15081021

Katz, R. L. (1974). Skills of an effective administrator. *Harvard Business Review*, *52*(5), pp. 90–102.

Kilpatrick, W. H. (1918). The project method: The use of the purposeful act in the educative process. *Teachers College Record, 19*(4), pp. 319–335.

Krajcik, J. S., and Shin, N. (2014). Project-based learning. In R. K. Sawyer (Ed.), *The Cambridge handbook of the learning sciences* (2nd ed.) (pp. 275-297). New York, NY: Cambridge University Press.

Larmer, J., & Mergendoller, J. R. (2015a). *Gold standard PBL: Essential project design elements*. Buck Institute for Education. Retrieved from www.bie.org.

Larmer, J., Mergendoller, J. R., & Boss, S. (2015). *Setting the standard for project based learning: A proven approach to rigorous classroom instruction*. ASCD.

Lungu, I. (2022). Project-based learning as an efficient way of studying English for specific purposes. *Logos Universality Mentality Education Novelty: Philosophy & Humanistic Sciences*, *10*(1), 45-52. https://doi.org/10.18662/lumenphs/10.1/ 63

Newsom, D., & Haynes, J. (2017). *Public relations writing: Strategies & structures* (11th ed.). Cengage Learning.

Nurkanti, M., Lubis, M., Cartono, Hudha, A. M., Shukri, A. A. M., & Yasundari. (2025). Meta-Analysis of the Effectiveness of Project-Based Learning in College Biology Education for the Development of Higher-Order Thinking Skills. *Educational Process: International Journal,* 18, e2025463. https://doi.org/10.22521/edupij.2025.18.463

Noddings, N. (2003). *Happiness and education*. Cambridge University Press.

Nussbaum, M. C. (1997). *Cultivating humanity: A classical defense of reform in liberal education*. Harvard University Press.

Pellegrino, J. W., and Hilton, M. L. (Eds.). (2012). *Education for life and work: Developing transferable knowledge and skills in the 21st century.* Washington, DC: National Academies Press.

Parker, W. C., Lo, J., Yeo, A. J., Valencia, S. W., Nguyen, D., Abbott, R. D., Nolen, S. B., Bransford, J. D., & Vye, N. J. (2013). Beyond breadth-speed-test: Toward deeper knowing and engagement in an advanced placement course. *American Educational Research Journal 50*(6), pp. 1424-1459.

Poghosyan, S., Yeprikyan, A. & Sargsyan, R. (2026). Methodological features of Project-based learning in the teaching of Social Studies. *Scientific News 1*(51). https://doi.org/10.24234/scientific.v1i51.304

Read, C. (2020). *Carol Read's 101 tips for teaching primary children* (Pocket ed.). Cambridge University Press. ISBN 9781108744225.

Sirwesvary, M., & Jamaludin, K. A. (2025). Implementations of project-based learning in primary schools. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*, *14*(1), pp. 206–223. http://dx.doi.org/10.6007/IJARPED/v14-i1/24282

Šmitienė, G., Strazdienė, N., Melnikova, J., & Norvilienė, A. (2026). Project-based learning through e-Learning platforms in Lithuanian primary education: insights into teachers' practices. *Journal of Early Childhood Teacher Education*. https://doi.org/10.1080/10901027.2026.2634048

van Deursen, A. J., & van Dijk, J. A. (2014). The digital divide shifts from access to skills and usage. *Computers & Education*, 75, pp. 50–56. https://doi.org/10.1016/j.compedu.2014.02.001

Vuorikari, R., Kluzer, S., & Punie, Y. (2022). *DigComp 2.2: The Digital Competence Framework for Citizens*. Publications Office of the European Union. https://doi.org/10.2760/11537

Wilcox, D. L., & Reber, B. H. (2016). *Public relations writing and media techniques* (8th ed.). Pearson.

Yulhendri, Sudjatmoko, A., Sofya, R., & Ritonga, M. (2021). Project-based learning model towards students' P21 skills in the 21st century. In *Proceedings of the Seventh Padang International Conference on Economics Education, Economics, Business and Management, Accounting and Entrepreneurship (PICEEBA 2021)* (pp. 230–240). Atlantis Press.

Zhang, L., & Ma, Y. (2023). A study of the impact of project-based learning on student learningeffects: A meta-analysis study. *Frontiers in Psychology*, 14.

Ն. Հակոբյան – *Նախագծային ուսուցման մեթոդաբանության կիրառումը հասարակագիտական գիտությունների կրթության մեջ Վ. Բրյուսովի անվան պետական համալսարանում.* – Բարձրագույն բուհական համակարգը տևական ժամանակ է, ինչ դադարել է լինել տեսությունների և վերացական գիտելիքի փոխանցման միջոց հասարակական գիտություններում: Բարձրագույն բուհական կրթությունը պահանջում է շրջանավարտների մասնագիտական, հասարակական և իրական կյանքում կիրառվող հմտությունների զարգացում: Այս առումով նախագծային ուսուցումն ամենաարդյունավետ մեթոդներից է վերոնշյալ վերջնարդյունքներին հասնելու համար: Սույն հետազոտությունն ուսումնասիրում է, թե ինչպես է նախագծային ուսուցումը կիրառվում Վ. Բրյուսովի անվան «Հանրային հաղորդակցության և սերվիս» ֆակուլտետի ուսանողներին անգլերենը որպես մասնագիտական օտար լեզու դասավանդելիս: Սույն ուսումնամեթոդական հոդվածի նպատակն է ներկայացնել, թե ինչպես է նախագծային ուսուցումը կիրառվել և ինչ վերջնարդյունքներ են գրանցվել հասարակայնության հետ կապեր, սերվիս և զբոսաշրջություն մասնագիտություններով ութսուներեք ուսանողների դասավանդելիս: Հոդվածում կիրառվել են տվյալահեն և փաստահեն նկարագրություններ: Այսինքն, հոդվածում մանրամասնվում են մեթոդաբանության իրացման յուրաքանչյուր փուլում ձեռք բերված վերջնարդյունքների վերլուծությունը, որն ամրպնդվում է ֆոկուսային խմբի և դասավանդողի զննումների միջոցով: Լեզվի պրոֆիլավորումը ևս կիրառվել է լեզվական ձեռքբերումների

զննման համար: Մեթոդաբանության կիրառության արդյունքում ուսանողները զարգացրել են իրենց մասնագիտական գիտելիքները, սոցիալական հմտությունները, թվային և լեզվական կարողությունները, ինչպես նաև հուզական հատկանիշները:

Բանալի բառեր՝ *նախագծային ուսուցման մեթոդ, հարցազրույցներ, սոցիալական հմտություններ, լեզվական կարողունակություն, մասնագիտական հմտություններ, կարեկցանք, թվային հմտություններ*

Н. Акопян – *Применение методологии проектного обучения при подготовке студентов социальных специальностей в Государственном университете имени В. Брюсова.* – В последние десятилетия высшее образование в сфере социальных наук сместило фокус с трансляции абстрактной теории на развитие профессиональных, социальных и жизненных навыков, необходимых выпускникам. В этом контексте методология проектного обучения является одним из наиболее эффективных подходов. В данной статье рассматривается внедрение и адаптация проектного обучения при обучении английскому языку как иностранному студентов факультета социальных коммуникаций и сервиса Государственного университета имени В. Брюсова. Цель статьи – показать, как применялась эта методология и каких результатов удалось достичь при обучении профессиональному английскому языку 83 студентов направлений «Пиар» (PR), «Сервис» и «Туризм». Методология исследования опирается на эмпирический описательный подход и предусматривает ретроспективный анализ результатов проекта в сопоставлении с профильной научно-методической литературой. Эмпирические данные подкреплены наблюдениями преподавателя, результатами фокус-группового исследования с участием репрезентативной выборки из 20 студентов, а также языковым профилированием. Полученные результаты свидетельствуют о том, что внедрение проектного обучения способствовало значимому повышению уровня профессиональных предметных знаний, социальных навыков, цифровой грамотности и языковой компетенции обучающихся, а также оказало позитивное влияние на их эмоциональное развитие.

Ключевые слова: *методология проектного обучения, проведение интервью, социальные навыки, уровень владения языком, профессиональные знания, эмпатия, цифровая грамотность*

SUBMISSION GUIDELINES

Foreign Languages in Higher Education (FLHE) accepts submissions of theoretical/empirical studies in linguistics, world literature, as well as in methods of foreign language teaching written in English, French, German, Russian and Armenian. Because of the better international visibility, we encourage the authors to send their articles in English.

The general principles of submission are as follows:

- FLHE publishes original manuscripts that have not been previously published, nor they are before another journal for consideration (or an explanation has been provided in Comments to the Editor).
- Papers should be submitted electronically in OpenOffice, Microsoft Word, or RTF document file format.
- FLHE has a zero-tolerance plagiarism policy. Plagiarism in all its forms is unacceptable. The authors should guarantee that the works they have submitted are original. If the authors have used any part of published papers, appropriate references are required. The similarity rate of each submission will be checked: all incoming papers will be subjected to screening for plagiarism using similarity check tools.
- Authors are responsible to obtain copyright permission for the material (figures, tables, texts, etc.) they include in their papers from other sources if required.

Author Guidelines

- The suggested length of the article should be 5000–8000 words, including references.
- An abstract (150-250 words) and up to 8 keywords should precede the article and be in the language in which the paper is written. The abstract should be written in italic with the font size 11.
- The whole text should be single-spaced. The preferable font is Times New Roman 12, for Armenian – Sylfaen 12.
- Use quotation marks consistently and as required by the norms of the language in which the paper is written. In most of cases those are double quotations marks ("… "). Use single quotation marks ('m') only within quotations. Quotations longer than three lines of your typed paper should be inserted as a separate paragraph and separated by one empty line from the text.
- Bibliographical references used in the paper should follow the **APA style** and be carefully checked for accuracy and consistency. Please ensure that every source cited in the text is also present in the reference list. Where available, DOIs or URLs for the references should be provided.

- Author(s) should present a short bio (name, surname, title, position and affiliation, research interests, and e-mail address, a mobile telephone number, ORCID) in English, Armenian and Russian, in no more than 70 words, in a separate document.
- The Editorial Board reserves the right to make editorial changes to any manuscript accepted for publication to enhance clarity and style.

Organization of the Manuscript

The structure of the article should correspond to the general requirements of research papers. It should clearly present the research problem, the aim, novelty and relevance in the introduction, theoretical background and/or literature overview, research methods, results and discussion, conclusions, references. Subtitles should be separated by one empty line from the text preceding it. They should be written in bold letters.

Title

The title (no more than 14 words in length) should be a concise and informative description of the work that accurately reflects the main scope and content of the paper.

List of authors (including their affiliations and email addresses)

Abstract

Abstracts are required in the following 3 languages: English, Russian and Armenian. If the article is not in English, it has to have a longer summary in English. Abstract should state briefly the purpose of the research, methodology, the main results and major conclusions. Abstracts should not exceed 200 words. No citations should be included in the abstract.

Keywords

The author should provide appropriate and short keywords immediately after the abstract. The maximum number of the keywords is 8. Listing your keywords will help researchers find your work in databases.

Introduction

This section should be concise and define the background and significance of the research, its aim and tasks.

Literature Review

This section is dedicated to the significant literature resources that served as a theoretical basis for the research. The author should survey scholarly articles, books and other sources relevant to the area of research (particularly the most recent publications), providing a description, summary, and critical evaluation of the work. Please bear in mind that some readers will not be experts in your field of research.

Methodology

This section should contain detailed information about the procedures and steps followed in the study and cover the main methods used to obtain the desired results.

Results and Discussion

This section should address the stated objectives of the study and introduce the main findings of the work with a thorough and detailed description of the results obtained. The relevance of the findings in the context of existing literature or contemporary practice should be addressed as well.

Conclusion

The author should clearly define the main results of the research highlighting its significance and relevance. It may also outline some new approaches to the topic presented in the article.

References

References should be listed alphabetically by the last name of the first author of each work.

The reference list should include the author(s), date, title, and source.

Reference Example

Bühler, K. (1934). *Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache.* Fischer.

Comrie, B. (1985). *Tense.* Cambridge University Press.

Harris, K. R., Graham, S., & T. Urdan (Eds.). (2012). *APA educational psychology handbook* (Vols. 1–3). American Psychological Association.

Levinson, S., & Wilkins, D. (Eds.). (2006). *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity.* Cambridge University Press.

Levinson, S. (2004). Deixis. *The handbook of pragmatics,* 97-121.

Grady, J. S., Her, M., Moreno, G., Perez, C., & Yelinek, J. (2019). Emotions in storybooks: A comparison of storybooks that represent ethnic and racial groups in the United States. *Psychology of Popular Media Culture, 8*(3)*,* 207–217. https://doi.org/10.1037/ ppm0000185

Svendsen, S., & Løber, L. (2020). *The big picture/Academic writing: The one-hour guide* (3rd digital ed.). Hans Reitzel Forlag. https://thebigpicture-academicwriting.digi. hansreitzel.dk/

Miranda, C. (2019). *Exploring the lived experiences of foster youth who obtained graduate level degrees: Self-efficacy, resilience, and the impact on identity development* (Publication No. 27542827) [Doctoral dissertation, Pepperdine University]. PQDT Open. https://pqdtopen.proquest.com/doc/2309521814.html?FMT=AI

Oil painting. (2019, December 8). In *Wikipedia*. https://en.wikipedia.org/w/index. php?title=Oil_painting&oldid=929802398

For materials in languages other than English:

Author(s) - last name, initial(s). (Year). Original Title – italicized [Title - English translation]. Publisher. DOI or Web address - if needed

Piaget, J. (1966). *La psychologie de l'enfant* [The psychology of the child]. Presses Universitaires de France.

Dictionary Entry References

Entry in an online dictionary

American Psychological Association. (n.d.). Just-world hypothesis. In *APA dictionary of psychology.* Retrieved January 18, 2020, from https://dictionary.apa.org/just-world-hypothesis

Entry in a print dictionary

Merriam-Webster. (2003). Litmus test. In *Merriam-Webster's collegiate dictionary* (11th ed., p. 727).

In-text Citations

APA Style uses the author–date citation system, in which a brief in-text citation directs readers to a full reference list entry. Both the author and the date, separated by a comma, appear in parentheses. e.g. (Fillmore, 1997). If other text appears with the parenthetical citation, use commas around the year, e.g. (see Fillmore, 1997, for more detail). For quotations of fewer than 40 words, add quotation marks around the words and incorporate the quote into your own text – there is no additional formatting needed. For quotations of more than 40 words, do not use quotation marks to enclose a block quotation. Start a block quotation on a new line and indent the whole block 0.5 in. from the left margin. Double-space the entire block quotation.

Examples

- One author: (Bühler, 1934), (Danziger, 1997, p. 250), (Johnson, 2017, pp. 39–41)
- Two authors: (Harris & Cook, 2020)
- Three or more authors: (Ervin et al., 2018, p. 470)
- No author: Use the first few words of the title, or the complete title if short: ("Cambridge Advanced Learner's Dictionary," 1995)
- Secondary citations: (Rabbitt, 1982, as cited in Lyon et al., 2014).

For more information on Reference style refer to APA6 Referencing Style Guide.

Peer Review Policy

- Papers sent to FLHE journal should not be submitted elsewhere for evaluation or publication.
- All papers undergo rigorous peer review to ensure quality and originality, based on initial editor screening (if the article does not comply

with the subject-matter, topics and the interests of the journal and does not follow the **Author Guidelines,** it is excluded from revision, and the author is being notified about it).

- Papers are blind peer reviewed by at least two anonymous referees, experts in the field. The process of reviewing and approving papers takes from 1 to 2 months, after which they are published on a first-approved, firs-published basis. If the blind peer-review is successful, the paper will be deposited in the repository, if it is unsuccessful it will be returned to the author with editorial comments.

- Final decision to include the paper in the journal is made by the editorial board members.

Submissions are evaluated along the following criteria:

- Relevance and importance to FLHE readers
- Adequacy of conceptual framework
- Appropriateness and competence of the method(s) of the analysis
- Reasonableness of interpretations and conclusions
- Links between theory and practice
- Originality of contribution
- Clarity of organization and vigour of style (The text adheres to the stylistic and bibliographic requirements outlined in the Author Guidelines).

After reviewing the paper may be:

- rejected,
- returned to the author for revision,
- accepted for publication.

Article Processing Charges

There is no article processing charge for publishing an article in "Foreign Languages in Higher Education."

About the Publishing House of Yerevan State University

The Publishing House of Yerevan State University works closely with the academic community to publish high quality academic journals, monographs and textbooks, and provides services to promote teaching and research. Our main mission is to internationalize, make open, accessible and transparent the scientific work of the Armenian scientific community.

Our publications include digital, print and open access content spanning the humanities and social sciences, natural sciences and technology. In cooperation with authors, we distribute the best academic materials in the region and in the world.

Publish your journal and book with The Publishing House of Yerevan State University and you will join the scientific community of distinguished authors whose published work has helped shape and influence learning in the region and around the world.

- If you need information on how to apply to publish a book, you can read our guide here.
- For information on how to write for a scientific journal, please visit our journal author page here.

Open research
As a university press and not-for-profit publisher, we are committed to the advancement of open research, exploring and innovating new models that will ensure sustainability and quality, while maximising the benefits that openness can offer.

Author Services
In order to continue to publish the best local, regional and international researchers, it is important that we support researchers preparing their research for publication in our journals. In order to help prospective authors to prepare for submission and to reach their publication goals, we offer a range of high-quality manuscript preparation services - including language editing and video abstract creation.

Director of the Publishing House of Yerevan State University is Dr. Karen Grigoryan.
E-mail: publishing@ysu.am

